

Профессор И. М. Андреевский (псевдоним - Андреев)

ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЕ ПРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ

(Краткое конспективное изложение лекций,
читанных в Св.-Троицкой Духовной Семинарии)

Типография прп. Иова Почаевского

Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль. США

1966

ОГЛАВЛЕНИЕ:

[Основы христианской нравственности \(Вступительная лекция\)](#)

[Православно-христианское Нравственное Богословие. Введение](#)

[Краткий очерк истории Нравственного Богословия](#)

[Часть I.](#)

[Религиозная сущность нравственности и богооткровенный нравственный закон](#)

[Догматические основы христианского нравоучения](#)

[Значение веры в нравственной деятельности христианина](#)

[Значение Церкви для нравственной деятельности христианина](#)

[Цель христианской жизни](#)

[Путь христианской жизни](#)

[Норма христианской жизни](#)

[Психологические условия нравственных деяний](#)

[О психологической природе нравственного чувства](#)

[О природе нравственного закона вообще](#)

[Естественный нравственный закон](#)

[Совесть](#)

[Недостаточность естественного закона в падшем человеке](#)

[Понятие об откровенном нравственном законе](#)

[Откровенный нравственный закон Моисея](#)

[Евангельский новозаветный нравственный закон](#)

[Совершенство Евангельского нравственного закона](#)

[Заповеди Христа о блаженстве](#)

[Сущность Евангельских заповедей](#)

[Основной источник христианской нравственности](#)

[О побуждениях к исполнению нравственного закона](#)

[Добро и зло в нравственной природе человека](#)

[Добродетель](#)

[Естественная и христианская добродетель](#)

[Единство добродетели](#)

[Грех](#)

[Нравственное вменение](#)

[Личность Спасителя — как живой идеал нравственного совершенства](#)

[Основы Православно-Христианской аскетики](#)

[Часть II.](#)

[Частное учение об обязанностях и добродетелях христианина](#)

[Общие соображения об обязанностях христианина](#)

[Обязанности христианина по отношению к Богу](#)

[Вера в Бога](#)

[Надежда на Бога](#)

[Любовь к Богу](#)

[Богопочитание. Молитва](#)

[Общественное Богослужение](#)

[Нравственное значение церковных таинств](#)

[Почитание храма и праздников](#)

[Пост](#)

[Клятва](#)

[Обеты](#)

[Общие обязанности христианина по отношению к самому себе](#)

[Частные обязанности христианина по отношению к самому себе. Воспитание ума, чувства и воли](#)

[Воспитание эстетического чувства](#)

[Попечение христианина о теле](#)

[Отношение христианина к своему общественному положению](#)

[Перенесение скорбей](#)

[Общие обязанности христианина к ближним](#)

[Обязанности к ближним, как членам общества](#)

[О сущности Православного Русского Самодержавия](#)

[Частные обязанности подданных Государства](#)

[ПРИЛОЖЕНИЕ](#)

[Брак и семья \(В православно-русском понимании\)](#)

[О православно-христианском нравственном воспитании детей дошкольного возраста](#)

[Плачьте! \(Посвящается памяти Ф. М. Достоевского\)](#)

[Отлучение Льва Толстого от Православной Церкви](#)

Основы христианской нравственности

(Вступительная лекция к курсу Нравственного Богословия)

Что такое нравственность? Нравственность есть деятельность (или поведение) человека, обусловленная его отношением к идее Высшего Добра и Высшего Блага. Идея Высшего Добра определяет путь (метод), а идея Высшего Блага — цель нравственной деятельности человека.

Вопросами о том, что есть истинное Высшее Добро и что есть истинное Высшее Благо для отдельного человека и для всего человечества, занимаются философия и богословие. Этика есть философская наука о нравственности или так называемая нравственная философия. Нравственное же Богословие есть богословская (христианская) наука о нравственности.

Нравственная философия и Нравственное Богословие исходят из различных начал и глубоко отличаются друг от друга методами своего исследования.

Нравственная философия ищет неизвестные нормы нравственного поведения. Для нравственной философии нравственные нормы — искомое, неизвестное. Она ставит вопросы: Что такое нравственность? Возможно ли и должно ли устанавливать нормы для нравственного поведения? Абсолютны или относительно эти нормы? Как их узнать, установить, обосновать, доказать? Возможно ли создать систему этики? Должна ли этика быть автономной (самозаконной), как, например, этика Канта; или она должна быть гетерономной (т.е. основанной на других науках, напр., на биологии или социологии); или она должна быть теономной (т.е. религиозно-обоснованной)? Что такое Добро и Зло? Что есть Благо? Существуют ли и что собою представляют Высшее Добро и Высшее Благо? В чем цель и смысл жизни человека, человечества и всей Вселенной?

Нравственное же Богословие считает все эти вопросы до конца неразрешимыми, указывая на противоречивость и бесплодность всех усилий человеческой мысли, на протяжении всей мировой истории, разрешить эти проблемы и дать ясные ответы. Нравственное Богословие считает эти вопросы непостижными человеческому уму без помощи Свыше. Единственным возможным способом в деле разрешения этих вопросов, как и вообще в деле познания Абсолютной Истины, Нравственное Богословие считает Откровение Божие, т.е. открытие Самим Богом этих истин людям.

Но существует ли такое Откровение? Да, существует! Христос сказал об этом ясно, просто и определенно: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» (Иоан. 14, 6), т.е. «Я (Христос) есмь путь (метод) познания истины; Я есмь воплощенная Истина, ибо открываю волю Бога Отца Моего; Я есмь и сама Жизнь». Никто никогда не говорил так, как Христос: Он говорил как власть имеющий открывать людям Истину.

Христу можно поверить или не поверить, только нужно твердо понять, что не верить —

это значит верить в то, что Христос сказал неправду. Человеку дана свободная воля: он может верить в «да» и в «нет». Чрезвычайно важно только понять, ясно и определенно, что вере в Бога, во Христа и в Откровение Божие — ничто не мешает, и такая вера никогда, никем и ничем опровергнута быть не может. При вере в Бога, во Христа и Его Откровение не получается никаких противоречий в процессе построения целостного мировоззрения и открывается единственная возможность познания непостижной самостоятельному человеческому уму Абсолютной Истины, разрешающей все неразрешимые проблемы, в том числе и проблемы нравственности. Чрез Откровение Божие, данное в Св. Писании и Св. Предании, все неизвестные (и непостижные) искомые для нравственной философии понятия — ясно, определенно и точно раскрываются. Основываясь на Откровении, Нравственное Богословие старается лишь уяснить, с помощью естественного разума (также данного нам от Бога), данные в Откровении Истины.

Источниками Нравственного Богословия являются: Св. Писание, Св. Предание, учение Церкви, основанное на согласном тысячелетнем соборном религиозном опыте святых Отцов Церкви и нравственных образцах святых подвижников.

Высшим нравственным образцом является Личность Божественного Основателя христианства, Господа нашего Иисуса Христа, Богочеловека.

Нравственное Богословие основывается на вере в непогрешимый Божественный авторитет Откровения, а потому и богословские истины — несомненны. Нравственная же философия опирается на ограниченные знания, приобретенные силами человеческого ума, на основании наблюдений, опытов, рассуждений и умозаключений отдельных различных философов и ученых, а потому философские истины носят лишь гипотетический, проблематический и относительный характер, и обречены на неприменную неудачу (бесплодность) в деле разрешения непостижных человеческому уму вопросов. «Без Меня не можете делать ничего», сказал Христос (Иоан. 15, 5). Преимущество Нравственного Богословия перед нравственной философией становится бесспорным, когда мы вспомним, что ни один философ-моралист не представил и не может представить в своей жизни истинно-нравственного идеала. В Нравственном же Богословии дается вечно-живой идеал Богочеловека-Христа, а в многочисленном сонме святых, живших по законам христианской нравственности, даются разнообразные примеры осуществления святости.

Итак, непревосходимое и исключительное величие христианской нравственности заключается в том, что она имеет не только истинный закон и благодатную помощь к его исполнению (как об этом будет сказано ниже), но и обладает живым идеальным образцом и совершеннейшим личным примером нравственной жизни в лице Своего Законодателя и нашего Спасителя — Господа Иисуса Христа. Сам Спаситель заповедал нам стремиться к этому совершеннейшему Идеалу: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» и «Я и Отец — одно».

Точный и полный нравственный образ Иисуса Христа, обладающий безконечным совершенством — невозможно исчерпать человеческими словами. Для этого, говоря словами св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, «если писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг» (Иоан. 21, 25). Поэтому, отметим только наиболее поразительные свойства Личности Спасителя. Прежде всего — безграничную Его Любовь, нравственную свободу и пресвятое совершенство. Закон Божий был постоянно в сердце Иисуса Христа, и исполнение этого закона, даже до смерти, было основой всей Его жизни и деятельности. Вся Его жизнь на земле была как бы непрестанной молитвой: мыслями, чувствами, словами, деяниями. Всецелая преданность воле Божией — «Да будет воля Твоя» — вот что заповедал Спаситель и нам, как основную «молитву Господню». Последняя молитва на кресте перед смертью была: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой»... Из полного, всецелого слияния человеческой воли с волей Бога Отца вытекало и замечательное свойство человеческой природы Христа — безгрешность. В полном и всецелом предании своей воли воле Божией и заключается путь к безгрешности для всех людей. На кротость и смирение, как основные черты Своей Святости, указывал Сам Спаситель: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Матф. 11, 29).

Вся жизнь Христа прошла в благодеяниях, и тем установила закон общения людей друг

с другом. Каждый каждому может и должен благотворить. «Бедность или неимение средств не служит отговоркой для нежелающего благотворить» — говорил св. прав. о. Иоанн Кронштадтский, — «вместо великого дара, принесем усердие. Ничего не имеешь? Утешь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем; несчастье много облегчается искренним соболезнованием». Как просто, мудро и радостно разрешилась бы самая мучительная и неразрешимая на земле социальная проблема, если бы это начало благотворения восторжествовало в людях (ниже мы укажем, почему оно не торжествует). Может ли быть более прекрасный, более совершенный и более благодатный и умилительный идеал для нравственной личности человека, чем распятый Спаситель мира?

Характер Христа — всеобъемлющий и всеобщий, общечеловеческий, — представляет собою нравственный идеал всех времен и всех народов.

Христа невозможно восхвалять, а можно лишь благоговейно прославлять, почитать, преклоняться перед Ним всей душой и любить Его беззаветно всем сердцем, ибо в Нем сосредоточено в полнейшей мере все то, что достойно любви!

Обратимся теперь, после этого краткого "Введения", к обзору основ христианской нравственности, как системы христианского нравоучения.

Благочестивое размышление о Боге в Его отношении к миру и человеку — составляет предмет так называемого Догматического Богословия; благочестивое же размышление о человеке в его отношении к Богу и миру — составляет предмет Богословия Нравственного. Целью Догматического Богословия служит изображение Бога для того, чтобы человек, познавши Его, полюбил Его и стремился к Нему, как своему святому Первообразу, Творцу, Промыслителю, Искупителю и Спасителю. А целью Нравственного Богословия служит изображение истин нравственной жизни, ведущей человека, чрез исполнение воли Божией, к вечному блаженству и обожению (по благодати). Догматическое Богословие изображает Откровенный призыв Божественной Любви к человеку; Нравственное же Богословие говорит об ответной благодарной человеческой любви, ответном благодатном «откровении» человеческой души Богу. Отсюда ясно, что при изложении системы христианского нравоучения необходимо сначала обратиться к основам христианского вероучения, т.е. рассмотреть догматические основы христианской нравственности.

Согласно христианскому учению (основанному на Божественном Откровении), мир и человек были созданы потенциально способными к безграничному совершенству. Зла не было в самой сущности природы мира. Оно появилось позднее, случайно, но конечно, эта «случайность» была предусмотрена Богом в Предвечном Совете Пресвятой Троицы. Как же появилось зло? Об этом нам отвечает Откровение Божией в библейском рассказе о грехопадении первых людей, родоначальников всего человеческого рода. Зло явилось следствием греха! Грех же заключался в нарушении благой воли Бога — свободной волей человека.

Первые люди жили в раю. Это была блаженная жизнь. Они не знали ни болезней, ни страданий, ни печали, и были бессмертны. Весь мир был создан для человека. Ему был дан светлый ум для постижения Истины, чистое сердце для любви и постижения Красоты прекрасного в своем совершенстве Божьего мира, свободная воля человека для творчества добра. Только Бог-Творец мог иметь свободную волю. Но Он создал величайшее чудо: дал твари образ и подобие Творца. Человек сам стал творцом со свободной волей. Но этот величайший дар Богоподобия открывал возможность злоупотребления, вплоть до отвержения Самого Бога и желания встать на Его место. Ничем не ограниченная (лучше сказать не огражденная) свобода могла привести к «свободе от Бога» — Начальника Жизни — и тем самым — к потере самой жизни, которая возможна только в Боге, т.е. в Любви, Истине, Добре, Красоте и огражденной от злоупотребления свободе творчества. Без Бога, вне Бога — прекращается сущий источник жизни, и жизнь превращается в процесс умирания: любовь преобразуется в ненависть, истина — в ложь, добро — в зло, красота — в уродство, блаженство — в страдание, разумная благая свобода творчества — в безумную и злую свободу разрушения, жизнь — в смерть.

По всемогуществу Своей безмерной любви, для ограждения данной человеку свободы от злоупотребления ею, т.е. для ограждения человека от возможности зла, страдания и

смерти, — Господь установил только одну заповедь (которая представляла собою заботу и предостережение): «от древа познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (т.е. начнешь умирать сам и вся вселенная с тобою).

Понятие «свобода» включает в себя непереносимое ограничение или, лучше сказать, ограждение. Неограниченная (неогражденная) свобода немыслима, ибо приводит к самоуничтожению (безграничное и неогражденное «хочу» включает и «хочу, чтобы не было свободы»).

Первые люди — Адам и Ева — были созданы, для их блага, в нравственном отношении вне опытного различия добра и зла. Союзом между Богом и человеком была взаимная любовь и доверие в любви. Человеку было дано задание совершенствоваться от «образа и подобия» Божьего к соучастию в вечном и блаженном творчестве Божиим, до обожения по благодати (следует отличать Божество Бога по природе и обожение человека по благодати).

Первым испытанием для свободной воли человека на его творческом пути вечного совершенствования в доверии любви — был соблазн, по козням диавола, предложенный чрез змия: нарушить единственную заповедь Божию и вкусить запрещенный плод от древа познания добра и зла. Исполнение или нарушение заповеди Божией зависело от свободной воли и произволения человека. Человек был подлинно свободен «в Боге», и дьявол не в состоянии был произвести насилие. Он мог только соблазнять человека, при помощи лжи и клеветы на Бога, обещанием больших благ, чем их дал людям Господь. Женщина, созданная из ребра мужа помощницей ему, была во всех отношениях слабее мужчины. Поэтому змий и соблазнил сначала Еву. А Ева соблазнила Адама. Как только первые люди нарушили заповедь Божию, т.е. свершили грех, так тотчас начало сбываться благое предостережение Божие: они стали опытно познавать — что такое зло и смерть, ибо жизнь их превратилась в умирание, со страданиями, печалью и скорбями. А главное, вместо «свободы в Боге», т.е. свободы, огражденной Богом от зла, они получили ничем не ограниченную и тем самым ничем неогражденную «свободу от Бога», что сделало их рабами греха и смерти. Произошло так называемое грехопадение первых людей, определившее судьбу всей мировой истории до кончины мира.

Почему же грехопадение имело такое безмерное значение? Нарушив, чрез грех, свой завет с Богом, завет, основанный на доверии любви, человек, тем самым, совершил ужаснейшее, страшнейшее, невыразимое преступление: он бесконечно огорчил беспредельно великого в Любви и Истине своего Создателя, изменил Божественной Любви, разрушил доверие, уничтожил веру, кощунственно погрел святость Любви, заразил все существо свое неисцелимым грехом, извратил всю свою природу и природу всего, созданного для него, мира.

Ум человека, после грехопадения, потемнел и стал безнадежно ограниченным; сердце — загрязнилось и потеряло блаженнейшую способность беспредельной любви и чистейшего созерцания красоты; воля, полная неисчерпаемых сил творческого добра, сделалась немощной для доброделания. От греха человека извратилась и вся природа всего мира. В мир вошло зло!

Зло воцарилось в мире и принесло неисчерпаемые, непрекращающиеся, невыразимые страдания, скорби и всеобщую смерть. Эта смерть была послана Божественным Правосудием, чтобы положить предел греху и злу. Без смерти грех и зло были бы вечны. Бесконечно-милосердный, но и безгранично-справедливый Бог — проклял на веки змия (диавола) за его неискutable преступление соблазна, а согрешившему человеку дал надежду на спасение. Затем Бог послал человеку вразумляющий его опыт зла. Этот опыт Господь распространил на все человечество, как «соборного человека» (ср. учение преп. Макария Великого о «соборном человеке»), на протяжении всей мировой истории жизни на земле, со скорбями и страданиями, обещая в будущем избавить человека от греха, проклятия и смерти.

Грех должен был быть искуплен. Для этого необходимо было: 1) покаяние самого человека, опытное познание своего безсилia в борьбе с грехом и мольба ко Господу о спасении; 2) прощение греха Богом! Просто простить было нельзя. Это было бы нарушением Божественной Справедливости, Божьего Правосудия, и, кроме того, не гарантировало бы невозможности нового грехопадения! Одного покаяния человека

было недостаточно. Чтобы простить покаявшегося человека и избавить его от пучины заслуженных зол, чтобы восстановить погранный человеком союз с Богом, основанный на доверии любви, — необходимо было показать Правосудие Божие, которое, как и всякое другое свойство Божие, не могло остаться без свойственного Ему творческого благодействия: уничтожить, затем, грех в существе человека и вообще истребить навсегда ужасные последствия греха в природе человека и во всей Вселенной.

Ведь надо не забывать, что грехопадение человека изменило всю природу, в том числе и природу самой материи, которую проклял Бог. «Проклята земля за тебя» — сказал Бог Адаму, (Быт. 3, 17). Современная наука пришла к убеждению, что «все идет к концу» и жизнь есть процесс умирания. Но наука не знает и не может знать, как можно спасти умирающую вселенную, не знает причин этой смертельной болезни, не знает диагноза, и не имеет никаких средств к лечению! Только христианство понимает, что смертельная болезнь мира («мир во зле лежит») произошла от грехопадения, и что спасение возможно лишь при помощи Спасителя.

Для искупления страшного, непростительного по существу своему греха и преступления (измены Божественной Любви и Божественному Доверию) — нужна была столь же великая умиловительная жертва. Такой жертвы не мог принести сам человек: все, что бы он ни сделал — было бы несоразмерно греху. Средство для торжества Правды Божией изыскал и дал Сам Бог, бесконечно-справедливый и в то же время безгранично-милостивый. В предвечном Совете Пресвятой Троицы было определено, чтобы Второе Лицо, Сын Божий, воплотившись, принял на Себя все грехи человеческие, претерпев за людей все, что требовалось Божественным Правосудием. Хотя искупление человеческого рода Сыном Божиим было предопределено еще прежде сотворения мира, однако, исполнение этого дела не было совершено тотчас после грехопадения. Необходимо было, как мы указали выше, чтобы люди в продолжение всей мировой истории, опытно узнали сущность зла, вытекающего из греха, почувствовали свое нравственное безсилие в борьбе с ним и сами возжаждали Божественной помощи в деле спасения, ибо «Бог мог создать нас без нас, но спасти нас (имеющих свободную волю) без нас не может» (Блаженный Августин). Затем нужно было приготовить людей к достойному принятию Спасителя, сделать их способными к свободному усвоению Его учения, что и было совершено при помощи Ветхозаветного Откровения.

В определенное же Господом время, воплотившийся от Духа Святого и Девы Марии и вочеловечивыйся Господь наш Иисус Христос, будучи совершенно безгрешен, невинен и свят, претерпел за наши грехи страдания и смерть.

Жертва Спасителя была всеобъемлющей, искупительная сила которой охватила весь мир, все грехи, всех людей, всех времен. Для того, чтобы спастись, омыв свои грехи всеискупающей кровью Христовой, человеку оставалось только покаяться в своих грехах, понять свою немощь в борьбе с ними, поверить в Спасителя и Его искупительную Жертву и, с помощью Божией, начать жить согласно с этой верой, принося Богу достойные плоды своего покаяния.

Жертва Христа явилась знамением торжества и славы Правосудия Божественной Любви! Своею крестною смертью Спаситель Господь наш Иисус Христос ознаменовал Новый Завет, которым воссоединил человека с Богом, даровал человеку средства стать святым и достойным блаженного бытия в будущей жизни.

Из всего вышесказанного ясно, что первая основа нравственной жизни христианина есть вера во Христа, как Богочеловека, Икупителя и Спасителя. «Верующий в Сына имеет жизнь вечную, не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает в нем» (Иоан. 3, 36). Этот гнев совершенно понятен, если мы вспомним всю историю грехопадения с одной стороны и искупительные страстные муки Христа-Икупителя и Спасителя — с другой.

Наше спасение совершает Сам Господь, но, как мы указывали выше, не без нашей воли. Воля к спасению у человека, прежде всего, выражается в вере в Икупителя и Спасителя, Сына Божия, Богочеловека-Христа.

Если в райском Завете Бога людям предоставлялась полная свобода воли, которая ограждалась только одной заповедью «не есть от древа познания добра и зла», то теперь Спаситель предлагает Новую Заповедь Нового Завета: свободно и добровольно отдать всю свою свободную волю целиком Ему, в Его волю. Человеку, имеющему горький и безысходно-мучительный опыт нарушения всеблагой воли Божьей только в одной

райской заповеди, предлагается ныне добровольно, охотно, сознательно, с полным доверием, благодарностью и любовью — отдать Господу всю свою свободную волю и всю свою душу. Ибо нет и быть теперь уже не может иного пути спасения и дальнейшей блаженной жизни, временной — на земле и вечной — в Царстве Небесном. Слова Спасителя: «Я есмь путь, и истина, и жизнь» и «Без Меня не можете творить ничего» — должно положить в основу всей жизни и деятельности христианина. Такая жизнь называется «Жизнь во Христе» (см. Дневник св. прав. о. Иоанна Кронштадтского).

Нравственная деятельность, т.е. деятельность, обусловленная отношением к идее Высшего Добра и ставящая своей целью достижение Высшего Блага, — у верующего во Христа получает абсолютно истинную и непоколебимую во век опору в Богооткровенном Учении Спасителя. Ибо каждое Божественное Слово Христа — есть Богооткровенные Заповеди Самого Бога, данные человеку для его спасения от греха, зла, страдания и смерти, и введения в Царство Небесное для вечного блаженства в свободном творческом служении троиственному образу совершенства: Истине, Добру и Красоте, т.е. Троиственному Богу, Который есть Любовь («Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Иоан. 4, 8)).

Вторая основа (после веры во Христа-Спасителя) христианской жизни и нравственности есть Православная Церковь, которую создал Сам Спаситель мира для нашего спасения. Сошествием Святого Духа на апостолов была создана эта Церковь и про нее было сказано: «Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея» (Матф. 16, 18). Создав Церковь, Спаситель ввел в Нее все необходимое и достаточное для нашего спасения и для нравственной жизни, ведущей к этому спасению. После создания Христовой Церкви — все верующие в Спасителя и в Им основанную Церковь, уже через Церковь спасаются, получая и дар Искупления с разрешением грехов (после покаяния) и все благопотребное для дальнейшей нравственной деятельности. Через Таинства Церкви христианин получает Божественную помощь и силы к жизни и благочестию, чтобы безбоязненно идти по пути спасения в вечное Царство Небесное, преддверие которого открывается христианскому сердцу уже здесь на земле («Путь ко спасению» — приснопамятного Еп. Феофана Затворника).

По учению Православной Церкви, все совершающееся в истинной и верной Христу Церкви совершается по благоволению Бога Отца, по благословению Сына Божия, действием Св. Духа Божьего. Получив, после сошествия Св. Духа, эти дары, апостолы получили вместе с тем право и духовную обязанность передавать их, через рукоположение, своим преемникам. Поэтому, каждый истинный христианин нравственно обязан найти истинную Христову Церковь (ибо были и будут во множестве и лже-церкви), войти в Нее и «жить в Ней», по замечательному выражению Хомякова. Все «живущие» в лоне истинной Православной Христовой Церкви возрождаются к новой жизни, воспитываются и возрастают в Духе Истины, получая духовные благодатные дары для жизни на земле, с обетованием и даров вечных. Чуждый Церкви — чужд Христа Спасителя, а следовательно чужд и спасения, которое возможно лишь в лоне Церкви. «Кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец» (Св. Киприан Карфагенский).

Без веры во Христа и вне истинной Православной Церкви Христовой — невозможна истинная нравственная жизнь!

Церковь Христова есть единственный верный путь в Царство Небесное. Не возвращение в потерянный рай (Райское Царство на земле), а восхождение в обетованное новое Царство (Царство на Небе).

Епископ Игнатий Брянчанинов высказал чрезвычайно глубокую мысль о различии состояния человека в раю, по изгнании из рая на протяжении земной жизни, и в Царстве Небесном. В раю — было естественное состояние человека; после грехопадения, в течение всей мировой истории на земле — состояние человека может быть названо нижеестественным; в Царстве же Небесном это состояние будет сверхъестественным. Иными словами, Царство Небесное совершеннее рая. Если в раю было блаженное состояние, то в Царстве Небесном — оно будет блаженнейшим. За что же такая награда падшему, а затем раскаявшемуся, искупленному и прощенному человеку? Казалось бы, и возвращения незаслуженного райского блаженства было бы достаточно? Но Господь дал больше! Почему? Только всесовершенная, справедливейшая, неизъяснимая и непостижимая человеку Божественная Любовь могла

так поступить. О Ней даны нам намеки в Евангелии: в притче о блудном сыне, в повествовании о покаявшемся апостоле Петре, в словах о том, что «на небесах более будет радости об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лук. 15, 7).

Иногда через малое познается великое. Можно через алмазы росы понять величие солнца. Попробуем и мы, через один пример из человеческой жизни осветить путь к пониманию сердцем Божественной Любви.

Еще задолго до революции, в одной крайне бедной и простой православной русской семье, состоявшей из вдовы и пятерых малых детей, произошло следующее событие.

Семилетний мальчик совершил какой-то гадкий поступок по отношению своей младшей сестры. Этот поступок стал известен матери, женщине глубоко-религиозной, рассудительной, горячо любившей своих детей и старавшейся воспитывать их в строго христианском духе. Ужаснувшись происшедшего и боясь, что искра порочного пламени может в будущем развратить душу сына, мать решает его строго наказать. Разъясняя доступными детскому сознанию словами мерзость совершенного, она начала бить мальчика ремнем. Ударяя его очень больно не только по разным частям тела, но даже и по лицу, она при этом била его и морально, приговаривая во время экзекуции, что он ей больше не сын, а чужой. Остальные дети были свидетелями справедливого, но необычно сильного гнева матери. Виновный, понявший серьезность своего преступления, громко плакал не только от физической боли, но и от ужаса, что мать его отлучила от себя, отреклась от него, как от сына. С горькими слезами он умолял простить его и снова признать своим сыном, обещая никогда более не повторять своего проступка. Мать продолжала его наказывать и казалась неумолимой. Наконец, наказание кончилось. Вся семья села за скудный ужин из похлебки и куса черного хлеба. Все молчали, понимая значительность семейного события. После ужина мать сообщила, что одна богатая женщина подарила сегодня детям коробочку дорогих шоколадных конфет. Четверо детей получили по одной конфетке. Виновный остался без сладкого. И он сам, и другие дети хорошо понимали, что он не получит, не может, не должен получить ничего. Но вот, после минутной паузы, мать подзывает его к себе и долго, пристально, молча смотрит ему в лицо... «Мамочка... мамочка .., мамочка»... едва слышным прерывающимся шепотом, с конвульсиями беззвучных рыданий, повторяет ребенок, впиваясь широко раскрытыми, полными слез, глазами в глаза матери. Ее лицо кажется окаменелым. Но это длится недолго. Она привлекает сына к себе, прижимает его головку к своему сердцу и сама начинает плакать, подобно сыну, трясясь от заглушаемых рыданий. «Милый, родной мой сыночек», шепчет она тихо и прерывисто, «любимый мой, самый любимый... Не сердись на меня, что я тебя так больно побила... Я не могла тебя не побить... я должна была побить, потому что... люблю тебя... Я не хочу, чтобы мой хороший мальчик стал дурным и гадким! Я хочу, чтобы он был чистым и добрым... Когда ты вырастишь большим, ты может быть, поймешь, что бить тебя мне было больнее, чем тебе переносить твою боль... Не сердись же, родной... Прости меня, твою маму, за то, что я тебе сделала так больно... И вот, чтобы ты не сердился и простил меня, на, возьми все остальные шоколадные конфеты». Тут она снова затряслась в беззвучном плаче, затем стала тихо шептать какие-то новые, особые, любящим материнским сердцем продиктованные, ласковые, нежные, теплые, светлые, тихие, благоуханные приветливые слова. Четверо детей заулыбались со слезами на глазах, и каждому захотелось отдать прощенному брату свою конфетку. А прощенный маленький грешник стал таким счастливым и радостным существом, каким могут быть только ангелы...

Если этот жизненный пример умилил чье-нибудь сердце до радостных слез, то это будет означать, что он почувствовал частицу тайны Божественной Любви, отраженной в сердцах человеческих, как солнце отражается в каплях росы.

Так, ведь, и Господь, чтобы мы «не сердились» и «простили» Ему наши заслуженные страдания, вознаграждает нас, после покаяния, не возвращением в потерянный рай, а открывает нам «Объятия Отчи» в Своем Небесном Царствии. Не искупаются ли все человеческие страдания такой нездешней радостью?

«Слава Богу за все, особенно же за скорби и страдания» — повторим мы за святым Златоустом.

Последняя цель — в Боге, в полном общении с Ним, совершенно свободном, полном и

радостном. Неизреченная радость о Духе Святом, которую христианин может начать испытывать и на земле, по словам преп. Серафима, бывает оттого, что Св. Дух «радостотворит все, к чему прикасается». Цель жизни христианина на земле, по словам того же преп. Серафима Саровского, есть «стяжание Св. Духа».

Очень важно знать, что полное общение с Богом в христианском понимании ничего общего не имеет с буддийским пониманием исчезновения души в Боге, растворения в Нем. Еп. Феофан Затворник говорит по этому поводу: «Нет, душа человека не перестает быть душою, существом разумно-свободным, подобно тому, как раскаленное железо, проникаясь огнем, не перестает быть железом»...

Люди, стремящиеся жить по христиански, христианской нравственностью, т.е. с Богом, в Его Церкви, опытно убеждаются в глубокой истине слов Аввы Дорофея: «чем люди ближе к Богу, тем они ближе и между собою».

Итак, еще раз повторяем, что окончательная цель человека — в Боге, т.е. жизнь в Боге, с Богом, для Бога, что в то же время есть и истинное и наивысшее для человека благо. «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Матф. 11, 29-30). Перед человеческой свободной волей стоит свободный выбор: воля Божия или воля своя (своеволие). Воля Божия ставит человеку цель: обладание всем в Боге, вечное блаженство в общении с Богом (т.е. общение и обладание Истиной, Добром, Красотой, Свободой и Любовью). В случае, если человек свободно изберет эту цель (жизнь во Христе, обожение по благодати) — Господь дает, через Церковь, средства и помощь для ее достижения, ограждая человеческую свободу от соблазнов, приводящих к потере этой свободы. В случае же отвержения человеком предложенной цели, Господь, как говорят святые Отцы Церкви, не мешает ему Своей помощью, предоставляя человеку желанную ему, ни в чем не ограниченную (а тем самым ничем и не огражденную) свободу от Бога, без Бога, которая приводит его в рабство греху своего собственного своеволия. Надо ясно понять, что подчиняясь благой, всемогущей и премудрой воле Божьей, свобода человека становится все более и более неограниченной и уже не нуждающейся в ограждении, приближаясь к абсолютной свободе Самого Бога, через обожение по благодати.

«Все мне позволительно» — говорит ап. Павел, — «но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Коринф. 6, 12). Обладать человеком может и должен только Бог (т.е. только Истина, а не ложь, Добро, а не зло, Красота, а не безобразие, Свобода, а не рабство, Любовь, а не ненависть, Жизнь, а не смерть).

Ибо только в этом состоит истинное Высшее Благо. Один Бог может нам указать наш путь к истинному Высшему Благу, потому что Он Один только знает — что есть для нас, сотворенных для блага, истинное наивысшее Благо и какой путь ведет к Нему. Бог не только знает о человеке, Им сотворенном, несоизмеримо больше, чем человек знает о себе, но и любит человека несоизмеримо больше, чем может любить себя сам человек. Поняв это, христианин уже не может не любить Бога больше, чем себя самого. Это и есть коренная и основная истина христианской нравственности: следует любить Бога больше, чем себя (первая, наибольшая Заповедь Христа), и тогда, только тогда, сможет человек любить ближнего, как себя (вторая заповедь Христа). Все остальные заповеди и призывы Христовы — только разъяснение и уточнение основных.

«Рабство Богу» — есть истинная свобода, ибо Бог и есть идеальная Свобода. А «Свобода от Бога» (т.е. свобода от свободы) — есть величайшее рабство греху, а через него — дьяволу.

Полная отдача своей свободы Богу есть жертва, самая большая, какую только может принести человек, но и самая удобная Богу. Памятуя, что «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную», христианин, в бесконечно-благодарной любви к Богу, в ответ на Его жертву, приносит свою жертву, «лепту вдовицы», все, что имеет: свою свободу. И тогда, в награду, получает истинную и полную «свободу в Боге», а с нею и обетование вечного блаженства в Царстве Небесном, которое выше рая. Но понять до конца эту простую, казалось бы, истину о Боге, Его Любви, и о необходимости самоотвержения и самоотречения, отдачи своей человеческой свободы для получения свободы Божественной, а с нею вместе и вечного Высшего Блага, — самому человеку, без

помощи Свыше, тоже невозможно. Весь невыразимый ужас грехопадения заключался в полном растлении ума, сердца и воли человека. Потеряв, после грехопадения, постоянное общение с Богом, человек безнадежно погрузился в греховную тьму. И пока эту тьму не осветит свет Божественной благодати, — человек не может даже и осознать своего крайне бедственного положения. «Никто не может придти ко Мне» говорит Христос, — «если не привлечет его Отец, пославший Меня» (Иоан. 6, 44).

Этот, привлекающий внимание грешника, голос Божий, просвещающий потемневший ум, согревающий охладевшее сердце, пробуждающий спящую на благое волю, освещающий сиянием света Божественной Правды тьму греховную, — приходит рано или поздно, и неоднократно, к каждому грешнику. Голос этот — голос совести.

Голос совести, это — чудесный дар Божественной милости после изгнания из рая, загадочный таинственный голос самой Божественной Правды. Совесть, это — духовная пуповинка, связующая человеческую душу с природой Самого Бога, последний след печати Духа Святого, вдунутого в раю в сотворенного человека. Голос совести говорит нам, в нас, как голос подлинного нашего «Я», как голос подлинного образа и подобия Божьего. Но чудно и странно звучит в нас этот наш голос нашей совести: он говорит всегда, как обличающий голос со стороны: «Ты поступил дурно». Не «Я поступил дурно», а «ты поступил дурно»... Словно наше «Я» беседует само с собою и наедине с самим собою самому себе говорит — «Ты»... Поэтому голос совести нельзя уничтожить. Его можно заглушить, замуровать, но нельзя убить! Но ничего нет страшнее, как не слушать голоса совести, этого последнего залога нашего спасения! Чем сильнее и тщательнее заглушается голос совести в жизни на земле, тем сильнее и страшнее он будет звучать после смерти. На Страшном Суде неумолимым обвинителем нашим будет наша собственная совесть.

Питание и очищение совести происходит через покаяние, особенно же в великом Таинстве Покаяния, которое именуется «вторым крещением» или «крещением слезами». После очищения и питания совести покаянными слезами — можно приступать к величайшему христианскому Таинству Евхаристии. Великое и чудное значение этого Таинства ясно высказано Самим Спасителем: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Иоан. 6, 54) и «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Иоан. 6, 56).

Православно-христианское Нравственное Богословие. ВВЕДЕНИЕ

Православно-христианское Нравственное Богословие есть богословская наука, представляющая собой систематическое православное учение о христианской нравственности.

Наука о христианской нравственности имеет еще и другие названия. Ее называют христианской этикой, христианской моралью, богословской этикой или моралью, практическим или деятельным богословием, христианским нравоучением и т. д. Все эти названия имеют право на существование, но наиболее правильным следует признать название «Нравственное Богословие» или полнее и точнее «Православно-христианское Нравственное Богословие». Словом "богословие" показывается основной характер нашего учения, отличающий его от философского учения о нравственности, так называемой нравственной философии. Словом "православное" — подчеркивается, что наше нравоучение основывается на православных началах и потому отличается не только от языческих и иных не христианских религий, но и от католического, протестантского и вообще всякого инославного вероучения.

Что такое нравственность? Нравственность есть деятельность или поведение человека, обусловленное его отношением к идее высшего Добра. Всякая деятельность имеет определенную цель. Цель нравственной деятельности — достижение высшего Блага. Вопросами о том, что есть истинное высшее Добро и истинное высшее Благо для отдельного человека и всего человечества — занимаются и богословие и философия. Этика есть философская наука о нравственности (или т. н. нравственная философия). «Нравственное Богословие» есть богословская (христианская) наука о нравственности. Нравственное Богословие и нравственная философия исходят из различных начал и глубоко отличаются друг от друга методами своего исследования. Нравственная философия ищет неизвестные нормы нравственного поведения. Для нравственной

философии нравственные нормы — искомое, неизвестное. Она ставит вопросы: могут ли быть и должны ли быть установлены эти нормы? Как их узнать, установить, доказать, обосновать? Что такое добро? Что такое благо? В чем состоит высшее или абсолютное Добро или Благо? В чем цель и смысл жизни? Нравственное же Богословие считает все эти вопросы до конца неразрешимыми человеческим умом без помощи Свыше, а потому в основу своих учений о нравственности кладет Откровение Божие, данное в св. Писании и в св. Предании, где все неизвестные и искомые для нравственной философии понятия — ясно и определенно раскрыты. Основываясь на Откровении, Нравственное Богословие старается лишь уяснить, с помощью естественного человеческого разума, данные в Откровении Истины.

Источниками Нравственного Богословия являются: св. Писание, св. Предание, учение Церкви (творения свв. Отцов) и нравственные образцы свв. подвижников. Высшим нравственным образцом является личность Божественного Основателя христианства, Господа нашего Иисуса Христа.

Отношение Нравственного Богословия к нравственной философии сводится к общему отношению богословия к философии. Некоторые исследователи склонны сливать воедино богословие и философию, другие же, наоборот, склонны совершенно их разъединять. В действительности же богословие и философия, подобно религии и науке, будучи различными по методам, могут быть в полном согласии, если только они своей задачей имеют честное искание истины.

Богословие основывается на вере в непогрешимый Божественный авторитет Откровения, и потому богословские истины несомненны; философия же опирается на ограниченные знания, приобретаемые силами человеческого ума, на основании наблюдений, опытов, рассуждений и умозаключений отдельных различных философов и ученых, а потому — эти истины носят лишь гипотетический и проблематический характер. Отсюда ясно, что христианское богословское учение о нравственности имеет преимущество перед учением философским. Это преимущество становится бесспорным, когда мы вспомним, что ни один философ не представил и не мог представить в своей жизни истинно-нравственного идеала. В богословском же учении дается вечно-живой идеал Богочеловека-Христа, а в многообразном сонме святых, живших по закону христианской нравственности, даются разнообразные примеры осуществления святости. Всякое древо познается по плодам. Плоды "древа жизни" — Богооткровенного Христова закона о нравственности — созревшие в лоне св. Церкви, — прагматически оправдывают истинность метода веры в Божественное Откровение.

Значение Нравственного Богословия усиливается оттого, что нравственность имеет теснейшую связь со всеми явлениями общественной, социальной и политической жизни. Семья и школа только тогда нормальны, когда основываются на христианских нравственных устоях. Качество государственных законов также всецело определяется ими.

Христианское учение о нравственности, развернутое в Нравственном Богословии в целостную систему религиозно-нравственного мировоззрения, особенно полезно и даже насущно необходимо для тех людей, которым принадлежит руководящая роль в жизни: начальникам, судьям, учителям, ученым, преимущественно же пастырям, которые должны будут дать ответ не за себя только, но и за руководимых и пасомых ими.

Вера и нравственность находятся в неразрывной связи между собой. Ни религия без нравственности, ни нравственность без религии — немыслимы. "Без веры невозможно угодить Богу" (Евр. 11, 6); "Вера без дел мертва есть" (Иак. 2, 20). Не имея правильного понятия о Боге, Творце, Спасителе и Искупителе — нельзя правильно понять христианскую нравственность. Не чувствуя побуждений к совершению добрых дел, сообразных с верою, и не делая их, нельзя иметь живой плодотворной веры. Вот почему — "И догматы без дел неблагоприятны Богу, и добрые дела без благочестивых догматов — не приемлются Богом" (Кирилл Иерус., Огласительное учение гл. IV, 2).

Если религия охватывает собою все, что относится к Богу, как в Самом Себе, так и в отношениях Его к тварям, то нравственность характеризует по преимуществу человека в его отношении к Богу и к миру. Благочестивое размышление о Боге в Его отношении к миру и человеку составляет предмет Догматического Богословия; благочестивое же размышление о человеке в его отношении к Богу и миру — составляет предмет

Богословия Нравственного. Целью Догматического Богословия служит изображение Бога для того, чтобы человек, познавши Его, полюбил Его и стремился к Нему, как своему Святому первообразу, Творцу, Промыслителю, Искупителю и Спасителю. А целью Нравственного Богословия служит изображение истин нравственной жизни, ведущей человека, чрез исполнение воли Божией, к вечному блаженству и обожению. Догматическое Богословие изображает Богооткровенный призыв Божественной Любви к человеку; Нравственное же Богословие говорит об ответном благодарном откровении человеческой души — Богу.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ НРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВИЯ

Принципы нравственности стали раскрываться еще в св. Писании Ветхого Завета, особенно в законе Моисеевом.

Господь наш Иисус Христос, принеся Себя в жертву за грехи людей, показал в Своей жизни и учении идеал нравственности и всю полноту христианского нравоучения, со всеми благодатными силами и средствами к совершению Нравственного спасения каждого верующего в Него.

В Евангелии основы христианского нравоучения даны в совершеннейшем виде в Нагорной Проповеди и во многих притчах. В Посланиях апостольских идеал христианской жизни раскрывался с разных сторон. Например, ап. Иаков по преимуществу раскрывал учение о целостности Закона Божия, так что нарушивший одну заповедь нарушает весь закон (гл. 2, 10). У ап. Петра главной добродетелью является надежда на получение благ, дарованная искупительной смертью Иисуса Христа (2, 12). Ап. Павел преимущественно раскрывает учение об оправдании верою. Проблема нравственной свободы и превосходство любви над всеми добродетелями, — также находит у апостола Павла яркое и ясное выражение. Ап. Иоанн, преимущественно называемый апостолом Любви, — лучше всех изъясняет учение о христианской Любви, явленной в снисхождении Божьем и данной в качестве новой заповеди.

В св. Писании нет названия Нравственного Богословия как науки, там эта наука называется: Путем Божиим, непорочной совестью, хождением перед Богом, законом царским, словесами Божиими, премудростию свыше и т. п. Все эти названия имеют глубочайшее значение. Нравственное Богословие есть действительно "Путь Божий", т.е. путь нравственной деятельности, указанный Богом. Нравственное Богословие есть действительно учение о непорочной совести и хождении перед Богом. Нравственное Богословие есть действительно учение о законах царских, т.е. законах, установленных Самим Царем Небесным. Нравственное Богословие есть действительно Бого-слово, т.е. слова Божии, открывающие нам истинную Премудрость Свыше.

Изложением христианской нравственности занимались многие Отцы и Учители Церкви, начиная с первых веков христианства. К одним из самых древнейших памятников христианской Церкви принадлежит "Учение Двенадцати Апостолов", составленное неизвестным автором в конце 1 века. Это сочинение предназначалось для наставления новообращенных в истинах Христианской веры и для приготовления их к принятию Крещения. Будучи, таким образом, первым христианским катехизисом, "Учение Двенадцати Апостолов" являлось в то же время и первым христианским Нравственным Богословием, в основе которого были положены заповеди Любви Христовой и указывались грехи, несовместимые с жизнью христианина.

Из мужей апостольских, писавших на нравоучительные темы, следует особо отметить ап. Варнаву, который указывал на то, что вера должна быть непременно соединена с добродетелями, причем христианину недостаточно ограничиваться нравственностью ветхозаветной. В посланиях Игнатия Богоносца находятся нравоучительные наставления аскетического характера. Иустин Философ также предлагал правила христианской аскетики, в которых требовал, чтобы христианин был преисполнен особыми добродетелями, гораздо высшими, чем добродетели естественные.

Из богословов-нравоучителей древней Церкви были наиболее замечательные: Климент Александрийский (ум. 217 г.), стремившийся христианское нравоучение связать с Платонической философией; св. Василий Великий, обосновывавший, напротив, христианскую мораль исключительно на св. Писании; св. Иоанн Златоуст, давший в

своих многочисленных сочинениях большое количество рассуждений на нравоучительные темы; св. Григорий Богослов, оставивший глубокие размышления о грехе, о добродетели, о нравственной природе человека вообще; св. Григорий Нисский — писавший о блаженстве, о христианском совершенстве и о многих частных предметах христианского благочестия; св. Кирилл Иерусалимский — составлявший в простой и доступной форме глубокие нравственные поучения для оглашенных.

Великие подвижники и учителя аскетической нравственности: Антоний Великий, Макарий Великий, Макарий Александрийский, Иоанн Кассиан Римлянин, Арсений Великий, Нил Синайский, Иоанн Лествичник, Варсанофий Великий, Анастасий Синайский, Исаак Сирий, Максим Исповедник, Иоанн Дамаскин, написавший "Священные параллели" — обширное собрание нравоучений библейских и святоотеческих совместно с моральными изречениями философов древности; Филофей Синайский, Феодор Студит и многие другие — дали в своих творениях и примерах своей жизни ценнейшие материалы для нравственного богословия. Из Западных Отцов Церкви особенно известны своими писаниями нравоучительного характера: св. Амвросий Медиоланский, написавший по образцу Цицероновских "Об обязанностях", сочинение на ту же тему, в котором имеются уже элементы систематического Нравственного Богословия, и Блаженный Августин, развивший еще более широко систему христианского нравоучения. В полемике против ересиарха Пелагия, утверждавшего, что нравственная жизнь вполне зависит от воли человека, а благодать только указывает закон деятельности, Блаж. Августин, наоборот, развивал мысль о том, что воля человеческая не имеет абсолютной свободы, что она извращена грехом совершенно, так что спасение принадлежит единственно одной благодати. (Истинное православно-христианское учение о благодати не совпадает с крайними выводами Блаж. Августина.)

Бл. Августин имел огромное влияние в течение нескольких веков на богословскую мысль Запада.

В истории Нравственного Богословия нельзя не упомянуть Тертулиана, проповедовавшего излишне ригористическую мораль (так, напр., второй брак он уже считал прелюбодеянием), его почитателя, Киприана Карфагенского, и Оригена, который в своих нравоучительных сочинениях о нравственной свободе, о высшем благе, о сущности добродетели и других — дал много глубокомысленных поучений но, познакомившись с неоплатонической философией, во многом подпал под ее влияние.

С VI века стали появляться "Сборники", в которых сопоставлялись различные христианские и языческие нравоучительные сентенции. Наиболее известны "Сборники" под редакцией Боэция.

В средние века появляются сочинения знаменитых схоластов, из которых наиболее замечательными были Петр Ломбардский и, особенно, Фома Аквинат, построивший на началах Бл. Августина целостную систему нравоучения, имевшую огромное влияние в течение многих веков на католическое богословие.

Противником Фомы Аквината выступил Дунс Скотт. Вместо теонимической точки зрения на нравственность, он встал на точку зрения автономическую (самозакония). Вместо веры и благодати, его теория полна скепсиса и софизмов. Оно послужило впоследствии образцом для иезуитов, оправдывавших произвол человеческой свободы. Кроме схоластического направления, в средних веках появилось и мистическое направление, в котором обращалось главное внимание на непосредственное отношение к Богу и возможность богообщения, посредством которого душа человека может возвыситься до полного единения с Богом. Наиболее типичным представителем средневековой мистики был Фома Кемпийский, сочинение которого "О подражании Христу" — считается до сих пор одним из основоположных нравоучительных сочинений католического богословия. С точки зрения здоровой и строгой мистики православия — это произведение Фомы Кемпийского имеет элементы тонкой и соблазнительной прелести. В том же роде были и проповеди Таулера.

Рядом со схоластическим и мистическим направлениями образовалась в средние века еще и третья форма нравоучения — казуистическая. Казуисты излагали "казусы совести" в алфавитном порядке, чтобы можно было скорее найти ответы на всякий случай (казус) нравственной жизни. Начало казуистики было положено еще в VIII веке, но расцвет ее относится к XIII-XIV векам.

Механическое отношение казуистов к нравственности вызвало реакцию со стороны лютеранства. Лютер считал в нравоучении главной мыслью учение об оправдании верой; его сподвижник Меланхтон — сводил христианское нравоучение к нравственной философии; Кальвин же придавал ей практически-юридический характер.

Католики-иезуиты в своих системах нравоучения старались сообщить научную форму некоторым принципам пелагианским (зависимость нравственной жизни преимущественно от воли человека) и, в особенности, принципу подчинения авторитету Церкви — папы.

Некоторое время христианское нравоучение рассматривалось лишь как элемент Богословия Догматического (изучалось нравственное значение каждого догмата как "нравственный вывод").

Значение самостоятельной науки Нравственное Богословие приобрело в эпоху реформации. Французский реформист Дано выделил христианское нравоучение из состава догматического и изложил его в стройной системе "Христианской Этики" (1557 г.). В своем труде Дано привел мнения древних философов, так как думал, что не всегда между христианством и язычеством в области морали наблюдается разногласие.

Большое значение для развития Нравственного Богословия имели течения пиетизма и янсенизма. Пиетизм (что значило — благочестивость) Шпенера, Арндта и других богословов, писания которых отличались теплотой чувства и строгостью нравственных требований, — явился реакцией на излишнюю отвлеченность и сухость протестантских систем нравоучения. Янсенизм же (от имени богослова Янсения), возродившего учение Блаж. Августина против пелагианства) — явился реакцией на мораль иезуитов.

Протестантские моралисты XVIII века (особенно Буддей и Мозгейм) старались поставить Нравственное Богословие на строго философскую почву. Они нашли опору в нравственной философии Канта с его учением об автономной морали и "категорическом императиве".

Реакцией против них явилось учение Шлейермахера, который в нравственной жизни каждой личности видел индивидуальный свободный, творческий процесс, а не плод общего закона внутренней жизни. Одним из ярких представителей этого направления был Роте.

Последнее время состояние науки Нравственного Богословия характеризуется стремлением к свободе от влияния какой бы то ни было философии, ввиду глубокого принципиального различия методов Нравственного Богословия и нравственной философии.

В России христианское нравоучение долгое время было предметом не специальной богословской науки Нравственного Богословия, а излагалось в духовно-назидательных творениях великих подвижников и аскетов, обладавших богатым даром высочайшей духовной мудрости. В XV веке преп. Нил Сорский, один из замечательнейших русских святых, столп северного пустынножительства, по духу своему равняющийся Макарию Великому (по определению архим. Гавриила), — составил Монастырский Устав, который представлял собою первую русскую православную Аскетическую, т.е. высшую часть Нравственного Богословия, трактующую о совершеннейших добродетелях и способах их достижения. Большая часть других русских сочинений о нравственности до XVIII века была посвящена описанию внутреннего духовного совершенства. Эти сочинения носили таинственные наименования: духовных мостов, лестниц, лугов, цветников и отличались большей частью аллегорическим изложением. Лучшее из этих сочинений — "Сокровище духовное от мира собираемое" св. Тихона Задонского, епископа Воронежского (ум. 1783 г.); Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского (ум. 1709 г.), как и другие его сочинения, также дают богатейший материал для изучения христианской нравственности.

Что касается систематического изложения христианского нравоучения, то кратко и в порядке катехизическом оно было предложено в "Православном исповедании" митрополита Петра Могилы (ум. 1646 г.), в "Катехизисах" митр. Платона (ум. 1812 г.), митр. Филарета (ум. 1867 г.), митр. Антония (ум. 1938 г.), а частично в русских православных духовных журналах.

Школьные систематические курсы Нравственного Богословия появились в России с XVIII в. Из них наиболее известны: Феофана Прокоповича, архиеп. Феофилакта

Горского, архим. Илариона, архим. Мефодия, иеромонаха Макария. Большинство из них и им подобных составлялись сначала по католическим и протестантским образцам. Так, напри-мер, труд еп. Иннокентия Пензенского (ум. 1819 г.) "Об обязанностях христианина" — был составлен по Буддею и Мозгейму. В сочинениях "О Богопознании и Богочитании" Никольского, "Об обязанностях домашнего общества" Мансветова, в книге прот. Кочетова (1824 г.) — "Черты деятельного учения веры", богатых текстами Св. Писания, — сказалось влияние Библейского Общества, учрежденного в 20-х годах XIX века.

Указанные труды послужили архим. Платону материалом для его "Нравственного Богословия", принятого в качестве учебника в духовных семинариях до курса "Нравственного Богословия" прот. Солярского, представлявшего собою энциклопедию морали (в 3-х томах, изд. 1860 года; в одном томе 2-е изд.: "Нравств. Правосл. Богословие", 1875 г.). На труде Солярского заметно влияние католического богослова Риглера. Кроме этих учебников были известны еще: "Об обязанностях христианина" протопр. В. Б. Бажанова (1845 г.), "Православное Нравственное Богословие" прот. Халколиванова (1875 г.), "Нравственное Богословие" архим. Гавриила (1884 г. Тверь), Е. Г. Пятницкого "Опыт православного Нравственного Богословия" (1890 г.), "Православно-Христианское Нравственное Богословие" прот. Н. Т. Каменского, (впоследствии еп. Никанора), (Казань, 1888 г.). Это один из лучших учебников. Последнее время в духовных семинариях был принят учебник проф. М. Олесницкого — "Нравственное Богословие или православное учение о нравственности" (5-е изд. Петроград 1915 г.). Одним из лучших учебников для духовных академий было "Православно-христианское учение о нравственности" протопр. П. Л. Янышева (Москва, 1887 г.). Из старых работ заслуживают внимания еще "Очерки нравственных правил христианского учения" прот. Фаворова (1880 г.).

Огромнейший ценнейший материал для Нравственного богословия дают сочинения еп. Игнатия Брянчанинова, (ум. 1867 г.) — "Аскетические опыты" 5 томов, и сочинения еп. Феофана, Затворника Вышенского, (ум. 1894 г.). Свои "Письма о христианской жизни" еп. Феофан переработал в специальное пособие по нравственному богословию, дав ему заглавие "Начертание христианского нравоучения" (изд. 2-е, 1895 г.). Этот вдохновенный труд представляет собой глубоко-продуманную строго-православную высшую аскетическую систему Христианской нравственности.

Подобную же ценность представляет собой труд св. прав. Иоанна Кронштадтского "Моя жизнь во Христе" и многие письма Оптиных старцев, особенно же старца иеросхимонаха Амвросия.

Высшее учение о христианской нравственности, так называемая духовная мудрость о христианской жизни и способы ее достижения — выходят за пределы школьного Нравственного Богословия, как науки, и является предметом другой богословской дисциплины Аскетики, доступной немногим. Основы этой духовной мудрости о подлинной и полной жизни во Христе можно найти в 5-ти томах Добротолюбия и в "Лестнице" преп. Иоанна Лествичника.

РАЗДЕЛЕНИЕ НАУКИ О ХРИСТИАНСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Из понятия о Нравственном Богословии и определения его предмета, становится ясным, на какие главные части оно должно подразделяться. Первая часть имеет задачей уяснить сущность нравственности в природе человека и сущность Богооткровенного закона Божьего о нравственности христианина. Вторая же часть должна указать деятельность человека, соответствующую требованиям Богооткровенного Закона.

Таким образом, первая часть Нравственного Богословия должна раскрыть внутреннюю сущность христианской нравственности, а вторая — внешнюю, практическую деятельность человека, или его обязанности к Богу, к себе и ближним.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Религиозная сущность нравственности и Богооткровенный нравственный закон Божий

ДОГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОУЧЕНИЯ

Согласно христианскому учению, мир и человек были созданы совершенными. Зла не было в самой природе мира. Оно появилось позднее, случайно. Конечно, эта "случайность" была предусмотрена Богом в Предвечном Совете Пресвятой Троицы.

Как же появилось зло? Об этом нам отвечает Откровение Божие в библейском рассказе о грехопадении первых людей, родоначальников всего человеческого рода. Зло явилось следствием греха. Грех заключался в нарушении благой воли Бога — свободной волей человека.

Первые люди жили в раю. Это была блаженная жизнь. Они не знали ни болезней, ни страданий, ни печали, и были бессмертны. Весь мир был создан для человека. Ему был дан светлый ум для постижения Истины, чистое сердце для Любви и постижения Красоты прекрасного в своем совершенстве Божьего мира, и свободная воля для творчества Добра. Только Творец мог иметь свободную волю. Но Бог создал величайшее чудо: Он дал твари образ и подобие Творца. Человек сам стал творцом со свободной волей. Этот величайший дар богоподобия — открывал возможность злоупотребления им, вплоть до отвержения Самого Бога и желания стать на Его место. Ничем неограниченная (лучше сказать, неогражденная) свобода могла привести к "свободе от Бога" — Начальника жизни — и тем самым к потере самой жизни, которая возможна только в Боге, т.е. в Любви, Истине, Добре, Красоте, Блаженстве и в разумной благой Свободе творчества. Без Бога, — прекращается сущий источник жизни, и жизнь превращается в процесс умирания: Любовь преобразуется в ненависть, Истина — в ложь, Добро — в зло, Красота — в уродство, Блаженство — в страдания, разумная, благая свобода творчества — в безумную и злую свободу разрушения, жизнь — в смерть. По безмерной любви Своей, для ограждения данной человеку свободы от злоупотребления ею, т.е. для ограждения человека от зла, страдания и смерти, — Господь установил только одну заповедь-предостережение: "от древа познания Добра и Зла не ешь; ибо в день, в который ты вкусишь от него — смертью умрешь".

Следовательно, первые люди были созданы для их блага вне опытного познания различия Добра и Зла.

Союзом между Богом и человеком были — взаимная любовь и доверие, или доверие в любви.

Человеку было дано задание совершенствоваться от "образа и подобия" Божия к соучастию в вечном и блаженном творчестве Божьем, до полного слияния с Богом, т.е. обожения.

Первым испытанием для свободной воли человека на этом творческом пути вечного совершенствования в доверии любви — был соблазн, по козням диавола предложенный через змия: нарушить единственную заповедь Божию и съесть запрещенный плод с древа познания Добра и Зла. Исполнение или нарушение заповеди Божией — зависело всецело от свободной воли и произволения человека. Человек был свободен "в Боге", и диавол был безсилен произвести насилие. Он мог только соблазнять человека при помощи лжи и клеветы на Бога, обещанием "больших благ", чем их дал людям Господь.

Женщина была во всех отношениях слабее мужчины. Поэтому змий и соблазнил Еву. А Ева соблазнила Адама. Исполнилось предупреждение Божие: как только первые люди нарушили Заповедь Божию, т.е. совершили грех, так тотчас они стали опытно познавать что такое зло и смерть, ибо жизнь их превратилась в умирание, со страданиями, печалью и скорбями, а главное — "свобода в Боге", т.е. свобода огражденная Богом от Зла, — превратилась в неограниченную ничем "свободу от Бога", что сделало их рабами греха и смерти.

Нарушив через грех свой завет с Богом, завет основанный на доверии Любви, человек тем самым совершил ужаснейшее, страшнейшее преступление: он огорчил безпредельно-великого в Любви и Истине своего Создателя, изменил Божественной Любви, разрушил доверие, заразил все существо свое неисцелимым грехом и извратил свою райскую природу. Ум человека потемнел, стал ограниченным, сердце загрязнилось и потеряло способность безпредельной Любви и чистого созерцания Красоты, воля — сделалась немощной для добродетели. От греха человека извратилась и природа всего мира.

В мир вошло Зло, воцарилось в нем, и принесло неисчерпаемые непрекращающиеся страдания, скорби и всеобщую неотвратимую — смерть. Эта смерть была послана Божественным Правосудием чтобы положить предел греху и злу. Без смерти грех и зло были бы вечны.

Безконечно милосердый Бог проклял на век соблазителя-змия (диавола), а согрешившему человеку дал надежду на спасение. Бог дал человеку вразумляющий его опыт зла — историческую жизнь на земле со скорбями, страданиями и смертью, но обещал избавить его от греха, проклятия и смерти в будущем.

Грех должен был быть искуплен. Для этого необходимо было: 1) покаяние самого человека, опытное познание своей немощи в борьбе с грехом и мольба к Господу о спасении; 2) прощение греха Богом. Но для прощения нужна была столь же великая умиловительная Жертва, сколь велик был грех. Такой жертвы не мог принести сам человек: все, что бы он ни сделал — было бы несоизмеримо греху измены Богу в Любви и доверии. Средство для торжества Правды Божией изыскал и дал Сам Бог, безконечно справедливый и правосудный и в то же время безгранично милостивый.

В Предвечном Совете Божьем было предопределено, чтобы Второе Лицо Пресвятой Троицы, Сын Божий, воплотившись, принял на Себя все грехи человеческие, претерпев за людей все, что требовалось Божественным Правосудием. Хотя искупление человеческого рода Сыном Божиим было предопределено еще прежде сотворения мира, однако, исполнение этого дела не было совершено тотчас же после грехопадения. Необходимо было, как мы указали выше, чтобы люди в продолжение многовековой истории опытно узнали сущность зла, почувствовали свое нравственное безсилие в борьбе с ним, и сами возжаждали Божественной помощи в деле спасения, ибо "Бог мог создать нас без нас, но спасти нас без нас не может" (по словам блаж. Августина). Затем нужно было приготовить людей к достойному принятию Спасителя, сделать их способными к свободному усвоению Его учения, что и было совершено при помощи Ветхозаветного Откровения.

В определенное же время, воплотившийся от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечившийся Господь наш Иисус Христос, будучи совершенно безгрешен и невинен, претерпел, за наши грехи, страдания и смерть.

Жертва Спасителя была жертвой всеобъемлющей, искупительная сила которой охватила весь мир, все грехи, всех людей, всех времен. Для того, чтобы спастись, омыв грехи всеискупающей Кровью Христовой, человеку оставалось только покаяться в своих грехах, понять свою немощь в борьбе с ними, поверить в Спасителя и Его Искупительную Жертву и, с помощью Божьей, начать жить согласно с этой верой, принеся Богу достойные плоды своего покаяния. Вера без дел мертва. Такой верой веруют бесы и трепещут. Живая же вера не может не благодетельствовать, как созданный благоуханным цветом не может не благоухать. Покаяние без плодов тоже мертво. Безплодное покаяние — покаяние неистинное. Истинное же покаяние не может не плодотворить дел, противоположных содеянным во грехе.

Хотя Спаситель страдал Один за весь человеческий род, но будучи Второй Ипостасью Пресвятой Троицы, т.е. Лицом Божеским, с Которым не могут сравниться ни люди, ни весь мир в своей совокупности, — Он, Своею крестною смертью ознаменовал Новый Завет, который воссоединил человека с Богом, даровал человеку средства быть святым и достойным блаженного бытия в будущей вечной жизни.

ЗНАЧЕНИЕ ВЕРЫ В НАВРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХРИСТИНИНА

Первая основа христианской жизни есть вера во Христа, как Богочеловека, т.е. вера в то, что Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы, воплотился в человека и пострадал до смерти ради нашего спасения, а затем воскрес из мертвых, победив тем ад и смерть. "Верующий в Сына Божия имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает в нем" (Иоан. 3, 36). "Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет" (Марк. 16, 16).

Вера в спасительную силу воплощенного Бога есть, в свою очередь, дар Божий. Но побуждение к этому, жажда Бога, искание Его, порождается честным разумом, тоскующим по правде сердцем и свободной волей к Истине, создающим в человеке непоколебимое убеждение в том, что иного спасения нет и быть не может.

Искупление для спасения и само спасение — совершает Бог, но не без нашей воли. Воля к спасению у человека прежде всего выражается в вере в Икупителя и Спасителя — Сына Божия, Богочеловека Иисуса Христа.

После грехопадения человек потерял свою истинную жизнь и начал жить извращенной греховной жизнью, которая на самом деле оказалась не жизнью, а умиранием. Господь наш Иисус Христос, обновив в Себе человеческое естество, стал началом новой жизни, началом новых человеков, живущих вновь истинною человеческою жизнью. Спаситель соделался новым Адамом, новым родоначальником нового человечества, а все приходящие к Нему — соделались родом Его.

Ап. Павел так говорит: "Первый человек из земли, перстный; второй человек — Господь с Неба. Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный таковы и небесные; и как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного" (1 Кор. 15, 47-49). Сам Христос сказал об этом так: "Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего" (Иоан. 15, 5). И в другом месте: "Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится" (Матф. 15, 13). В молитве Господней мы молимся: "Да будет воля Твоя". Иными словами, христианин должен полно, глубоко, непоколебимо верить во Христа и Христу, до полного самоотвержения, до отказа от своей воли.

Если в райском завете Бога людям предоставлялась полная свобода воли, которая ограничивалась (вернее, ограждалась) только одной заповедью — не есть от древа познания Добра и Зла, то теперь Спаситель предлагает Новую Заповедь Нового Завета: свободно отдать всю свою свободную волю целиком Ему в Его волю. Имея горький и безысходно мучительный опыт нарушения воли Божией в одной райской заповеди, человек ныне добровольно, охотно, сознательно, с бесконечным доверием и благодарностью отдает Господу всю свою свободную волю. Ибо верит, знает, и понимает, что нет и быть не может иного пути спасения и дальнейшей жизни, временной на земле и вечной в Царстве Небес-ном, как во Христе, Икупителе и Спасителе мира и человеков, Который Сам о Себе сказал ясно и просто, как власть имеющий открывать человеку Истину: "Я есмь путь, и истина, и жизнь" (Иоан. 14, 6). Эти слова Христа и должно положить в основу всей жизни и деятельности христианина. Вера в истинность этих слов и есть первая основа христианской жизни, которая называется "Жизнь во Христе".

Нравственная деятельность, т.е. деятельность человека, обусловленная его отношением и идее высшего Добра и ставящая своей целью достижение высшего Блага, — у христианина получает абсолютно-истинную и непоколебимую основу в богооткровенном учении Богочеловека Христа.

Нравственное Богословие, как богословская наука о христианской нравственности, все свое учение строит на божественных словах Христа, считая каждое Его слово — заповедями Бога, данными человеку для спасения его от греха, зла, страдания и смерти, и введения его в Царство Небесное для вечного блаженства в творческом служении Истине, Добру и Красоте.

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ДЛЯ НАВРСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХРИСТИАНИНА

Вторая основа христианской жизни и нравственной деятельности — есть Православная Церковь, глава которой — Сам Господь наш Иисус Христос.

Совершив Свою искупительную жертву, Спаситель вознесся на Небо, умолил (умилостивил) Отца Своего, и послал Духа Святого, Который от Отца исходит, Утешителя, Духа Истины. Сошествием Св. Духа на Апостолов создана была Церковь Христова, которую не смогут одолеть вовек все силы ада ("Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ее" (Матф. 16, 18)). Создав Церковь, Спаситель вложил в Нее все, необходимое и достаточное для нашего спасения и для жизни, ведущей к этому спасению. После этого все верующие и ищущие спасения уже через Церковь спасаются, получая и дар Искупления с разрешением грехов, и все благопотребное для дальнейшей нравственной деятельности. В Церкви христианин получает все божественные силы к жизни и благочестию, чтобы безбоязненно идти в путь спасения в вечное Царство Небесное, преддверие которого открывается христианскому сердцу уже здесь на земле.

Святая Церковь и есть Новое человечество от Нового родоначальника, нового Адама —

Богочеловека Иисуса Христа.

Церковь Христова, по мистическому своему содержанию будучи Телом Христовым, дышащим Духом Святым, в историческом плане явилась живым организмом нового соборного человека (см. учение св. Макария Вел.), просвещенного и огражденная умом Христовым, чрез соборный разум святых, установивших обрядовые формы таинств и богослужений, сформулировавших догматы и каноны, и проводящих преемственное иерархическое руководство.

Все, совершающееся в истинной Православной Церкви, совершается по благоволению Бога Отца, чрез Сына Божия, действием Св. Духа Божия. Апостолы получили эти дары после сошествия на них Св. Духа, с благоволения Бога Отца, посланного Сыном Божиим. И эти дары Божьи апостолы получили право и духовную обязанность, чрез рукоположение, передавать своим преемникам. Все истинные христиане, не языком и рассудочной мыслью только чтущие Христа, Спасителя нашего, а исповедующие Его искренно и полно всем существом своим, — нравственно обязаны найти истинную Православную Церковь (ибо и были и будут до конца мировой истории и лже-Христы и лже-церкви) и, найдя Ее, войти в Нее, жить в Ней, дыша духовным живительным ароматом Ее святых догматов, канонов, таинств и молитв.

Вся церковная иерархия, от свв. апостолов древней Церкви до каждого священника-пастыря наших дней, носит святое и почитаемое наименование — отцов. Святые, много потрудившиеся для церкви на поприще учительства, именуются "Отцами Церкви" и "Вселенскими Учителями".

Все рождающиеся в лоне Церкви — рождаются к новой жизни, воспитываются и возрастают в Духе Истины, получая духовно-благодатные дары для жизни на земле, с обетованием и даров вечных. Чуждый Церкви — чужд Христа и спасения в Нем.

«Жить в Церкви» — это необходимое условие христианской жизни и нравственной деятельности христианина.

Значение пребывания в Церкви христианина прекрасно формулировал еп. Феофан Затворник: "Церковь есть лоно материнское, зачинающее, образующее, возвращающее и совершающее каждого христианина; как в лоне природы разные травы засеменяются, прорастают, растут, вырастают и плодоносят во славу Божию. Как нет жизни и живых существ вне природы, так вне Церкви нет духовной жизни и духовно живущих лиц. Почему быть в Церкви, в живом с Нею сочетании и союзе есть неотложное условие для желающих жить духом и в христианской преуспевать жизни" (Начертание Христианского Нравоучения. Изд. 3-е, Москва 1895 г. стр. 32).

ЦЕЛЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

После грехопадения человека образ и подобие Божие в нем исказились, но не уничтожились. После восстановления падшего человека искупившим его Спасителем — образ и подобие в нем снова засияли, но не по прежнему по-райскому, а по новому, потенциально еще с большей силой и с большей ясностью, с большей глубиной и большей святостью, но при непременно условии постоянного, непрерывного усилия свободной воли человека, не только сохранять в себе богообразие и богоподобие, но и стремиться его усовершенствовать, и выполнять новые нормы и заповеди Господни для воли нового человека: "Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его" (Матф. 11, 12), и "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Матф. 5, 48). Ибо человеку, потерявшему рай, надлежит возвратиться уже не в рай (бывший на непорочной земле), а в Царствие Небесное (на пренепорочном Небе). Еп. Игнатий Брянчанинов высказал чрезвычайно глубокую мысль о различии состояния человека в раю и Царстве Небесном. В раю было естественное состояние; после грехопадения до Страшного Суда, на земле, в течение всей мировой истории — состояние человека может быть названо в той или иной степени неестественным, в Царстве же Небесном это состояние будет сверхъестественным.

Последняя цель человека — в Боге, в полном общении с Ним, совершенно свободном, полном и радостном.

Еп. Феофан Затворник так говорит по этому поводу: "Созданный по образу и подобию Божьему человек, по самой природе своей есть некоторым образом Божеского рода. Будучи же рода Божья, он не может не искать общения с Богом, не только как со своим

началом и первообразом, но и как с верховным Богом. Потому-то сердце наше и бывает довольно только тогда, когда обладает Богом, когда бывает обладаемо от Бога. Ничто, кроме Бога, не успокаивает его".

"В Боге — жизнь", — учил св. Василий Великий, — "отчуждение же и удаление от Бога есть зло несноснейшее даже будущих геенских мучений, зло самое тяжкое для человека, как для глаза — лишение света и для животного отнятие жизни". И еще: "что для души было преимущественным благом? — Пребывание с Богом и единение с Ним посредством Любви. Отпав от Него, она страдает" (Твор. Василия Вел. т. IV). Потому-то и взывал пророк Давид: "Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святого не отъыми от мене" (Псал. 50).

О радости богообщения так говорил преп. Серафим Саровский в беседе с Н. А. Мотовиловым: "Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостворит все, к чему Он ни прикасается". Св. ап. Иоанн Богослов уточняет сущность богообщения через определение Бога: "Бог есть Любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем" (1 Иоан. 6, 16).

У святых отцов полное и живое общение с Богом возводится до обожения человека. Так, например, Св. Григорий Богослов изображает человека "живым существом, чрез стремление к Богу достигающим обожения". У св. Макария Великого часто и много об этом говорится: "Бог сотворил душу человека такою, чтобы быть невестой Его, и чтобы Ему быть с нею единым растворением и единым духом". "Для человека нужно, — говорит он в другом месте, — чтобы не только сам он был в Боге, но и Бог был в нем". Соединение с Богом в христианском понимании совершенно ничего общего не имеет с буддийским пониманием исчезновения души в Боге, растворения ее в Нем. Об этом очень ясно говорит еп. Феофан Затворник: "Не подумал бы кто, что живой союз с Богом есть исчезновение души в Боге с насилием ее самостоятельности и свободы... Нет, душа не перестает быть душою — существом разумно-свободным, подобно тому, как раскаленное железо или уголь, проникаясь огнем, не перестают быть железом и углем..." Непрестанное желание общения с Богом и сознание наличия этого общения — есть главнейший признак присутствия в человеке начала истинно-нравственной и духовной жизни.

Великим соблазном и ложью является идея о том, что цель человеческой жизни есть развитие, разворачивание духовных сил человека и его личное самосовершенствование. Такая идея даже Самого Бога (если Он только признается) обращает в средство для цели в самом себе. С христианской же точки зрения человек, как и все сотворенное Богом, есть средство для целей Его Божественного Промысла, или, проще и определеннее говоря, для славы Божьей (т.е. для славы Его Любви, Истины, Добра, Красоты и Свободы).

Также глубоко ошибочно ставить конечной целью человека — одно благо всех людей (задача социально-утилитаристической этики). Содействие благу всего человеческого общества конечно является нравственным долгом всякого человека, однако этот долг не наивысший. И благо человека, при такой окончательной нравственной цели не может быть высшим. Если даже все люди проникнутся идеей служения друг другу и всему человечеству, но при этом будут отторгнуты от Бога, — то это будет, по образному выражению еп. Феофана Затворника — "тело без головы". При живом же богообщении (т.е. общении с Абсолютом — Богом, Который есть Любовь) — все люди, объединенные общим высшим стремлением сольются и между собой, во взаимной любви в Боге. (Вспомним замечательную схему аввы Дорофея: чем люди ближе к Богу, тем они ближе между собой).

Итак, цель человека в Боге, т.е. жизнь в Боге, с Богом, для Бога, что в то же время есть и истинное и наивысшее для человека Благо.

По словам преп. Серафима Саровского — цель человеческой жизни есть стяжание Святого Духа.

ПУТЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Человек обладает нравственной свободой, т.е. имеет власть располагать своими внутренними и внешними действиями: или — согласно предложенной Богом для блага

человека цели (богообщение, жизнь в Боге, обожение), или — по своему усмотрению, т.е. согласно иной цели, им самим для себя, независимо от Бога, поставленной. Бог, сотворив из небытия человека и устроив его существо (по образу и подобию Своему для его блага), предоставил его самому себе, чтобы делал что хочет с собой и с дарованными ему силами и способностями. Премудрый Сирах так сказал об этом: "Сам изначала сотвори человека и остави его в руце произволения его" (Сир. XV, 14).

Своими мыслями, чувствами и желаниями и соответствующими им действиями распоряжается сам человек.

О существе свободы человека так говорит еп. Феофан Затворник: "Требования поступают к человеку с разных сторон, и со вне и изнутри, но, при всей силе их, самого действия, внушаемого ими, никогда не бывает до тех пор, пока не последует сознательного решения на него от самого человека. В сем решении или согласии на дело и состоит существо свободы. Насильно не может исторгнуть его никакая сила. Одно слово: "Не соизволяю" — обезоруживает всякую власть и всякое насилие" (См. по этому вопросу рассуждение св. Димитрия Ростовского о хульных помыслах).

Спаситель, пришедши на землю, не лишает и не связывает человеческой свободы, а призывая к чему-либо, всегда предполагает наличие возможности свободного выбора ("еще хочет по Мне идти"..., "еще хочещи совершен быти" и т. п.). Не насильно входит Господь в нашу душу, а стучит, зовет, ждет — откроется ли ему душа.

Св. Иоанн Златоуст так говорит по этому поводу: "Бог дал нам власть избирать худое и доброе, чтобы мы были добры свободно. Душа, как царица над самой собою и свободная в своих действиях, не всегда покоряется Богу, а Он не хочет насильно и против воли сделать душу добродетельной и святой. Ибо где нет произволения, там нет и добродетели. Надобно убедить душу, чтобы по своей воле она сделалась доброй"...

Перед человеческой свободной волей стоит выбор: воля Божья или воля своя (своеволие). Воля Божья ставит цель (обладание всем, в Боге) и в случае выбора этой цели человеком — дает средства и помощь для ее достижения, ограждая человеческую свободу от соблазнов, приводящих к потере этой свободы. В случае отвержения человеком предложенной цели и желания идти своим путем к своим целям — "Господь не мешает ему Своей помощью", предоставляя человеку желанную ему и ни в чем не ограниченную и ничем не огражденную свободу от Бога, без Бога, которая приводит человека к рабству греха, рабству своего собственного своеволия.

Абсолютной свободы уничтожить Себя (т.е. уничтожить божественную Свободу, Любовь, Истину, Добро, Красоту) — Бог человеку не дает. Абсолютная свобода только у Бога, а у человека она может быть только тогда, когда он будет жить целиком в Боге. Только подчиняясь воле Божией — свобода человека становится все более и более неограниченной, вечно приближаясь к абсолютной свободе Бога.

"Если свободен человек" — спрашивает св. Тихон Задонский, — "то ему можно делать все, что хочет?" И отвечает: "Нет, не в том свобода, чтобы жить своевольно. Это не столько свобода, сколько рабство — истое, тяжкое. Непокорные Богу подпадают под тяжкое иго мучителя — диавола и греха, делаются беднейшими пленниками страстей и состоят под клятвой законною..."

"Все мне позволительно" — говорит ап. Павел. — "но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною" (1Кор.6:12). Обладать человеком может и должен только Бог.

Таким образом сам собою намечается путь, который христианин свободно выбирает, чтобы выполнить свое высокое в мире назначение, а именно — путь воли Божьей.

Один Бог может нам указать путь к истинному благу, потому что Он Один только знает — что есть для нас истинное и наивысшее благо и какой путь ведет к нему.

Бог не только знает несоизмеримо больше, чем человек, но и любит человека несоизмеримо больше, чем может любить себя сам человек. Поняв это — христианин не может не любить Бога больше, чем самого себя. Это и есть основная истина христианской нравственности: следует любить Бога больше чем себя (первая, большая заповедь Христа); тогда сможешь любить ближнего — как себя (вторая заповедь Христа, подобная первой). "На сих двух заповедях утверждаются закон и пророки" — сказал Спаситель (Мф.22:39). Все остальные заповеди и призывы Божьи — только изъяснения и уточнения основных.

Рабство Богу — есть истинная и величайшая для человека свобода. Бог есть Любовь,

Истина, Добро, Красота и Свобода. Рабство Богу — есть "рабство" (т.е. полная преданность) Любви, Истине, Красоте и Свободе. Свобода же от Бога (т.е. свобода от свободы) — есть величайшее рабство.

"Все зло происходит от того," — говорит св. Василий Великий, — "что оставляют великого и истинного Царя всех и Бога... и хотят лучше властвовать вопреки Господу, нежели сами быть под властью у Господа".

Источник всякого нечестия, согласно неложному Слову Божию, есть богозабвение и отступление от Бога (Второзак.32:15-18).

Полная отдача своей свободы Богу — есть жертва, самая большая, какую только может принести человек и самая угодная Богу.

Памятуя, что "так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы, всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ин.3:16), — христианин, в безконечной ответной благодарной любви к Богу, в ответ на Его жертву, приносит свою жертву, "лепту вдовицы", — все что он имеет: свою свободу.

НОРМА НАВРСТВЕННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Норма нравственной христианской жизни человека дана еще в раю. Она заключалась в свободном хождении в Воле Божьей, создавшей человека для вечного блаженства и творчества. Общение с Богом было ясное, чистое, непосредственное. Свобода человека была ограждена всемогуществом Божественной любви. Закон Божий, закон, ограждающий Истину, Добро, Красоту и Свободу — был прост и очевиден: не нарушать заповеди Божьей о древе познания Добра и Зла. После же грехопадения, когда нарушена была норма нравственной жизни человека — все расстроилось. Общение с Богом прервалось, свобода, неогражденная Богом, превратилась в рабство греху, исполнение закона стало невозможным из-за помрачения ума, потерявшего свет разума, загрязнения сердца, потерявшего возможность зреть Бога, и рокового расслабления воли, потерявшей силу Божественной помощи. Норма нравственной жизни была безвозвратно потеряна, сделалась неосуществимой. Вместе с этим прекратилось и блаженное состояние. Цель жизни — вечное, все возрастающее Благо, — была утрачена. Безмысленной целью жизни стала смерть. Но человек и после падения остался человеком. Назначение его и цель, в очах Божиих, остались те же; путь к этой цели мог быть только прежний: хождение в воле Божьей. Но без нарочитой особой помощи свыше — человек не мог ни встать, ни идти по этому пути к прежней цели. И помощь, определенная еще в Предвечном Совете Пресвятой Троицы, — явилась: с неба на землю пришел Спаситель, Богочеловек, Господь Иисус Христос. По словам еп. Феофана Затворника "Обезсиленная свободная самостоятельность человека восстанавливается Божественной благодатью; недостаток исполнения закона восполняется верою во Христа Спасителя; чувство зависимости от Бога, и решимость ходить по Воле Его воскрешаются в покаянии. Вследствие покаяния, по вере в Господа Иисуса Христа, нисходит в человека в таинствах Божественная благодать, которая, возрождая его, соединяет с Господом Иисусом Христом, а чрез Него и в Нем — с Богом".

С появлением Христова Евангелия на земле уже невозможно человеку иначе воссоединиться с Богом, как только чрез Иисуса Христа. "Никто не приходит к Отцу, как только через Меня" (Ин. 14:6). "Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус" (1Тим.2:5).

Таинственное общение человека со Христом начинается в св. таинстве Крещения (и Миропомазания), после чего Божественная благодать входит в сердце христианина и пребывает в нем, помогая ему жить по христиански и возрастать в духовной жизни, до тех пор, пока новыми грехами (особенно смертными) христианин не потеряет этой благодати. Но и потеряв благодать Крещения, христианин может вновь ее обрести чрез святое таинство Покаяния, которое поэтому носит название "второго крещения" или "крещения слезами". Покаяние невозможно без помощи Божьей. Потеряв общение с Богом, человек находится в греховной тьме, которую наводит на него дьявол. Пока эту тьму не осветит свет Божественной благодати — человек не может даже и осознать своего положения. По словам еп. Феофана Затворника, человек, живущий во грехах "недугует ослеплением, нечувствием и нерадением". "Никто не может придти ко Мне"

— говорит Христос, — "если не привлечет его Отец, пославший Меня" (Ин.6:44). Этот, привлекающий внимание грешника, голос Божий, просвещающий потемневший ум, согревающий охладевшее и окамененное сердце, пробуждающий спящую на благое волю, освещающий сиянием света Божественной Правды тьму греховную, стуженную в душе человека диаволом, — приходит рано или поздно, и неоднократно, каждому грешнику, или непосредственно прямо в сердце, или посредством Слова Божия чрез Св. Писание. Свет этой Божественной Правды, как молния, освещает тьму греха и показывает человеку благую истину потерянного богообщения.

Голос совести — чудесный дар Божественной милостыни, загадочный, таинственный голос самой Божественной Правды, начинает говорить тогда нам, в нас, как голос нашего подлинного "я", света от света Самого Бога. Но чудно и странно звучит в нас этот наш голос нашей совести: он говорит всегда как обличающий голос со стороны — "Ты поступил дурно", не "я поступил дурно", а "ты поступил дурно". Словно наше "я" беседует само с собой и самому себе говорит "ты". Поэтому голос совести нельзя уничтожить. Его можно заглушить, но не убить. Но нет ничего страшнее как не слушать голоса совести, этого последнего залога нашего спасения. Чем сильнее и тщательнее заглушается голос совести в жизни на земле, тем сильнее он будет звучать после смерти. На Страшном Суде неумолимым обвинителем нашим будет наша собственная совесть. Свет божественной благодати и голос совести, обличающие грешника, не производят, однако, насилия, а только, по выражению еп. Феофана Затворника, "останавливают" его на пути порочном, после чего человек властен или обратиться к Богу, или опять погрязнуть во тьме самолюбия. В притче о блудном сыне это состояние выражено словами: "в себя пришел".

"Придя в себя", т.е. заглянув в источник своего "я", человек способен покаяться. Истинное покаяние приносит истинные плоды; идеальное покаяние превращает грех в соответствующую ему противоположную добродетель. После святого таинства покаяния, очистив свою душу от грехов, христианин может дерзать приступать к величайшему и святейшему из таинств — таинству св. Евхаристии. Об этом всесильном, страшном и животворящем таинстве сказано Спасителем: "Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь Вечную".

Из всего вышесказанного совершенно ясно в чем состоит норма нравственной христианской жизни. Она была от сотворения мира и останется до Страшного Суда неизменной, согласной с последней целью создания человека: богообщения. Райское богообщение, потерянное после грехопадения, восстановлено Христом Спасителем в богообщение Царства Небесного, высшего, чем райское. Это богообщение Царства Небесного начинается уже здесь, на земле, ибо "Царствие Божие внутри вас есть" (Лк.17:21).

Определяя норму нравственной жизни христианина, еп. Феофан Затворник говорит так: "Исполняй волю Божию, чтобы быть в общении с Богом, или: пребывай в общении с Богом деятельным исполнением Его святой воли. Это правило изрекается непрерывно во всем пространстве Слова Божия и исполнение его поставляется источником всех благ, а неисполнение — всех зол".

Идеальная норма истинно-христианской нравственной жизни, которая может быть названа нормой высшей аскетической нравственности, по словам еп. Феофана Затворника, должна быть следующей:

- 1) Сокровенной со Христом в Боге жизнью, когда утвердившись умом и сердцем в Боге, через Христа, христианин действует пред лицом Бога, по воле Божией, ради славы Божией, силой Божией.
- 2) Отрешенной от чувственности или безстрастной жизнью, когда христианин так возвышается над всем, что чужд бывает всякого мирского пристрастия.
- 3) Самоотверженной жизнью, когда христианин отвергает всякую свою волю потому только, что она своя.
- 4) Воинственной жизнью, когда христианин постоянно воюет с семенами зла, в нем таящегося.
- 5) Бдительной и трезвенной жизнью, когда христианин становится способным отражать непрерывные нападения врагов духовных отвне и изнутри, стоя у входа сердца своего, блюдя за подкрадывающимися злыми врагами внутреннего покоя и чистоты.

6) Самопринудительной жизнью, когда христианин все силы, духовные и телесные, напрягает или для противоборства своим влечениям ко злу, или для принуждения себя на добро.

7) Многотрудной, но и пресладостной жизнью, когда христианин, идя узким путем, вкушает правду, мир и радость о Дусе Святе (Рим.14:17).

8) Тщательной жизнью, когда христианин с огнем благочестивой ревности избыточествует в деле Господнем, преобразуется от славы в славу, чтобы придти в меру возраста исполнения Христова (Ефес.4:13).

9) Сильной Богом жизнью, а потому и многоплодной, но одновременно и самоуничиженной, когда христианин оправдания ищет и ожидает окончательно от единого Христа Спасителя, при всем обилии дел благих.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ НАВРСТВЕННЫХ ДЕЯНИЙ

Нравственное деяние, чтобы быть таковым, нуждается в необходимых условиях: 1) в ясном сознании, 2) в свободной самодеятельности и 3) в развитии нравственного самосознания.

Для совершения нравственных деяний, лицо, их совершающее, должно быть в нормальном состоянии сознания, т.е. должно сознавать себя, свое положение и свои отношения. Душевнобольные, слабоумные, находящиеся в состоянии бреда, помрачения сознания, просоночных состояниях, когда человек не сознает того, что совершает, — не могут нести нравственную ответственность за свои поступки, а потому эти поступки и не рассматриваются, как нравственные деяния. Вторым неперенным условием нравственного деяния должна быть свободная самодеятельность. Чтобы какой-нибудь поступок вменить лицу его совершающему и сделать это лицо нравственно ответственным за содеянное, необходимо, чтобы человек сам, самостоятельно, намеренно, при наличии вольного согласия, совершил этот поступок. Иными словами, нравственным деянием может быть названо только такое деяние, которое сознательно человеком избрано и на что он сознательно и вольно согласился. Кроме этого, для совершения нравственного деяния, как такового, необходимо еще иметь развитое нравственное сознание (или, вернее, самосознание), которого лишены, например, дети, почему к детским дурным поступкам следует относиться иначе, чем к дурным поступкам взрослых, а детские добрые поступки рассматривать лишь как зачаточные нравственные деяния, только подающие надежду на их развитие в будущем.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ НАВРСТВЕННОГО ЧУВСТВА

В основе всех нравственных действий, под целым рядом сознательных причин, лежит недоступная сознанию потребность, которая, в отличие от других потребностей, называется нравственной потребностью. Эта нравственная потребность есть прирожденная сила влечения к нравственному Первообразу, как высшему Благу. Созданная для бессмертной жизни, душа томится временной жизнью на земле, ибо смутно, но несомненно чувствует, что в этом мире, на земле, нет и не может быть истинного блага, которое есть Благо вечное. Из этой потребности вырастает стремление к жизни в Боге, как истинном и высочайшем носителе вечного нравственного Блага и Добра. Как всякое стремление, — нравственное стремление ищет удовлетворения и бывает удовлетворяемо или неудовлетворяемо. При удовлетворении нравственных стремлений возникает чувство покоя, нравственного довольства или нравственного блага, а при неудовлетворении — чувство беспокойства, нравственного неудовольствия или нравственного зла и греха.

Св. Писание, изображая внутренние действия нравственного чувства, представляет их движениями сердца, законом, написанным в сердце людей, вселением Иисуса Христа в сердце человеческое. Таким образом, нравственная жизнь, возникает в области нравственной воли, раскрывается затем в области нравственных чувств и, только после этого, осмысливается в области нравственного сознания. Нравственные чувства ясно отличаются от всех иных чувств. Все чувства не нравственного характера возбуждаются предметами, существующими вне нашего сознания; нравственные же чувства возбуждаются тем, что сознаются исходящими из глубины души. Нравственные чувства

могут возникать по поводу всяких потребностей, но не смешиваться с ними. Этим объясняется то, что иногда человек испытывает духовное удовлетворение при телесных страданиях и наоборот. Все движения нравственного чувства, по поводу намерений и действий, бывают или успокаивающими или беспокойными, так как в каждом случае производится оценка нашего личного достоинства, определяемого как благородство или низость, и тем самым возбуждающая в нас — чувства радости и нравственного удовлетворения, или сокрушения сердечного и нравственного недовольства. Постепенно, из совокупности личного опыта и общения с опытом других людей, в сознании человека ясно и определенно встает объективный нравственный закон, указывающий, что в поведении людей есть добро и что зло. Отсюда рождается чувство долга или нравственной обязанности.

Сознание — с одной стороны движений нравственного чувства одобрения или порицания, довольства или недовольства, а с другой — сознание нравственного закона и соединенного с ним нравственного долга, — составляют то, что называется совестью. Где существуют вышеуказанные проявления нравственного чувства, там являются и нравственные действия, из которых согласные с нравственным законом — называются добродетелями, а несогласные — грехами. Из различного сочетания добродетелей и грехов, в каждой отдельной личности образуется тот или иной нравственный характер. Сила нравственного характера, тесно связанная с нравственным самоопределением, не бывает неизменной. Каждый акт свободного нравственного самоопределения, повторяясь, становится привычным. Совокупность этих привычных актов делает человека нравственно-определенной личностью. По мере того, как личность нравственно укрепляется, или, наоборот, уклоняется в безнравственность, — становится все более трудным, и, наконец, даже почти невозможным, изменение преобладающего направления нравственной жизни. Но человек (в отличие от добрых и злых духов), пока он находится в земных условиях бытия, не может быть безвозвратно в одном направлении и тем самым окончательно утратить своей свободы избирать добро и зло. Раскаяние возможно при самом крайнем укоренении во зле, в последний момент земной жизни человека (конечно, только с помощью Божьей).

Так как идеальная сущность нравственной свободы находится только в Боге, то человек, по мере приближения к Богу, в исполнении Его воли, — становится все более и более нравственно свободным. Об этом прекрасно говорит епископ Никанор в своем "Нравственном Богословии": "В направлении свободы человеческой на исполнение воли Божьей получается не стеснение, а достижение ее высшей задачи; во всецелом же подчинении воле Божьей достигается самая конечная цель ее, или иначе самая сущность нравственной свободы. В этом своем конечном и высшем проявлении нравственной свободы человек вполне сходится с волей Божьей, а чрез это, как она сама не уничтожается всемогущею волей Божьей, так и Божья воля не ограничивается человеческой свободой". Величайшие подвижники благочестия, научившиеся духовной мудрости смирения (смиреномудрия), достигали, чрез слияние своей воли с волей Божией, такой силы нравственной свободы, что подчиняли своей воле не только диких животных, но и неодушевленную природу, чтивших в человеке его природное царственное достоинство. (Многочисленные примеры такого подчинения смотри в "Житиях святых".) Восстанавливая в людях попорченное грехопадением это царское достоинство человека, Спаситель сказал: "Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: "перейди отсюда туда" — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас". Отсюда видно, что с развитием нравственной свободы будут увеличиваться и другие виды свободы человека. (Например — хождение по водам.)

О ПРИРОДЕ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА ВООБЩЕ

Всякий закон отличается всеобщностью, неизменностью и необходимостью. Нравственный закон, как и другие законы, также отличается всеобщностью, неизменностью и необходимостью. Но в отличие от роковой физической необходимости, необходимость нравственная зависит от свободной силы самоопределения тех разумно-нравственных существ, в которых и через которых проявляется этот закон.

Нравственный закон есть достояние не только человека, но и всех духовных сил, и

имеет свое основание, кроме природы человеческой, еще и вне ее, выше ее, а именно: 1) в Самом Боге и 2) в нравственном миропорядке, неизбежно установленном Богом во всем мире. Бог есть первое и последнее основание всего существующего. Он есть Единый Вечный Источник всего и Всеобщий Законодатель. По силе Своей нравственной свободы Он создал мир из ничего и направил его к определенной цели нравственного бытия: к прославлению Бога и откровению Его совершенств. В священном Писании сообщается, что Бог есть наш Законодатель, открывший Свою волю в положительном законе, который должен быть исполняем человеком, как нерушимое вечное правило жизни, исполнение которого ведет к спасению и введению в Царство Небесное для вечного блаженства, а нарушение — к вечной гибели. Вот почему даже для Самого Спасителя исполнение воли Божьей было задачей Его жизни на земле, а вместе и существенным содержанием Его проповеди.

Воля же Божья заключается, по учению Спасителя, в том, чтобы мы были святы (и тем самым блаженны).

В воле Божьей находится высшее основание нравственного закона. Живущее в разумно-нравственных существах стремление к беспредельному совершенству и вечному благу, неудовлетворимое ничем конечным, также показывает, что законы их жизни имеют в своем основании творческую волю Божью, почему в Нем Одном могут найти свое удовлетворение и все их высшие стремления, как во всемогущем источнике всякого бытия, всякого совершенства и высшего Добра и Блага.

Вторым высшим основанием нравственного закона служит установленный Богом вечный миропорядок. Смысл и цель этого миропорядка заключается в прославлении Бога и в откровении Его совершенств, как это было указано выше. Мир сотворен для славы Бога, т.е. для славы и торжества в вечности начал Любви, Истины, Добра, Красоты и Свободы.

В Боге же находится и цель всех существ и задача их жизни. Все они должны служить прославлению Бога, откровению в мире Его совершенств, Премудрости и Благости. Поэтому, если человек действует сообразно с предустановленным для его блага нравственным миропорядком, то этим он исполняет задачу своей жизни и достигает спасения и вечного блаженства. И наоборот, если человек действует несообразно с установленным, миропорядком, то этим он сам себя губит и сам себя лишает вечного блаженства. Нежелание исполнять благодатный Божественный закон нравственного миропорядка и желание действовать вопреки ему, — так же бессмысленно и трагично по своим последствиям, как рубить сук, на котором, сидишь, не считаясь с законами мира физического. Никто не возмущается законами физическими, но многие восстают против нравственных законов, хотя именно в них наличествует духовная свобода выбора, а выбор пути Божиего (воли Божией) ведет к свободе (независимости) и от законов физических.

ЕСТЕСТВЕННЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Единый вечный нравственный закон по его источникам и проявлению, бывает двоякий: во-первых, он оказывается данным при творении и существование его уже имеется в разумно-нравственной природе человека, и потому называется естественным, или субъективным законом, а во-вторых, он сообщается через сверхъестественное Божественное Откровение, и потому называется Божественным объективным законом. Оба эти вида закона представляют, собою два способа выражения одного и того же Божественного Откровения, различно проявляющегося. Внешний объективный закон дан Богом согласно определенным нуждам, в определенное время, в форме определенных мотивированных требований, обусловленных благой волей Провидения и Промышления Господня. Внутренний же естественный закон имеет характер психологического процесса, совершающегося внутри человека и развивающегося в течение всей его жизни.

Образование нравственных правил, определяющих действия нравственной свободы человека и составляющих содержание естественного нравственного закона, совершается постепенно психологическим путем. Одни действия одобряются нашим внутренним чувством, а другие порицаются. Из совокупности этого множественного и многообразного опыта естественного нравственного чувства человека создаются

правила, составляющие содержание нравственного закона. Что эти правила составляются главным образом под влиянием движений нравственного чувства, а не есть произведение человеческого ума или искусственное создание государственных законодателей, и что естественный нравственный закон имеется в глубине души каждого нормального человека — в этом невозможно серьезно сомневаться. Все общеобязательные правила и обычаи общества, как и писанные законы Государства, имеют обязательную силу только постольку, поскольку опираются на внутренние свидетельства нравственного чувства; без этого же чувства всякий закон теряет характер нравственной обязанности и превращается в мертвую букву или во внешнее физическое насилие. Таким образом, наличие обычаев и законов поведения у всех народов является не только живым доказательством существования нравственного закона, но и его всеобщности и обязательности. Об этом свидетельствует ясно и Св. Писание. Сообщая еврейскому народу Богооткровенный Закон, Моисей говорил: "Слово сие (закон) близко к тебе: оно в устах твоих и в сердце твоём" (Второзак.30:14).

Еще с большей ясностью и убедительностью утверждается существование в людях естественного нравственного закона и его обязательная сила в словах ап. Павла: "ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то не имея закона, они сами себе закон; они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющая, то оправдывающая одна другую" (Римл.2:14-15).

Из всеобщности естественного нравственного закона и его происхождения из внутренней, прирожденной человеческой природе, области чувств, ясно открывается, что всемогущий Творец, создавший всю Вселенную со всеми ее законами, служит и высшим основанием естественного закона нравственного в душах людей, а поэтому и требования этого закона, обладающего Божественным достоинством, имеют общеобязательную силу. Сила эта усугубляется тем, что осуществляется в человеке чрез благодатное нравственное чувство, нравственную свободу и совесть.

СОВЕСТЬ

Психологически — совесть есть сознательная оценка свободных нравственных деяний как добрых или злых и самочувствие — приятное или неприятное, сопровождающее эту оценку.

Таким образом, совесть является с одной стороны нравственно-законодательной силой, а с другой — судьей и мздовоздающей силой. В первом случае она одобряет или порицает; во втором — награждает или наказывает.

Совесть, хотя и говорит нам как бы со стороны ("ты поступил дурно"), но не является чуждой нам и насилующей нас, а принимается нами как нечто вполне естественное и добровольное.

Мы можем противиться степени ясности и силы голоса совести, но не можем ее уничтожить или лишить ее власти и права.

Совесть есть одно из самых наивысших благ наших, дарованных нам Богом. Совесть есть как бы духовная пуповинка, связывающая человеческую душу с природой Самого Бога. Поэтому, совесть может быть определена, как голос Божий, говорящий в нас, в нашем нравственном чувстве.

Св. Григорий Богослов говорил, что "совесть есть домашнее и неложное судилище наше, которого невозможно избежать".

Будучи достоянием всех людей, совесть, однако, не у всех бывает одинаковой; даже у одного и того же человека совесть не всегда бывает одинакова. Совесть называется Судьей. Но, ведь, судьи бывают беспристрастные и пристрастные, строгие и снисходительные, неподкупные и продажные, хорошо знающие законы и плохо их знающие, строго следующие закону и обходящие его, и даже судящие вопреки закону, сами нравственно мучающиеся и спокойно нарушающие законы. Таковы же бывают и виды совести. Некоторые преступники бывают совершенно равнодушны к добру и совершают зло без колебания, без страха и без раскаяния. Но такое состояние бывает редко и по поводу таких состояний существует подозрение, что оно ненормально, почему часто встает вопрос о психиатрической экспертизе: нет ли в таком случае душевного заболевания или слабоумия, делающих этих людей невменяемыми (т.е. не

ответственными за свои поступки). В Св. Писании, совесть, в состоянии наибольшего затмения и безчувствия, называется порочною, худою, оскверненною или сожженною. Совершенная совесть называется доброю, чистою, непорочною. Совесть может быть от природы очень чуткой, а может быть развита и воспитанием. Самое правильное воспитание совести может дать только истинная богооткровенная христианская религия через Церковь с ее Таинствами, Богослужениями и молитвами. Вообще, можно сказать, что совершенная совесть возможна только у истинных церковных христиан, в которых действует Благодать Божия, просвещающая и питающая совесть, делающая ее сильною и неподкупною.

НЕДОСТАТОЧНОСТЬ ЕСТЕСТВЕННОГО ЗАКОНА В ПАДШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Недостаточность естественного закона нравственного, в падшем человеке, для руководства в деле нравственного совершенствования, — состоит в его неспособности всегда непогрешимо точно указывать Добро и Зло, и в бессилии неуклонно руководить к добру, или удерживать от зла, а тем более заглаживать зло, и, вообще, в человеческом бессилии в борьбе со склонностью ко злу.

Причина этого находится в глубочайшем извращении всей духовной и телесной природы человека после грехопадения. Человек не только потерял безнадежно силы к деланию добра: он потерял сознание причины своего бессилия, не имеет никаких самостоятельных средств к восстановлению потерянной силы, и утратил сознание цели своего жизненного назначения. Все это чрезвычайно ясно видно из истории естественных религий, бессильных помочь человеку в его нравственном совершенствовании, и еще ярче, — из истории философии, бессильной разрешить силами одного человеческого ума нравственную проблему.

Недостаток естественного нравственного закона восполняется Откровенным нравственным законом, данным людям Богом.

ПОНЯТИЕ ОБ ОТКРОВЕННОМ НРАВСТВЕННОМ ЗАКОНЕ

Под именем Откровенного нравственного закона разумеется тот Богом данный закон, который сообщался людям, в разное время, через патриархов и пророков в Ветхом Завете и через Самого Господа нашего Иисуса Христа и Его апостолов в Новом Завете. Этот закон сохранился сначала в Предании, а затем в Предании и Писании.

По существу — Откровенный закон был однороден с естественным законом, но глубоко отличался от последнего по способу выражения и по глубине и ясности открытых истин, а отчасти и по объему.

Откровенный нравственный закон, согласно двум весьма отличным периодам в его раскрытии, — разделяется на Ветхозаветный или Моисеев Закон и Новозаветный или Евангельский.

ОТКРОВЕННЫЙ НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН МОИСЕЯ

Под именем Моисеева нравственного закона разумеются данные через пророка Моисея и других пророков богоизбранному еврейскому народу заповеди и повеления, повторенные и объясненные затем и другими богодухновенными учителями Ветхозаветной Церкви. В этом законе определялась нравственная жизнь, давались повеления и запрещения относительно всех отношений человека.

По составу своему Моисеев закон чрезвычайно обширен и многообразен, ибо в нем разные отдельные законы, заповеди, повеления и запрещения давались часто в живых примерах святых исполнителей и нечестивых нарушителей Воли Божией. Поэтому, во всем своем объеме нравственный закон должен быть изучаем по всем книгам Св. Писания, но кратко и сжато главное его содержание находится в Десяти Заповедях, данных Моисею Богом на горе Синае. Эти заповеди были написаны на каменных скрижалях, из которых на одной определялись обязанности человека к Богу, а на другой — к людям. Сущность же всего ветхозаветного нравственного закона заключалась в любви к Богу и любви к ближнему. Это подтверждает Сам Господь. На вопрос одного книжника: "Какая наибольшая заповедь в Законе" (т.е. в Законе Моисеевом), Спаситель

ответил: "Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей, возлюби ближнего твоего, как самого себя. На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки" (Мф.22:37).

Одинаковый с Новозаветным законом по сущности своего содержания, Ветхозаветный нравственный закон был свят и благ.

"Закон свят и заповедь свята и праведна и блага" — говорил о законе Моисеевом Св. Ап. Павел (Рим.7:12).

Хотя этот закон не навязывался насильно, однако, имел нравственно-обязательную силу для всех ветхозаветных людей. "Блажен муж, воля которого в законе Господнем и который закону Господню поучается день и ночь" (Пс.1).

Все нравственные предписания Ветхозаветного закона (не обрядовые и гражданские, а собственно нравственные), не видоизмененные в глубине и силе Спасителем, — имеют обязательную силу и для людей новозаветных, но несравненно больше значения эти предписания имели для ветхозаветных людей. В ветхозаветные времена откровенный закон воистину открывал новый и доступный для людей того времени истинный путь жизни. Ап. Павел очень ясно об этом сказал: "Я не иначе узнал грех, как посредством закона. Ибо я не понимал бы пожелания, если бы закон не говорил не пожелай" (Рим.7:7-8). Из ветхозаветного закона люди узнали, что многое из того, что прежде считалось безгрешным, — на самом деле было греховно. Еще больше он открывал человеку глаза на его жалкое нравственное состояние, возбуждал в нем покаяние, сознание своей немоги в совершении добрых дел своими силами, и, в результате всего, порождал веру в необходимость пришествия Спасителя.

Вообще же, мы можем сказать, что Ветхозаветный закон имел педагогическое значение, был предуготовительный, а потому — не полный и не вполне достаточный.

Глубочайший смысл и огромное воспитательное значение имел длительно в человечестве существовавший Ветхозаветный закон главным образом в том, что ясно ставил согрешившего человека в трагическое положение: понимая, — что следует творить, с одновременным пониманием своего безсилия творить должное. Закон ясно указывал добро, но не давал и не мог дать полноты благодатной силы к деланию добра, которая дарована была только в Новом Завете. Очищение, оправдание и спасение ветхозаветных людей — были только обетованием в будущем, по пришествии Спасителя. Только одна вера в будущее спасение через Иисуса Христа была истинной животворной нравственной силой в законе Моисеевом, которая и поддерживала ветхозаветных людей, спасая их от отчаяния. Предсказывая это будущее оправдание и спасение через Иисуса Христа, пророк Исаия восклицал: "Сей грехи наша носит и о нас боленует". И, провидя совершение спасения, продолжает: "Той же язвен бысть за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша, наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелехом" (Ис.53:4-5).

Но эта радостная светлая заря новой нравственной жизни человечества, этот конечный результат жизни по закону — были видимы далеко не всеми ветхозаветными людьми с полною ясностью. Недостаточность же силы закона для спасения — ясно ощущалась всеми. Подзаконные люди слышали множество повелений закона, с угрозами проклятия и вечной казни его нарушителям ("проклят всяк человек, иже не пребудет во всех словесех закона сего" (Второз.27:26), но сил для исполнения закона не имели.

Это "иго закона", как справедливо оно было названо в Новом Завете (см. Деян.15:10), — при котором не было видно ни заметных плодов внутреннего нравственного изменения, ни очевидного достижения спасения, — было воистину трагически тяжким. Но именно эта нравственная тяжесть и возбуждала со временем все сильнее и сильнее жажду нового, обетованного закона Благодати и спасения. К этому же приводило и все более и более уяснявшееся сознание рабства греху, почти с такой же силой господствовавшее в подзаконных людях, как и в живших вне Закона. В подзаконных людях природа была почти также растлена и обезсилена, как и в прочих людях, не знавших и не желавших знать Закона. Лучшую часть своей души стремясь к нравственному добру, умилаясь и услаждаясь его привлекательными образами и желая исполнять его, — подзаконный человек, увлекаемый грехом, действовавшим во всех его членах, мучительно чувствовал себя крайне безсильным к совершению добра. И даже лучшие люди того времени мучительно сознавались: "несть мира в костех моих от лица

грех моих. Беззакония превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне" (Пс.37:6).

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ НОВОЗАВЕТНЫЙ ПРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Древний языческий мир пришел к сознанию своего нравственного безсилия и беспомощности не только жить нравственной жизнью, но и установить истинный нравственный закон.

Евреи, руководимые Откровенным нравственным Законом Моисея, получили твердое убеждение в истинности этого закона, но также пришли к сознанию своего нравственного безсилия в деле полного проведения этого закона в жизнь. Это всеобщее безсилие человечества в своей нравственной жизни — очевидно и ясно требовало явления высшей, Божественно-нравственной силы, долженствующей избавить от безнадежности и отчаяния языческую часть человечества, и удовлетворить еврейство в его жажде Божественного руководителя и Спасителя. Таким образом, с нравственно-исторической точки зрения, явление Спасителя было необходимым нравственным делом Божественного Промысла, предвиденным еще в предвечном Совете Пресвятыя Троицы.

И Спаситель пришел. Он явился как истинный дивный Первоисточник и первооснова нравственности, от Которого она произошла и Которым Одним она могла и оживотвориться. Акт оживотворения человеческой нравственности начался Боговоплощением.

По мысли св. прав. Иоанна Кронштадтского Чудотворца — исправление поврежденной грехом человеческой души, воссоздание извращенной грехом нравственности, — было делом гораздо более чудесным, чем сотворение человека.

Для возрождения умирающей во грехе человеческой души, созданной для бессмертия, Безконечный Всесвятыи и Всемогуший Господь принял наше конечное существо со всеми его свойствами и особенностями (кроме греха). Божество, соединившись с человечеством, соединило человечество с Божеством. При этом, по словам св. Иринея Лионского, новое общение человека с Богом имело своим последствием усыновление человека Богу. Благодаря этому Само высочайшее начало нравственности вошло в человечество, которое получило в Нем неиссякаемый источник жизни нравственной.

Чрез страдания Иисуса Христа сняты с человечества все грехи, вся ответственность за них, но самое главное: из нравственной смерти люди возведены к истинно-нравственной и вечной жизни.

Все эти блага новой истинной нравственной жизни даны Иисусом Христом для всех; но они никому не навязываются насильно. Ими может пользоваться всякий, кто пожелает быть в духовно-нравственном общении с Иисусом Христом, т.е. кто станет стараться жить, как Он жил и учил жить, и пользоваться всеми теми нравственно-возрождающими и усовершенствующими средствами, какие Он даровал Сам и ниспослал чрез Св. Духа, дары Которого чрез Апостолов и их преемников, церковных Пастырей, — преподаются и всем христианам. Пользование всеми благодатными средствами к нравственной жизни и спасению возможно тем христианам, которые живут в Церкви и питаются духовно Ее св. Таинствами.

СОВЕРШЕНСТВО ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

В Евангельском законе не только указана истинная высшая норма человеческой нравственной жизни, но и даны все дары, все силы для жизни по этой высшей норме. При помощи этих даров и этой силы — все нравственно-низкое, все греховное и злое, постепенно умерщвляется, а все доброе — получает жизнеспособность. Каждый член Христовой Церкви, в которой, по обетованию Спасителя, живет Святой Дух, получает, при условии непрерывного личного усилия, — способность к безконечному нравственному совершенствованию, во исполнение завета Спасителя: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный". Этот идеал становится вполне реальным для всякого церковного христианина, как только он начинает "стяжать Св. Духа", Который всему научает, во всем утешает, во всем помогает и направляет, и все "радостотворит" (по замечательному слову преп. Серафима Саровского). Евангельский

закон, поэтому, называется законом духа и свободы. Этот духовный свободный закон глубоко отличен по силе, действительности и полноте не только от всех указаний естественного нравственного закона, но и от Богооткровенного закона Моисеева в Ветхом Завете.

Евангельский закон включает, в себе всю полноту нравственного учения, в нем указаны все высшие требования нравственной богоподобной природы человека и дана полная возможность к их удовлетворению.

В Евангельском законе не только теоретически идеально разрешены все высшие нравственные вопросы, неразрешимые для всех прежде бывших нравственных учений, но и дан живой Образец воплощенного высшего вечного Блага — в Лице и жизни Спасителя.

В Евангельском нравственном законе есть все доброе и хорошее, что было во всех разнообразных бывших учениях древности и нет ни одной из их ошибок и ни одного заблуждения.

В Евангельском законе заключается сосредоточенный пункт нравственного бытия всего мира от его создания до Страшного Суда. Нравственная личность Христа была конечной целью жизни всего древнего мира, особенно же людей, живших по закону Моисееву, вся нравственная сила которых заключалась в надежде на Христа, как Спасителя мира. Господь наш Иисус Христос есть и конечная цель нашей жизни: к Нему же должны мы устремляться и в жизни будущего века. Он восшел к Отцу, чтобы и нас привести к Нему.

Отсюда понятно, что Евангельский закон неизмеримо выше закона, данного через Моисея и ветхозаветных пророков. Во Христе, Спасителе мира не только указано, но и дано истинное богообщение и при том без слияния и погружения в Божество (как напр., в буддизме) и, следовательно, без потери личности человека. Вспомним древнеотеческое сравнение души человека, соединенной с Богом — с раскаленным железом. Это сравнение любил приводить и епископ Феофан Затворник.

Вообще, Евангельский закон есть закон вполне совершенный, лучше и выше которого ничего не может быть.

ЗАПОВЕДИ ХРИСТА О БЛАЖЕНСТВЕ

Евангельский закон явился не в виде сухой религиозно-нравственной системы и не в виде безжизненного кодекса законов, но как живая нравственная сила и как живой нравственный образец, зовущий всех к подражанию. Воистину это был Евангельский закон, т.е. истинное благовестие о высшем нравственном событии — спасении и вечном блаженстве в Царстве Небесном. Евангельским — этот закон называется еще и потому, что он находится преимущественно в четырех Евангелиях, в которых сообщается о жизни и учении Спасителя нашего. Все Евангелие полно глубочайшего смысла, но особенно сосредоточено Божественное Откровение Спасителя в Его Нагорной проповеди. В ней же центральное место занимают девять заповедей блаженства, указывающих путь к блаженству. По аналогии с заповедями Моисея, они носят название Заповедей Христа.

Эти заповеди, как известно, следующие:

- 1) Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
- 2) Блаженны плачущие, ибо они утешатся.
- 3) Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
- 4) Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.
- 5) Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.
- 6) Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.
- 7) Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.
- 8) Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.
- 9) Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах.

В этих, воистину Божественной мудростью и благостью дышащих словах заповедей, — указаны все самые лучшие пути к достижению вечного блаженства и важнейшие христианские добродетели в порядке их высоты. Эти добродетели следующие: смирение, покаяние, кротость, жажда правды, милосердие, чистота сердца,

миротворчество, страдание за истину, мученичество за Веру.

По мере ценностей добродетелей — обещается каждому, к ней стремящемуся, соответствующая награда: смиренным и униженным — высота и богатство Царства Небесного, плачущим — утешение и радость, а мученикам — наивысшая награда нетленных небесных венцов. Все награды — чисто духовные. Сущность закона и нравственный образ издвоздателя, определяющего награды-блаженства, — ясно видны: это воплощенная Божественная Любовь, из которой как из солнца лучи — исходят девять степеней блаженства.

СУЩНОСТЬ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ЗАПОВЕДЕЙ

Нравственные правила жизни в Евангельском законе не носят характера приказов, а представляют собой указания: как надо идти ко спасению и вечному блаженству. Эти указания носят духовно-воспитательный характер. Свои указания Сам Господь назвал заповедями. Некоторые заповеди Он назвал малыми, имея в виду их простоту, краткость, удобоисполнительность и доступность для всех. Исполнение их было нравственно-обязательно для всех тех, кто стремился к Царству Небесному. Более же трудные заповеди предлагались только тем, кто мог их вместить (например: о девстве, полной нестяжательности). Богатому юноше было сказано: "Аще хочещи совершен быти, иди продаждь имение твое, раздаждь нищим и имети имаши сокровище на Небеси; и гряди вслед Мене" (Мф.19:21).

Апостолам же, избранным Спасителем, это же учение о полной нестяжательности было сказано в виде прямого повеления (Лк.12: 33-34). Полное самоотречение и оставление родных ради Христа было сказано в форме пожелания, с обещанием за это, не для всех обязательное деяние, — особых высших наград в Царстве Небесном: "Всяк иже оставит дом, или братию или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею приимет, и живот вечный наследит" (Мф.19:29).

Эта же заповедь дана Апостолам в более определенной и более категорической форме: "Кто любит отца или мать более Мене, несть Мене достоин..." (Мф.10:37-38). Отсюда следует сделать вывод, что обязательная сила Евангельских заповедей различна, в зависимости от разности нравственного возраста и степени совершенства, а также и по различию даров, какими кто одарен. "Не все вмещают слово сие, но кому дано" (Мф.19:11), — говорил Спаситель о девстве.

Из этого видно, что некоторые подвиги совершенства, предлагаемые в качестве указаний, ценятся как нечто высшее, но не требуются от всех, как необходимое условие спасения, а только от людей особо одаренных, необыкновенные духовные и благодатные силы которых побуждают их совершать необыкновенные святые подвиги. Таковыми были свв. апостолы, мученики и великие подвижники. Однако, — и "невозможное — возможно у Бога": принял же Спаситель на Кресте благоразумного разбойника в рай Царства Небесного — за один порыв покаяния!

ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ХРИСТИАНСКОЙ НАВСТВЕННОСТИ

Христианский Евангельский закон не есть простая совокупность разнородных заповедей и правил, определяющих каждый шаг человеческой жизни. Именно этого в нем нет. Нет точной регламентации деятельности, нет точных, определенных, неизменных, исчерпывающих, пунктуальных и скрупулезных обязательных рецептов для поступков. Центр тяжести вообще находится не в самых поступках, не в формальной стороне деятельности христианина. Центр — в религиозно-нравственных мотивах и одновременно в целях, ясно и правильно понимаемых, не столько отдельных поступков, сколько во всей целокупной и целеустремленной деятельности христианина. Деятельность протекает не по стабилизированной программе, не по нотам, а всегда является свободно-творческой эволюцией человеческой души, сотворенной по образу и подобию Божию — в направлении все большего и большего уподобления себя Богу, согласно вечному призыву: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный". Ибо человек имеет от Бога задание и возможность "стать богом по благодати".

Для деятельности христианина в этом направлении, мотивы и цель должны сливаться воедино, что идеально возможно совершить только тогда, когда будет гармонично

сливаться в двуединстве: чистота сердца — определяющая глубинную основу мотивов, с высшей православной добродетелью — рассуждением (при помощи т. н. трезвения), — определяющим цель.

Христианский Евангельский закон — есть прежде всего животворящий нравственный дух, выражающийся и открывающийся во множестве разнообразнейших проявлений, которые исходят из одного источника, из одного основного начала — Любви. Любовь составляет основу происхождения христианской нравственности. Она служит важнейшим побуждением, определяющим все мотивы во всех возможных действиях христианина, и является отображением постоянно растущего общего чувства целостного настроения христианина. "Бог есть любовь (1Ин.4:8), "И это наименование благоугоднее Ему всякого другого имени" — говорит св. Григорий Богослов (т. II). Любовью определяется Божественное воплощение; любовью же диктуются все нравственные добрые действия христианина. Таким образом, в Любви заключается источник (или главное основное начало) всей христианской нравственности: из нее она рождается, ею питается, ею совершается, ею усвершеншается, и в полноте ее достижения — творит вечное высшее Благо. Нет и не может быть ни одного доброго дела, которое, так или иначе не входило бы в понятие любви, и нет, наоборот, ни одного злого дела или даже только помышления, которые не исключались бы любовью, не были бы противны ей. "Возлюби Господа Бога твоего" — гласит первая и наибольшая заповедь. "Возлюби ближнего твоего" — гласит вторая, подобная ей. "Новую заповедь даю вам: да любите друг друга, как Я возлюбил вас" (Ин.13:34).

Св. ап. Павел (1Кор.13) пишет: "Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если я имею дар пророчества и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я — ничто". В другом месте ап. Павел называет любовь, "союзом совершенств". Св. Иоанн Златоуст же говорит: "В заповеди о любви сокращенно вмещается весь состав заповедей — ибо и начало и конец добродетели есть любовь — она есть и корень, и необходимое условие, и совершенство добродетели". Так же высоко говорят и многие другие свв. Отцы и Учители Церкви.

Некоторые протестантствующие богословы высказывают иногда мысли о том, что корнями христианского нравственного учения являются древние нравственные доктрины, от которых христианское учение отличается только количественно, а не качественно, не как особое Откровение сверхъестественное. Такое отношение к Откровенным Истинам христианского нравоучения — показывает полное непонимание неповторимой сущности христианства.

Идея христианской любви, будучи центральной идеей христианства, не имела и не могла иметь в историческом прошлом той неисчерпаемой глубины и всеохватывающей полноты, какую открыло в любви Божественное слово Спасителя. Весь нравственный прогресс человечества после Христа — имеет своим источником исключительно Богооткровенное учение о любви и живое воплощение Любви (как и Истины) в Лице Божественного Основателя Христианства. Каждый будущий век будет вносить свою лепту в историю нравственного развития людей, но все, что только может быть придумано и сделано лучшего в нравственном отношении, — будет утверждаться на христианском начале любви. Идея христианской Любви — есть идея Божественная, а потому обладает бесконечной полнотой, глубиной, шириной, высотой и способна к бесконечному творческому раскрытию.

Одним из самых лукавых и злостных врагов христианской любви является учение социализма и коммунизма (коммунизм есть наиболее последовательный социализм), изобретающее для человечества такие жизненные принципы, которые должны якобы уничтожить бедность, болезни и всяческие страдания. Пафос отрицания христианства в этих учениях зиждется на том, что христианство бессильно уничтожить зло на земле.

Господь нарочито оставил землю неисцелимой от зла без Его помощи, чтобы привлечь наши сердца "горе". "Мир во зле лежит" и "князь мира сего есть диавол". "Своею собственною рукою", без помощи Божией, бороться с неисцелимым злом, — значит быть рабом и посмешищем дьявола. Поэтому, с религиозной точки зрения социализм и коммунизм есть сатанизм. Спасение возможно только через Христа, в свободном отдавании своей воли в Его волю, в Его власть, в Его силу, силу всеблагости и всемогущей божественной Любви, ведущей верующих в Него и живущих в нем, — в Царство

Небесное. Путь этот начинается здесь, на земле, ибо "Царствие Божие внутри вас есть".

О ПОБУЖДЕНИЯХ К ИСПОЛНЕНИЮ НРАВСТВЕННОГО ЗАКОНА

Стремление к высшему благу может начать осуществляться только путем нравственной христианской жизни. Но этот путь узок, труден и скорбен. Отсюда возникает дилемма: или через временные скорби идти к вечному Благу (по зову Христа), или путем отказа от вечного Блага — своими силами стремиться к уничтожению временных земных скорбей (по зову социалистов и коммунистов).

Стремления к вечному Благу — определяют истинную нравственную жизнь и деятельность человека. Но побуждения к этой нравственной жизни могут быть многообразны: одни из них более высокие, другие — менее высокие, одни — главные, другие — второстепенные.

Самые высшие побуждения рождаются из безкорыстной любви к Богу, как только в душе нашей появляется понятие о святости, величии, всемогуществе, благодати Божией, особенно же — о домостроительстве нашего спасения. Сознание святости самого нравственного закона и достоинства облагодатствованной природы христианина — также являются высшим побуждением к нравственной жизни. Второстепенные же побуждения — рождаются из представлений, следствий, сопровождающих нравственные дела наши, а также наград и наказаний за них.

В Ветхом Завете особенно много находится указаний на внешние земные последствия дел, как побуждения к нравственной деятельности. В Новом же Завете преимущественно указываются последствия (награды и наказания) небесные и вечные. Награды и наказания, как выражения правды и милости Божией, не могут не иметь нравственного значения для всех, но преимущественно для несовершенных еще вполне в добродетели (т.е. для большинства христиан), которые, благоугождая Богу и, избегая преступать Его заповеди, верят, что труд их будет не только не напрасен, но и награжден. Но для более совершенных награды и наказания суть побуждения второстепенные.

Св. Григорий Богослов об этом говорит так: "Истинно богомудрые и боголюбивые любят общение с добром ради самого добра, а не ради почестей, уготованных здесь и за гробом, потому что это будет уже вторая степень похвальной жизни — делать что-либо из-за награды и воздаяния, а третья — избегать зла по страху наказания".

Среди проповедников-ригористов иногда раздаются голоса о том, что только высшие побуждения достойны быть названы нравственными побуждениями, тогда как награды и наказания не могут быть признаны таковыми. На это можно ответить словами еп. Никанора: "Требовать, чтобы наша нравственная деятельность не определялась никакими наградами и наказаниями, это значит извращать нашу природу, стеснять наш дух и приводить одних к высокомерию и гордости, других — к малодушию и робости. Соединяя же высшие побуждения с второстепенными, человек среди счастья не надмевается и среди несчастья не ожесточается, а еще более укрепляется в вере и живой любви к Богу. Кто лучше Спасителя нашего знал нашу природу. А Он всем часто указывал разные внешние побуждения к добру, временные блага и вечные награды и наказания" ("Прав.-христ. нравств. богословие").

Протопр. И. Л. Янышев в своем "Православно-христианском учении о нравственности", по этому же поводу приводит следующие рассуждения: "Страх пред последствиями злых дел, ожидание благоприятных последствий от доброго поведения и, наконец, любовь к добру ради самого добра: вот нравственная градация мотивов. В природе падшего человека при его восхождении к нравственному совершенству, все эти побуждения могут иметь место, все они похвальны, но не все они одинакового достоинства. Страх, даже рабский, удерживает от зла и вынуждает на добрые внешние действия — это есть добро, но, так сказать, низшей пробы. Надежда награды еще сильнее располагает к тому и другому, но это добродетель наемников, а не сынов Божиих. Любовь к добру ради красоты добра — вот истинная добродетель. Это есть такая сила согласного с нравственным законом настроения или воли, пред которой умолкают все другие, низшие побуждения".

ДОБРО И ЗЛО В НРАВСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Добро и зло — две полярно-различные области нравственной жизни, из которых каждая имеет своего высшего вдохновителя. Добро — Бога, а зло — дьявола. Раздельность добра и зла в падшей природе человека практически неисследима... "Несть человек иже жив будет и не согрешит". Но отвлеченно можно представить себе добро и зло, как две совершенно раздельные области. Глубина различия добра и зла особенно ясна в конечных результатах их: добро имеет своим концом — наивысшее развитие добродетели и блаженство временное и вечное, а зло — укоренение во грехе, развращение и смерть вечную, соединенную с неизреченными муками ада. Результат добра на земле — вознесение на небо, а результат зла — низвержение во ад.

Действия, согласные с нравственным законом — относятся к добродетелям, а не согласные — к грехам.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Христианская добродетель есть постоянное, основанное на вере в Иисуса Христа и происходящее из любви к Богу и ближним, свободное исполнение Евангельского нравственного закона, совершаемое при неперменном содействии Благодати Божией.

Первое свойство добродетели есть свобода. "Иже хочет по Мне итти, да отвержется себе" — говорил Спаситель (Мк. 8:34). Св. же Василий Великий говорил: "Мы хвалим тех, которые добры по произволению, а не тех, которые вынуждены какой-либо необходимостью".

Затем добродетель должна быть результатом самоотверженной деятельности. "Иже хочет по Мне итти, да отвержется себе". Это особенно подчеркивает св. Иоанн Златоуст: "Добродетели свойственно сражаться с трудностями, и она достойна порицания, когда сопряжена с покоем".

Добродетель должна обладать постоянством своего стремления, а не представлять собою только порывы и кратковременные отдельные добрые движения, которые бывают не чужды людям и порочным.

Основным побуждением к добродетели должна быть любовь к Богу и Его нравственному закону. "Кто любит Меня, слово Мое соблюдет" — говорил Иисус Христос (Ин. 14:15).

Памятуя, что все Евангельские заповеди находятся в органической связи друг с другом, представляя собою органическое целостное единство (почему — "кто согрешит во едином, бысть всем повинен" (Иак. 2:10) — добродетель не может быть изолированной и частичной, а должна находиться в цепи других добродетелей. Св. Макарий Великий говорит по этому поводу: "Все добродетели, на подобие некоторой духовной цепи, одна от другой зависят, как то: молитва от любви, любовь от радости, радость от кротости, кротость от смирения" (Беседа 40).

Добродетель никогда не может "почивать на лаврах", а неустанно должна простираться вперед, к новым подвигам. "В том и состоит истинное совершенство" — говорит св. Григорий Нисский — "чтобы возрастать усовершаясь, никогда не останавливаться в сем возрасте и не находить предела усовершенствованию". Об этом же безпредельном совершенствовании говорил и Сам Спаситель: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Мф. 5:18). Из этого ясно, что для добродетели нет предела совершенства. Начало ее на временной земле, а конец — на вечном небе.

Но, ни зарождения добродетели, ни, тем более, ее роста и совершенствования — невозможно себе представить без помощи благодати Божией. Поэтому наивысшим свойством христианской добродетели должно быть смиреннейшее сознание своих личных немощей в совершении добра и твердое упование на помощь свыше. "Сила Божия в немощи совершается" (2Кор. 12:9).

Таким образом, христианская добродетель с одной стороны есть проявление свободной силы человека (нравственное усилие хотеть любить Бога и жить по Его заповедям, что может быть названо волей к любви к Богу), а с другой стороны — Благодати Божьей, совершающей и усовершающей нравственные чаяния немощной человеческой души. Неустанный вопль к Богу о помощи, постоянная "нищета духа", постоянная жажда общения с Богом — являются как бы духовным магнитом, который притягивает Божественную благодать, любующуюся твердостью вопиющих. Это стяжание благодати

и называется "стяжанием Духа Святого", о котором говорил преп. Серафим, как о цели жизни христианина.

Православное учение добродетели чуждо односторонности, как тех, которые утверждают, что человек одними собственными силами может достигнуть добродетели (пелагиане, социане, философы-рационалисты), так и тех, которые все дело совершения добродетели приписывают только одному Богу (протестанты) и всего ожидают от Божественного вдохновения (квизтисты, квакеры).

ЕСТЕСТВЕННАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Естественный врожденный христианский закон вызывает временами, даже в падшем человеке, стремление сообразовать с ним свои мысли и поступки. Отсюда появляется т. н. естественная добродетель, которая имеет свое жизненное значение и цену пред Богом, поскольку свободная воля человека следует добру естественному движению, а не сопротивляется ему.

Восточные патриархи пишут, что сделанное человеком добро не может быть злом (гл. 14). Земля, ведь, не ад, и на ней еще естественно существуют остатки отвергнутой миром Правды Божьей, остаточные искры райского сияния целостного Добра: элементы естественного альтруизма в душах людей. Некоторые философы-моралисты пытались построить на этом, так называемую, "этику врожденного альтруизма и солидаризма", веря в то, что своими силами, без помощи свыше, человек может уничтожить на земле нравственное зло. "Альтруизм — естественный факт" — говорят эти моралисты — "поэтому задача нравственного воспитания заключается в достаточном и планомерном развитии врожденного естественного чувства солидарности". Грубая ошибка "естественных солидаристов" заключается в том, что процесс духовного умирания они принимают за жизненный процесс, и вместо радикального духовного лечения (обращения за помощью к Богу) — "своими силами" пытаются лечить неисцелимое зло и смерть.

Христианская добродетель глубоко отличается от естественной добродетели. Из всех указанных выше свойств христианской добродетели, во всей полноте не может быть приписано естественной добродетели ни одно. А некоторых она, не может иметь и совершенно.

Так как естественная добродетель проистекает не из полного самоопределения к добру, а только из остатков бывшего природного расположения к нему, то ее проявления могут принимать характер только отдельных порывов к добру, которым чужда непрестанная борьба с низшими стремлениями. Естественная добродетель состоит в исполнении закона естественного, который не только далек от совершенства, но бывает не чужд и заблуждений, не отличая ясно добра от зла. Побуждения в делах естественной добродетели также преимущественно второстепенные, а подчас и низкие (польза, честь, слава и т. п.). Высшие же нравственные побуждения совершенно недоступны для естественной добродетели; невозможно в ней и непрерывное неуклонное возрастание от силы в силу, а тем более недостижима конечная цель добродетели — высшее совершенство, которое возможно исключительно при помощи благодати Св. Духа. Только имея Бога Отцом, а Церковь — Матерью, — христианин способен усовершенствоваться в добродетелях, ведущих ко спасению, а в конечной цели — к "обожению по благодати".

ЕДИНСТВО ДОБРОДЕТЕЛИ

Имеющая одну основу и один источник — Господа и Его закон любви — добродетель представляет собой одно органическое целостное единство, одно гармоническое целое, и, по существу своему неразрывна, ибо между отдельными добродетелями имеется такая взаимная связь и зависимость, что только при полной их совокупности возможна истинная полная добродетель. Эта полная добродетель находится в Любви, которую ап. Павел поэтому и назвал "союзом совершенства", и из нее-то, как лучи из солнца, вытекают все частные добродетели. Но эта целостность добродетели Любви не мешает человеку развивать в своем личном духе какую-нибудь одну сторону этой любви к Абсолюту-Богу и раскрывать свою личность в каком-нибудь определенном направлении благочестия, возрастая в какой-нибудь одной, особой добродетели так, что

она становится центральной, причем прочие добродетели от этого не только не отстраняются, но и усовершенствуются. Господь Сам способствует таким разделением благодатных даров. Ап. Павел по этому поводу говорит: "Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. Но каждому дается проявление Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцеления, тем же Духом; иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело — так и Христос" (1Кор.12:4-12). Почитая разные виды добродетели, как разные божественные дары, православная Церковь ублажает одних святых как исповедников, других — как мучеников, иных — как столпников, иных — как Вселенских Учителей и т. д., — научая нас разными путями стяжать Благодать Добродетели, но наивысшее осуществление всей полноты Добродетели — указано нам в Личности и Жизни Христа, идеально полно целостно единой и совершеннейшей.

ГРЕХ

Зло, как мы указали выше, явилось следствием греха, который совершили первые люди в раю, злоупотребив данной им Богом свободой воли. Грех есть корень всякого зла. Сущность греха заключается в нарушении свободной волей человека благой воли Божьей. Грех есть преступление против всеблагой воли Бога, противление Богу, разрыв союза человека с Богом, отступление от Бога, измена Богу в любви и вере. Большого преступления, чем отступление от Бога, носителя высшего Блага, — нет и быть не может, а потому — грех, как корень всякого зла, есть наибольшее в мире зло, с которым не могут сравниться все другие виды зла.

Единственным до некоторой степени смягчающим бесконечную вину человека обстоятельством является наличие пред совершением греха — соблазна, пришедшего от диавола. Вот почему — такое огромное различие существует в мере наказания Божественного для дьявола и для человека: соблазнитель — проклят навек, а соблазненному дана возможность спасения.

В Адаме, как в семени, заключалось все человечество. Яд семени, грех, — стал ядом, отравившим нравственным злом все человечество. Искупление и спасение от этого яда греха, как мы знаем, возможно только через Спасителя, при наличии свободного произволения и усилия человека в деле истинного покаяния с плодами.

Корень, сущность, основа греха — в себялюбии, в любви к себе большей, чем к Богу. Поэтому и развитие греха состоит, главным образом, в наибольшем утверждении и укоренении человеческого своеволия, предпочтении закону Божьему — личных стремлений душевных и телесных, которые, в таком случае, чем далее, тем более приобретают господство над духовными.

Грех, в начале своем, — подобен семени плевел. Исходя из глубины души человека, семя дает росток, который, через повторение греха возрастает в большие плевелы. Плевелы быстро разрастаются, наполняют всю душу, вытесняя из нее все добрые растения. Об этом процессе роста греха так говорит еп. Никанор в своем "Курсе Нравственного Богословия": "Нечистое пожелание сердца, не быв остановлено в начале и быв принято помыслом, через него действует на волю и таким образом совершается грех, который влияет на происхождение других грехов и вообще все более и более нравственно растлевает человека".

Великие аскеты-подвижники (св. Иоанн Лествичник, преп. Нил Сорский и др.), наблюдая за действием греха в душе человека, — отметили следующие фазы его развития. Первый момент греха называется прилогом. Он заключается в нечистом помысле, возникающем спонтанно в душе человека, через воображение или мечтание, или же бываете от воздействия на чувства разных соблазнительных внешних явлений, или же его причиной бывают козни дьявола. От прилогов-помыслов не бывают свободны и великие подвижники. За прилогом, если он не будет тотчас же удален из души (размышлением о других, противоположных помыслу предметах, а лучше — молитвою) — следует так называемое сочетание с ним, состоящее в том, что человек

останавливает свои мысли на соблазнительном предмете, благодаря чему наступает третий момент: наглядное представление греха. В это время надо спешить прогнать врага, пока он еще не пленил человека. Пленение — составляет четвертый момент греха. Оно состоит из внутреннего решения подчиниться греху и, наконец, из самого греха. (Иногда эти четыре момента формулируются несколько иначе: 1) прилог, 2) борьба с ним, 3) согласие на грех, 4) совершение греха)

Когда грех совершен, то остается одно из двух: или рабство греху, или покаяние и решимость впредь избегать греха. Но эта решимость, чем позднее наступает, тем становится бессильнее, ибо с каждым повторением греха ослабевает сила противодействия ему и, напротив, возрастает страсть ко греху. Страстью называется сильнейшее, иногда неуправляемое, стремление к совершению греха. Оно возникает, по преимуществу, через многократное повторение греха. Обуреваемый страстью грешник забывает все: истину, добро, запросы духа, законы, нравственные заповеди Божьи и Самого Бога, и становится способным на самые ужасные злодеяния, повергающие страстную душу в бездны порока.

Необузданные порывы страстей и вообще греховно-страстная жизнь — часто вовлекают человека в полную власть дьявола, от которого можно избавиться по указанию Спасителя, только молитвой и постом. Ап. Павел, для победы над дьяволом советует "облечься во вся оружия Божия", а в особенности вооружиться мечом духовным, который есть Слово Божие.

Страсть, вошедшая в привычку (привычка — вторая натура) — становится пороком. Порочным именуется человек, постоянно пребывающий в греховной настроенности. Порок есть постоянная настроенность воли ко злу. Подобно тому, как добродетельный человек старается неуклонно исполнять волю Божию и подчиниться Его закону, так порочный человек, напротив, везде, всегда и во всем поставляет своеволие средоточием всей своей жизни и деятельности.

Если для избавления от страстей нужна благодатная помощь Божия, то еще в большей степени нуждается в этом человек порочный. И, если сам порочный человек не вопиет к Богу о помощи, то, часто, Господь Сам простирает Свою руку, иногда посылая скорби и страдания, как последнее средство для вразумления грешника. Скорби всегда благодатны. Вот почему св. Иоанн Златоуст говорил: "Слава Богу за все, а особенно за скорби". Но не всех и не всегда вразумляет наказание Божие, посылаемое Им с любовью к грешнику: порочная настроенность способна доходить до ожесточения.

Самые тяжкие грехи называются смертными. Так именуются грехи, которые касаются высших предметов богопочитания и жизни благодатной. По определению свв. отцов Седьмого Вселенского Собора: "грех к смерти есть, когда некто согрешая, в неисправлении пребывает. Горше же сего то, когда жестокоугодно возстают на благочестие и Истину" (Правило 5-ое). Из этого видно, что и не особенно важный грех, чрез упорное укоренение в нем, может стать смертным. Обычно к смертным грехам относятся: гордость, любостяжание, блуд, зависть, чревоугодие, злопамятование, беспечность и другие. Нет греха непростимого, кроме греха нераскаянного. Посему больше всего надо бояться уныния (тоже смертный грех), которое может привести к отчаянию. Не менее опасно и состояние беспечности. Не нужно никогда забывать, что воскрешавший мертвых и введший в рай покаявшегося разбойника — силен оживить и спасти нравственно умирающих.

НРАВСТВЕННОЕ ВМЕНЕНИЕ

Свободная воля человека дает ему право свободно избирать добро или зло, но за свой выбор и дальнейшие последствия его, всякий отвечает, так как этого требует долг справедливого воздаяния, или иначе закон нравственного вменения. Этот закон есть один из основных и важнейших нравственных законов. Он выражает сущность справедливости, является заключительным актом всей нравственной жизни. Если бы его не было — не было бы и нравственной оценки, а тогда все нравственные действия потеряли бы всякий смысл и стали бы безцельными.

Закону вменения подчиняются все нравственно разумно-свободные существа, потому что они обладают способностью сознавать себя виновниками нравственных действий, достойными за последние награды или наказания. Область применения закона

нравственного вменения чрезвычайно велика, так как она охватывает все дела, слова и даже мысли и чувства. "За всякое праздное слово, которое скажут люди, дадут они ответ в день суда". Так как закон вменения основывается в нас на требованиях разумно-свободной природы человека, то и право и власть нравственного вменения, прежде всего, принадлежит самому человеку, его совести, которая или оправдывает или осуждает его поступки, слова, мысли, чувства и стремления. Но так как суд совести не всегда и не у всех бывает ясен, отчетлив и верен (ибо свободная злая воля может и заглушать голос совести), — то Высший Законодатель всех законов и Начальник жизни — Бог — предоставил право и власть нравственного вменения родителям, наставникам, начальникам, судьям и другим представителям власти: родительской, гражданской, государственной и, наконец, церковной. При этом следует дать особое разъяснение. Право нравственного вменения может быть предоставлено только такой власти, которая самое себя признает ответственной в своих решениях, перед судом Религии и Церкви. Вот почему право на нравственное вменение в сугубой силе принадлежит именно Церкви, которой, в лице церковных пастырей, дано право "вязать" и "решить". Но высшее, безусловное и окончательное вменение принадлежит, конечно, Самому Судии всех — Богу, от Которого не укроется никакое тайное дело, никакой тайный помысел. На Страшном, справедливейшем, нелицеприятном всеобщем Суде Господнем — каждому воздастся по делам его. Основное правило нравственного вменения состоит в том, что всякое действие (воли, мысли и чувства), согласное с волей Божьей и совершаемое по любви к Богу, — признается нравственным, а противное этому — злым.

ЛИЧНОСТЬ СПАСИТЕЛЯ — КАК ЖИВОЙ ИДЕАЛ НАВРСТВЕННОГО СОВЕРШЕНСТВА

Не превосходимое и исключительное величие христианской нравственности заключается в том, что она имеет не только истинный нравственный закон и благодатную помощь к его исполнению, но и обладает живым идеальным образцом и совершеннейшим личным примером нравственной жизни в Лице Своего Законодателя и нашего Спасителя — Господа Иисуса Христа. Сам Спаситель нам заповедал стремиться к этому идеалу: "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" и "Я и Отец — одно".

Неслиянное и нераздельное соединение Божественного и человеческого начала во Христе, т.е. Личности Богочеловека, дана нам как живой реальный идеал нравственного совершенства. Иными словами, перед христианином, Самим Богом, в Лице Богочеловека — Христа, поставлен образец, к которому призывается стремиться каждый христианин.

Точный и полный нравственный образ Иисуса Христа, обладающий безконечным нравственным совершенством — невозможно исчерпать человеческими словами. По словам св. ев. Иоанна Богослова, описание того, что сотворил Иисус Христос — потребовало бы столько книг, что их не смог бы вместить весь мир. Поэтому, отметив самое существенное и поразительное свойство Личности Спасителя — Его безграничную любовь, высочайшую свободу и совершенство. — мы укажем лишь, как эти основные нравственные черты Его личности проявились в Его отношении к Богу Отцу, к Себе Самому и к людям. По отношению к Богу-Отцу Иисус Христос всегда находился в единении. "Я и Отец — одно", — говорил Сам Иисус Христос. Неоднократно Он Сам утверждал, что Он от Бога исшел и к Богу грядет, что Он равен Отцу по самосутию и деятельности. Воплотился Он по воле Отца. Видевший Сына видел и Отца. Закон Божий был постоянно в сердце Иисуса Христа, и исполнение этого закона даже до смерти — было основой всей Его жизни и деятельности. Это было потому, что любовь к Отцу — составляла основу духа Христова. Вся жизнь Его на земле была как бы непрестанной молитвой: словами, мыслями, чувствами, деяниями. Последняя молитва Иисуса Христа на кресте перед смертью была: "Отче, в руки Твои предаю дух Мой". Итак, по отношению к Отцу — Иисус Христос явился на земле безконечно любящим, всецело неизменно преданным Сыном, отдавшим жизнь Свою за весь мир, во исполнение всеблаготворительной и справедливой воли Отца.

Из полного, всецелого, всепоглощающего слияния человеческой воли с волей Бога-

Отца — вытекало и замечательное свойство человеческой природы Христа: безгрешность. Но к безгрешности и стремится всякий христианин. В полном и всецелом до конца предании своей воли — воле Божией и заключается путь к безгрешности.

Всецело уповая на Промысл и постоянную помощь Божию, Иисус Христос как человек, не заботился ни о чем временном (о пище, питии, одежде, жилище). Но уповая на помощь, Он не только никогда не роптал, если помощь не приходила, но даже Свою молитву о Чаше заключил словами: "впрочем не как Я хочу, но как Ты". И в молитве Господней дал прямое и ясное указание об этом в словах к Богу-Отцу: "Да будет воля Твоя". Всецело преданный Отцу, Иисус Христос являя Собой идеал дивной гармонии слова и дела, спокойствия духа и ясности сознания. Ему чужды были страстность и раздражительность. Даже законный гнев Его — был гневом Любви, скорбящей от беззакония, лжи и лукавства. В самые тяжкие минуты величайших страданий Своих, Он вполне сохранял сознание и самообладание, молясь за палачей, заботясь о Матери. Даже в страшный час оставленности, — Он взывал к оставившему Его Отцу, уверенный в Его Помощи и Любви. Может ли быть более прекрасный, более совершенный, более умирительный и более благодатный Образ для христианина, чем распятый Спаситель мира.

О характере ума Христова так прекрасно говорит еп. Никанор в своем курсе "Нравственного Богословия": "Бедный, неученый, Он (Христос) выступил на поприще общественного учительства без всякого опыта, без друзей и всякого рода других внешних опор. И могучее Слово Его слушали все с безконечной жаждой, забыв о пище в домах своих (в пустыне). Он учил просто, без всяких подготовок. Его знание не представляется заимствованным извне, но плодом Его вечной мысли. Вполне обладая высочайшими тайнами, Он не волновался ими, подобно другим смертным, но говорил спокойно и без напряжения. В Его речах не видно следов сухого образования. О самых высоких предметах Он учил так, что Его подлинная мысль была до очевидности понятна. Самые высочайшие мысли Он весьма часто представлял в самых простых образах и сравнениях, и они являлись в необычайной живости и привлекательности".

Не идеальный ли образец дан здесь для мышления христианина? Воистину "свет Христов просвещает всех" и в свете этом становится ясно, что "мудрость мира сего — безумие пред Богом". На кротость и смирение, как основные черты Своей святости, указывал Сам Иисус Христос, говоря: "возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим" (Мф. 11:29).

В отношении к людям Иисус Христос показал Себя как идеальный сын, как идеальный гражданин, как идеальный Учитель и Спаситель. Никто не отходил от Него, не получив необходимого. Воистину Он был всем — вся. Не так ли и мы должны стремиться быть на всех поприщах и во всех своих отношениях к ближним. Вся жизнь Христа прошла в благодеяниях и тем установила закон общения людей друг с другом. Каждый каждому может и должен оказывать благодеяния. Как просто, как мудро и радостно разрешилась бы самая мучительная и неразрешимая на земле социальная проблема, если бы это начало восторжествовало в людях.

Подражание во всем Личности и жизни Христа, будучи до конца невозможным, оказывается, тем не менее, самым могущественнейшим средством к воссозданию в нас образа Божия и к достижению спасения и блаженства.

Будучи Сам Путем, Истиною и Жизнью, в процессе оказания христианам Своей Божественной благодатной помощи, Иисус Христос основал Свою Церковь, которую не смогут погубить все силы ада. Поэтому, каждый христианин, желающий идти по стопам Христа, может это осуществлять только с Его помощью, в Им основанной, Его благодатной Церкви.

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОЙ АСКЕТИКИ

Аскетизм — это подвижничество. Аскетика есть высшая духовная богословская наука о подвижничестве, т.е. о пути достижения высшего (совершенного) нравственного блаженного состояния.

Христианин, обладающий всей полнотой благодатной божественной помощи, в случае свободного активного желания ею пользоваться, должен непрестанно хранить и питать в себе дух ревности о жизни в Боге, постоянно упражнять все свои силы в религиозно-

нравственной деятельности и неустанно вести борьбу с искушениями ко злу, так как в этих подвигах совершается преуспеяние в истинно-христианской жизни. Аскетика указывает путь (метод) для осуществления этих высших задач нравственного совершенствования. Если нравственное Богословие учит началам нравственной жизни и общеобязательным принципам нравственного поведения христианина, то аскетика учит об идеалах христианской нравственности и о методах осуществления неуклонного стремления к нему. Хранение и питание духа, ревность о жизни по воле Божией — есть великая спасительная сила. Об этом духе ревности так говорит еп. Феофан Затворник: ("Путь ко спасению"): "где он, там заботы, усердие, готовность на дела угодные Богу. Где его нет, там все прекращается и падает: нет жизни духа, он холодеет и замирает..."

Огонь этой ревности возбуждается благодатью Божией, но поддерживается человеческими усилиями, выражающимися духовной собранностью, памятованием Истин Откровения и постоянной склонностью к покаянию.

Духовная собранность, или, как ее называют некоторые богословы — "самособранность" — есть заключение сознания в сердце. Таким образом, самособранность не есть самоуглубление при размышлении, когда все сосредоточивается в уме человека, а, наоборот, — есть самоуглубление в свое собственное сердце, куда заключается и ум. Иными словами, самособранность есть пребывание в глубине глубин своей души, почему в аскетике такой человек называется внутренним ("Царствие Божие внутри вас есть").

По определению еп. Никанора — "совершенство самособранности заключается в чистоте ума от помыслов, свободе воли от пожеланий и независимости сердца от всех страстей". Находящемуся внутри себя становятся особенно очевидными и понятными Истины Откровения, которые аскетика рекомендует усиленно и непрестанно памятовать. Св. Тихон Задонский заповедует особенно ясно и упорно держать в памяти мысли о Вседержительстве Божиим, о Домостроительстве нашего спасения, о смерти, о суде, о рае, об аде. Отсюда развивается, так называемое духовное зрение, когда человек как бы предстоит пред миром духовным: перед Богом, Церковью, смертным часом, Страшным Судом и картинами рая и ада. Духовное зрение сохраняет стремление к полной нравственной чистоте и к постоянной благочестивой настроенности. Вспомним, что премудрый Сирах учил: "помни последняя твоя, и во веки не согрешишь". Св. Макарий Великий, по его собственным словам, был "изсушен памятью огня геенского".

Зрение духовного мира вызывает покаянное настроение и приводит к сокрушению сердечному со взыванием к Богу: "Господи, имиже веси судьбами — спаси мя". Чтобы еще более усилить дух ревности о жизни по воле Божией следует упражнять все свои душевные и телесные силы в этом направлении. Метод этого упражнения и составляет главнейшее содержание науки аскетики.

Рост духовной нравственной личности христианина — резко отличается от естественного роста растения, животного, и от телесного роста человека, Духовный рост сопряжен с многотрудной борьбой внутренней, борьбой с самим собой. Для этой борьбы, для этой духовной брани — необходимо знать определенные аскетические правила и иметь определенные аскетические понятия. Одним из лучших руководств к этому является замечательный труд еп. Феофана Затворника (составленный по старцу Никодиму Святогорцу) — "Невидимая брань".

Некоторые основные мысли еп. Феофана, высказанные в этом и других его трудах (напр. в "Письмах о христианской жизни"), а также некоторые мысли других аскетических писателей (напр. еп. Игнатия Брянчанинова "Аскетические опыты", 5 томов; "Моя жизнь во Христе" св. прав. Иоанна Кронштадтского Чудотворца; "Поучения оптинских старцев" и друг.) — помогут нам дать краткое изложение основ православной аскетики.

Приведем некоторые цитаты, в которых высказываются глубокие православные мысли. "Самое совершенное и великое дело, которого только может желать и достигнуть человек — есть сближение с Богом и пребывание в единении с Ним" (еп. Феофан). "Цель христианской жизни есть стяжание Св. Духа" — говорил преп. Серафим. "Все эти добродетели: пощение, бдение, коленопреклонение, спанье на голой земле, многие молитвословия, долгие церковные службы, умная молитва, уединение, отшельничество, молчание и другие, — одни не составляют искомого христианского совершенства, но

суть лишь средства и способы к достижению его" (еп. Феофан).

Об этом же писали и многие другие аскеты-подвижники, особенно же преп. Макарий Великий, преп. Нил Сорский и преп. Серафим Саровский. "Три главных врага наших в деле христианского совершенствования суть: плоть, мир и дьявол" (Еп. Феофан). Вспомним слова ап. Павла о "законе плоти" противоборствующем "закону ума". Мир, полный соблазнов питает именно этот "закон плоти". Дьявол же приумножает соблазны плоти и мира и создает свои.

"Добродетели, лишь внешне совершаемые (когда сердце течет в собственных волениях или в волениях дьявола) — могут причинять большой вред, и дьявол не мешает не только с радостью подвизаться в них, но и умножает их по суетному их помыслу" (еп. Феофан). "Удобнее обратится на добро явный грешник, нежели скрытый, укрывающийся под покровом видимых добродетелей" (еп. Феофан). "Для христианского совершенства необходима брань с самим собой..." "Четыре расположения и духовных делания необходимо водружать в сердце своем для победы в этой невидимой брани: 1) никогда ни в чем не надеяться на себя; 2) носить в сердце всегда полное и вседержновенное упование на Единого Бога; 3) непрестанно подвизаться; 4) всегда пребывать в молитве" (еп. Феофан). Особенно подчеркивает еп. Феофан "ненадеяние на себя", без чего невозможно устоять даже в самом незначительном столкновении с врагом. "Всякое в нас добро происходит от Бога, как источника всякого блага, а от нас самих не может произойти ничего истинно доброго, ни помысл добрый, ни доброе дело" (еп. Феофан).

"Основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности" (св. Максим Исповедник). "Тот только и знает себя наилучшим образом, кто думает о себе, что он ничто" (Св. Иоанн Златоуст). Поэтому, при впадении в прегрешения, еп. Феофан Затворник рекомендует "как можно скорее и живее обращаться к узрению немощности своей и сознанию ее". "Конечно, ни в коем случае, не следует оправдывать своего прегрешения немощностью. Это было бы лукавством перед Богом. Не оправдываться, а в ужасе от сознания немощности своей в деле творения добра следует тотчас искренно и настойчиво молить Бога о помощи и хотеть этой помощи всей душой". "Бог попускает гордым и самонадеянным впасть в то самое прегрешение, от которого предохранить себя они сами считают довольно сильными, да познают немощь свою" (еп. Феофан). "Необходимо блюсти ум от неведения и от многоведения и любопытства, ибо множество ведения представлений и помыслов, не исключаяющих и суетных, непотребных и вредных — делают ум безсильным и он не возможет уже добре уразумевать, что пригодно к истинному самоисправлению нашему и совершенству" (еп. Феофан). Эта глубокая мысль о вреде слишком обширного по количеству знаний образования (в коем перемешано ценное с безценным) — может быть иллюстрирована сравнением с песком золотым, который перемешан с массой песка простого. "Ничего в мире не хоти знать, кроме Господа Иисуса Христа и притом распятого (по совету ап. Павла 1Кор.2:2), кроме Его жизни и смерти и кроме того, что Он требует от тебя" (еп. Феофан).

"Дьявол часто влагает в умы гордых и самолюбивых людей мысли высокие, тонкие и изумляющие... И тогда они, увлекаясь удовольствием иметь и рассматривать такие высокие помыслы, забывают блюсти чистоту своего сердца и внимать смиренному о себе мудрованию и истинному самоумерщвлению, и, таким образом, будучи опутываемы узами гордыни и самомнения, делают себе идола из своего ума... Это дело крайне опасное и трудно врачуемое; гордость ума гораздо бедственнее, чем гордость воли" (еп. Феофан). "Во всяком деле надо ничего не иметь ввиду, кроме единого угождения Богу" (его же). Какой это прекрасный принцип для всякой деятельности человека. Что бы ни начал или ни собирался делать, — я должен спросить себя: "А это будет угодно Богу?" Перед ответственным же делом, великие подвижники Варсонуфий и Иоанн рекомендуют поступать так: "трижды помолись, а потом, куда склонится сердце твое, то и делай". Это побуждение или цель — благоугождать непрестанно Богу — и познать никому невозможно вполне, какую имеет силу и мощь в духовной жизни нашей... Ибо пусть какое-либо дело будет по себе самое простое и последнее, но когда оно творится единственно для благоугождения Богу и во славу Его, тогда оно бывает несравненно ценнее в очах Божиих, нежели многие другие высокие, славные и величайшие дела, совершаемые не с этой целью... Поэтому лучше один динарий дать

бедному с единственной целью благоугодить Богу, нежели раздача всего имущества с другой какой-либо целью. Даже для того, чтобы получить небесные блага, хотя и такая цель добра и желательна" (его же).

"Знай, что в невидимой брани две воли сущие в нас воюют между собой: одна принадлежит разумной части души и потому называется волею разумною, высшею, а другая принадлежит чувственной нашей части и потому называется волею чувственной, низшей, обще же она называется волею бессловесною, плотской, страстной. Высшая воля желает всегда одного добра, а низшая — лишь зла. То и другое совершается само собою, почему ни доброе желание само по себе не вменяется нам в добро, ни злое во зло. Вменение зависит от склонения нашего свободного произволения; почему когда склоняемся мы произволением своим на доброе желание, оно вменяется нам в добро, а когда склоняемся на злое желание, оно вменяется нам во зло..." "Желания сии одно другому сопутствуют: когда приходит доброе желание, тотчас выступает против него желание злое; и когда приходит желание злое, тотчас выступает против него желание доброе. Произволение же наше свободно следовать тому и другому, и к какому желанию склоняется оно, то и бывает на этот раз победительным. В этом и состоит вся невидимая наша духовная брань" (его же). Тонкое наблюдение над собою показывает, что, действительно, при всяком желании сделать доброе, всегда говорит в нас и противоположное, часто называющее себя "благоразумием"; а при всяком желании совершить злое, — всегда где-то в глубине ясно или слабо говорит другой голос, осуждающий нас (голос совести). "Все истинно духовное производится благодатью Св. Духа" (еп. Феофан). "Бог даровал нашему свободному произволению такую силу, что, хотя бы все свойственные человеку чувства, весь мир и все демоны вооружились против него и вступили с ним в схватку, они насиловать его не могут; на его стороне всегда останется свобода возжелать предлагаемого и требуемого, если захочет, и не возжелать, если не захочет. За то оно и отвечает за все и подлежит Суду. Запомним же это добре, что как бы ни казался ты себе расслабшим, ты отнюдь не можешь извинить себя, если склонишься на страстное влечение. Это и совесть твоя скажет тебе" (его же).

"Где совершилось нравственное падение, там прежде водворилась гордость" (его же). "Наказание гордому есть падение" (св. Иоанн Лествичник). "Почитай потерянным тот день, в который, хотя и делал добрые дела, но не преодолевал своих худых склонностей и пожеланий..." "Ибо нередко бывало, что один час ревностного труда стяжевал рай, как и напротив, один час нерадения — лишал его" (еп. Феофан).

"Помни: всякая наша печаль, скорбь и страдание ничто в сравнении с болезненными мучениями и ранами, коими поражены были душа и тело Господа во время спасительных страстей Его, нашего ради спасения" (его же). "Добрые чувства молчаливы..." "Вообще многословие отворяет двери души, через кои тотчас выходит сердечная теплота благоговейства, тем паче это делает пустословие" (его же). "Аще кто и в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздать и все тело" (Иак.3:2). Св. Исаак Сирий называл молчание таинством будущего века: "Слова же суть оружие мира сего". (Св. Варсонуфий, пред. Тихон Калужский и преп. Павел Обнорский — считали молчание выше всех добродетелей).

"Воображение — сила неразумная, действующая, большей частью, механически, по законам сочетания образов; духовная же жизнь — есть образ чистой свободы. И они (воображение и духовная жизнь) — несовместимы..." "Бог вне всяких чувств и всего чувственного... без-образен и безвиден... Он вне всякого воображения..." (еп. Феофан).

"Никакое воображение не имеет места в отношении к Богу, ибо Он есть выше всякого помышления и пребывает превыше всего" (Св. Игнатий и св. Каллист. Добротолюбие).

"Отсюда само собою следует, что воображение есть такая сила души, которая по природе своей не имеет способности пребывать в области единения с Богом..." "Многовидная фантазия есть изобретение и порождение диавола" (еп. Феофан). (Православное учение о значении воображения в духовной жизни человека — резко отличается от католического. Ср. Фому Кемпийского). "Прежде св. Крещения Божественная Благодать подвигает человека на добро со вне, а сатана кроется в глубинах души и сердца; после же крещения демон витает вне сердца, а благодать вселяется внутрь" (св. Диадок, см. Добротолюбие). "Легче борьба с ощущениями и восприятиями, чем с представлениями и воображением" (еп. Феофан). "И на мгновение одно не оставляй в сердце греха

неисповеданным..." "Ныне, сейчас — в моих руках, а завтра, после — в руках Божиих..." Ведай, что кто пропускает случай сделать добро, тот не только лишается плода от добра, которое сделал бы, но и Бога оскорбляет. Бог посылает к нему нуждающегося, а человек говорит: отойди, после" (еп. Феофан). "Бесы выкапывают три ямы: 1) препятствуют доброму делу; 2) если это не удастся, то стараются, чтобы сделано было не по Богу; 3) если и это не удастся, то ублажают нас, как живущих во всем благоугодно" (св. Иоанн Лествичник). "Бог вложил в душу ведение о Себе в уме, и о воле Своей — в совести, осеняя то и другое чаянием вечно-блаженной жизни; это семя духовной жизни..." "В деле духовной жизни и стяжания добродетели, как только остановимся хоть на короткое время — тотчас подадимся назад" (его же). "И совершенных несовершенного совершенство" (св. Иоанн Лествичник). "Когда брат твой впадает в грех, то думай о нем: так как он имеет много сокровенных добродетелей, то Бог, для сохранения их от повреждения тщеславием, попустил ему впасть в теперешний грех" (еп. Феофан). "Значение молитвы в невидимой брани: ты влагаешь ею бранный меч свой в десницу Божию". "Порядок молитвы: сначала возславь Бога, потом возблаговари, далее исповедуй грехи и, наконец, — проси потребного" (его же). Если мы выполним это правило, то часто оказывается, что и просить то не о чем, ибо после славословия, покаяния и благодарности становится ясно, что Господь пошлет нам все нужное и без нашей просьбы. А потому — самая действенная молитва особенно любимая православным русским народом: "Да будет Воля Твоя, Господи!".

"Молитва никогда не бывает не услышанною и бывает только то, что посылаемое вследствие ее есть не то, о чем просят, не зная, что то бесполезно для них, и что невидимым оставляется потому, что увидеть то не безвредно для получающих..." "Молитва никогда не остается бесплодной. Если не получаешь просимого, верь, что получаешь иное вместо него благо" (его же). "Не получить бесполезное — есть сподобиться полезного... веруй, что если б по часту не было для нас благотворнее не получить того, чего просим, то Бог всегда подавал бы нам просимое" (св. Иоанн Лествичник). "Не на Фавор только идти в след Господа, но и на Голгофу" (еп. Феофан). "Четыре главных искушения бывают перед смертью: 1) колебание веры; 2) отчаяние; 3) тщеславие; 4) страхи" (его же). "Отрицание даже истинных видений от Бога, по смирению, позволительно, потому что Богу никогда не бывают неприятны наши смиренные чувства. Главное основание сердечного мира есть смирение..." "Если любишь мир сердца — потщись войти в него дверью смирения; другого входа в него кроме смирения нет" (еп. Феофан). "Любовь к Богу не имеет предела, как любимый Бог — предела и ограничения. Но любовь к ближним — должна иметь свой предел и ограничение. Если ты не будешь держать ее в подобающих ограничениях, то она может удалить тебя от любви к Богу, причинить тебе большой вред, вторгнуть тебя в пагубу... Воистину должен ты любить ближнего, но так, чтобы через то не причинять вреда душе твоей. Делай все дела твои просто и свято, не имея в виду ничего другого, кроме одного благоугождения Богу; и это охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов. В делах сих самое важное есть способствование спасению ближних". "Когда душа мирна — врагу к ней нет доступа" (его же).

"Оставленность — особая милость Божия; со смирением и терпением переносимая — приносит много плода: из этого состояния душа выходит с чувством обученным к вернейшему различению добра и зла..." "Если искушения происходят от диавола и от людей, то они попускаются Богом и Им посылаются во благо нам и для отвращения какого-либо большего искушения" (еп. Феофан).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Частное учение об обязанностях и добродетелях христианина

ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ХРИСТИАНИНА

Вторая часть Нравственного Богословия имеет задачей изложить учение о частных обязанностях христианина, вытекающих из общего христианского нравственного закона.

Как уже было указано прежде (см. главу: "Основной источник христианской

нравственности"), поведение христианина не может быть точно и скрупулезно регламентировано. Не может быть точных рецептов — как именно надо поступать в каждом конкретном случае жизни. Это происходит, во-первых, потому, что в христианском нравовании обращается внимание не столько на сам поступок, сколько на его духовные мотивы, но так как и высоконравственные мотивы могут привести к ошибочным поступкам, чреватым тяжелыми отрицательными нравственными последствиями, то, кроме мотивов, христианская нравственность должна еще обладать тем, что на языке аскетики называется "рассуждением". Рассуждение — это высшая православная добродетель. Для нее требуется иметь чистое сердце, полное любви ко Христу, целомудренный ум, просвещенный умом Христовым, и самоотвержение личной воли во имя Христа.

Рассуждение духовно контролирует мотивы, ясно видит цель и результат будущего поступка. При стяжании этой высшей добродетели, — собственно говоря, нет надобности в частном учении об обязанностях христианина: они будут каждый раз ясны. Но, ввиду того, что достаточное стяжание рассуждения — очень редко, практически важно дать общие руководящие указания и для частных случаев христианского поведения.

Частные обязанности христианина могут быть подразделены на три основных направления:

- 1) обязанности к Богу,
- 2) обязанности к самому себе, и
- 3) обязанности к ближним.

ОБЯЗАННОСТИ ХРИСТИАНИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К БОГУ

Все обязанности христианина по отношению к Богу вытекают из любви к Нему, которая включает в себя веру в Него и надежду на Его безграничную милость и помощь. Любовь к Богу ищет форм выражения и находит их в богопочитании. Отношение между Богом и человеком есть отношение Абсолюта к ничтожеству. Поэтому, вполне естественно, что служение Богу непременно сопровождается чувством величайшего благоговейного страха и трепета. По слову пророка, служить Богу следует "со страхом" и радоваться Ему "с трепетом" (Пс.2:11). "На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих" — говорит Сам Всевышний Господь через Своего пророка (Ис.66:2).

Любовь к Богу, сопровождающаяся благоговейнейшим страхом Божиим и радостным трепетом, диктует человеческому сердцу и устам молитву славословия, самую угодную для Бога молитву человека (молитва может быть славословная, благодарственная, покаянная и просительная, но самая угодная Богу молитва — славословная). Ответом на такую молитву, если она становится непрестанной, является то благодатное посещение человеческой души Духом Божиим, которое преп. Серафим называл "стяжанием Св. Духа". Это состояние сопровождается невыразимым никакими словами чувством тихой, спокойной радости, ибо Дух Святой, по выражению того же преп. Серафима, "радостотворит все, к чему прикасается".

Так как человек состоит из души и тела, которые неразрывно и таинственно связаны между собой, то и прославление Бога должно быть "и в телесах наших, и в душах наших, яже суть Божия" (1Кор. 6:20). Отсюда вытекает, что и богопочитание должно быть внутренним и внешним. Одно с другим тесно связано. Одно внешнее богопочитание — есть кощунство и лицемерие. Сам Господь выражает через пророка негодование на такое почитание: "приближаются ко Мне людие сии, усты своими и устнами чтут Мя: сердце же их далече отстоит от Мене, всуе же чтут Мя". Но, с другой стороны, и одно внутреннее богопочитание без внешнего выражения в теле не может быть полным, действенным и не может укрепиться в человеке. Опыт жизни показывает, что каждый духовный акт становится тем совершенней и глубже, чем он более находит для себя соответствующего выражения в чувственном теле и во внешнем мире. Также и каждое живое чувство, переполняющее сердце, стремится выразиться во вне. "От избытка сердца глаголет уста" (Мф.12:34).

ВЕРА В БОГА

Вере, надежде и любви к Богу учит нас все Св. Писание, но послания ап. Павла — особенно научают нас вере, послания ап. Петра — надежде, а послания ап. Иоанна — любви.

Без веры в Бога невозможно ни любить Его, ни надеяться на Него. Поэтому вера в Бога есть первейшая нравственная обязанность христианина к Богу. Вере в Бога не только ничто не мешает, и мешать не может, но способствует и помогает все окружающее человека, т.е. вся природа, свидетельствующая о премудрости Божией. Также помогает вере в Бога и добросовестное изучение человеком самого себя. Но все так называемые доказательства бытия Божия — не являются насилием над свободной волей человека, который может, несмотря на всю убедительность этих доказательств, не верить в Бога, т.е. верить, что Его нет. Если же свободный человек имеет формальное право и на атеизм, то он же, именно, в силу полной внутренней свободы, является и, безусловно, ответственным за свой выбор, за свое решение и за все последствия этого выбора и решения.

"Без веры невозможно угодить Богу" (Евр.11:6). Следовательно, вера в Бога есть первейшая нравственная обязанность христианина. Если всякое познание ума есть, в конце концов, некое принуждение, ибо невольно навязывается человеку и не зависит от его свободной воли, то вера, наоборот, есть, прежде всего, акт свободной воли. Поэтому вера есть добродетель.

Искренняя и пламенная воля к Истине, любовь к Истине и эгоизм — две вещи несовместимые. Тот, кто любит себя больше Истины, познать Истину не способен. Тот же, кто любит Истину больше себя — непременно ее найдет. "Всяк, иже есть от Истины, послушает гласа Моего" — сказал Господь наш Иисус Христос Пилату. Это значит, что стремящийся к Истине непременно будет верить в Бога.

Для укрепления и очищения веры необходимо, чтобы она не была слепой и безотчетной. Св. Писание учит нас быть здоровыми в вере (Тит.1:13), испытывать духов — от Бога ли они (1Ин.4:1), и быть готовыми дать отчет в своем уповании всякому вопрошающему (1Петр. 3:15). Сам Спаситель, для доказательства истинности Своего учения ссылаясь на благотворность и высоту его (Лк.4:18-19; Ин.3:17-21; 6:63), на чудесные дела Свои (Ин.5:36; 10:38), на святую жизнь Свою (Ин.8:46), на свидетельство Бога-Отца (Ин.5:39) и на пророчества Ветхого Завета (Ин.5:39 и 46).

Чем более христианин укрепляется в нравственной жизни и очищает свое сердце, тем менее он нуждается в постороннем подкреплении своей веры и тем крепче он верит, вопреки всем соблазнам мира и кажущимся противоречиям ума. Ибо чистые сердцем непосредственно духовно зрят Бога. Истинная и крепкая, всеобъемлющая и полная вера в Бога сочетает человеческую волю с волей Бога, а потому, по неложному слову Господню, воистину "все возможно верующему". По словам ап. Иоанна Богослова, "сия есть победа, победившая мир, вера наша" (1Ин.5:4).

Грехи против христианской веры суть: суеверие, идолослужение, равнодушие к вере (индифферентизм), сомнение (скептицизм), неверие в Бога (атеизм), борьба с Богом (т. н. богоборчество), магия, гадания, ворожба, волшебство, общение со злыми духами, служение сатане (сатанизм).

Особым грехом против веры в Бога является злоупотребление Именем Божиим и искание знамений и чудес без истинной в них надобности. Не все понимают какой страшный грех есть неверие в Бога. Отрицая личного Бога, человек отрицает бессмертие души, и свободу, и грех, и нравственность. Воистину, "рече безумен в сердце своем: несть Бог" (Пс.13:1). Для предотвращения неверия необходимо с раннего младенческого возраста насаждать семена веры и благочестия в душах детей и содействовать росту и укреплению веры. Поэтому тяжкая ответственность падает на родителей, наставников, учителей, пастырей и всех тех, кто не содействует при каждой к этому возможности развитию в людях, особенно же в детях, веры в Бога.

Вероотступничество, измена Христу и Церкви — есть особая разновидность греха против веры в Бога. Чем глубже уже была развита вера в Бога прежде, тем более тяжкая ответственность падает на отступников. Если же изменит Богу тот, кто достиг святости, т.е. тот, кто уже испытал общение с "все радостотворящим" Св. Духом, — тому этот грех (хула на Духа Святого) не простится, по слову Господа, "ни в сем веке, ни в будущем".

НАДЕЖДА НА БОГА

С христианской верой тесно связана христианская надежда. Вера есть уверенность в невидимом, надежда — уверенность в желаемом и ожидаемом. Христианская надежда сводится к уверенности, что цель мироздания (высшее благо для человека) — будет непременно достигнута. Если существо христианской веры состоит, главным образом, в том, что она прошедшее представляет как бы настоящим, то существо христианской надежды заключается преимущественно в том, что она будущее представляет как бы настоящим и совершающимся. Христианская надежда не беспочвенна, а, наоборот, имеет исключительно твердое и непоколебимое основание в неложных обетованиях Самого Спасителя.

Истинная христианская надежда есть добродетель, ибо она сопровождается готовностью и решимостью переносить временные страдания и испытания и безропотно нести свой крест, уповая, что все ниспосланное и попущенное Богом — непременно служит нам на благо. Сам Господь предупредил нас, что в блаженное Царство Небесное надлежит войти, через многие временные скорби, которые все впоследствии обратятся в вечные радости. Христианская надежда поэтому всегда сопровождается преданностью воле Божией и уверенностью, что надежда на Бога никогда не посрамит. Надежда сопровождается также терпением. Образец христианского терпения дан христианину в образе многострадального Иова.

Уклонения от истинной христианской надежды, приводящие к грехам против этой добродетели суть: самонадеянность, малодушие, лжеупование, нетерпеливость и отчаяние. Самонадеянность вытекает из гордости и самомнения. Иные люди надеются больше "на князи и на сыны человеческие", нежели на Бога. Ненадеяние на Бога и переложение надежды на себя или на других людей вытекает из предпочтения мира временного вечному Царству Небесному. Малодушие возникает из-за недостатка веры в Промысл Божий в трудных обстоятельствах жизни. Лжеупование есть безрассудная и дерзкая надежда на Бога. Оно может выражаться, например, в безрассудном и легкомысленном отношении к опасностям для жизни, в надежде, что Господь чудесным образом спасет ее. Непременное ожидание чуда в тех случаях, где следует смиренно отложить свое попечение и положиться всецело на волю Божию, также представляет собою пример лжеупования. Полное, легкомысленное бездействие во время нужды и бедности в ожидании Божьей помощи, как и нежелание обращаться к врачу во время болезни в расчете на непременное чудо, — тоже могут являть собою примеры лжеупования. Наиболее же грешным является тот вид лжеупования, когда человек просит и ожидает содействия Божия в делах злых (в мстительности, воровстве, обмане, вымогательстве и т. п.).

Истинная христианская надежда должна избегать как сомнения, так и дерзости: образцом для христианина должно быть упование, протекающее между страхом и надеждой. Нетерпеливость — когда человек возмущается и тяготится посланным ему Богом крестом — есть также грех против добродетели христианской надежды. Отчаяние, как крайний вид уныния, есть смертный грех, наиболее тяжкий грех против христианской надежды. Отчаяние большей частью есть следствие продолжительной порочной жизни в полном отчуждении от Бога и проявляется со всеми своими ужасами особенно в конце жизни человека. Но иногда оно возникает остро и под влиянием одного сильного жизненного удара, обнаруживая крайнее маловерие. От отчаяния тотчас спасает Сам Бог, если только человек возопит к Нему, как утопающий, о спасении с воплем: "Господи, спаси меня от отчаяния". Отчаяние часто, если не всегда, сопровождается общим состоянием души, которое в психологии называется "скорбной психической безчувственностью", а в свято-отеческой литературе именуется "окамененным нечувствием". Если в отчаянии нет чувства надежды, нет силы воли для сердечной молитвы, то следует хотя бы устами только повторять "Господи, спаси, помоги", и Господь, за одну только память о Нем — прострет руку помощи.

ЛЮБОВЬ К БОГУ

Вера и надежда недостаточны для того, чтобы поднять человека на высшую ступень нравственного совершенства. Для достижения последнего необходима высшая

христианская добродетель — любовь.

Любовь к Богу есть пламенное желание и стремление человеческой души соединиться с Богом как носителем высочайшего вечного блага. Начало любви, конечно, заключается в христианской вере — матери всех добродетелей, но если при помощи веры христианин вступает в тайны божественного познания, то посредством любви он вступает в тайны божественной жизни. "Пребывай в любви" — говорит ап. Иоанн Богослов, — "в Бозе пребывает и Бог в нем пребывает" (1Ин.4:16).

Хотя любовь есть наиболее свободное чувство, тем не менее, Господь дал заповедь о любви к Богу и ближним. Это объясняется тем, что еще до заповеди Своей о любви к Нему, Бог Сам возлюбил человека. Возлюбя, Бог ждет от человека взаимности, как неперменного условия возможности высшего и вечного для человека блага. Заповедь о любви есть, таким образом, и заповедь о благе. "Я сотворил тебя любя и заповедую тебе любить Меня, чтобы осуществить для тебя блаженное вечное состояние взаимной любви", — как бы говорит Господь установлением Своей заповеди.

Истинная христианская любовь обладает следующими свойствами или качествами: благоговением и страхом Божиим (т.е. боязнью согрешить и тем самым огорчить любимого), послушанием, самоотвержением ради возлюбленного, благодарностью, почитанием и ревностью о славе Божией. Любя Бога мы не можем не любить людей, во-первых, потому что человек есть образ и подобие Божие, а, во-вторых, потому что любовь к людям заповедана нам Самим Богом и неисполнение Его воли — огорчило бы Его. По словам св. Иоанна Златоуста, самое большое наказание для истинного христианина, наказание, которое сильнее всех мук ада, — увидеть огорченным лик Спасителя. Мы почитаем и славословим Бога хвалебными молитвами, устройством храмов Божих, богослужебными обрядами, соблюдением святых праздников. Лучшим образцом служения Богу является помазание Марией Иисусовых ног драгоценным миром.

Грехи против любви к Богу суть: себялюбие (эгоизм), чрезмерная любовь к творению и тварям за счет понижения или отсутствия любви к Богу, леность и забвение о Боге в процессе забот о нуждах материальной жизни, неблагодарность, ложная ревность по Боге или фанатизм (напр. ужасы инквизиции, т. н. "Варфоломеевская ночь" и т. п.). Величайшим смертным грехом против любви к Богу является, конечно, ненависть к Богу, соединенная с кощунством и богохульством.

БОГОПОЧИТАНИЕ. МОЛИТВА.

Вера, надежда и любовь к Богу, находящаяся в глубине души христианина, не могут не выражаться во вне. Виды внешнего проявления богопочитания и общения с Богом суть: молитва, общественное богослужение, совершение таинств, церковные праздники, посты. Св. Иоанн Златоуст, св. Григорий Нисский и преп. Ефрем Сирин определяли молитву как беседу человеческой души с Богом. В этом собеседовании с Богом человек прославляет Его, благодарит Его, кается перед Ним и высказывает Ему свои просьбы и мольбы.

Молитва есть одна из главнейших священнейших обязанностей человека по отношению к Богу. Господь всегда внимлет всякой молитве. "Близ Господь всем призывающим Его" (Иак.4:8; Пс.144: 18-19). Молитва есть не только средство для приобретения многих добродетелей, но и сама по себе является добродетелью.

Деисты, как и некоторые другие философы (напр. Кант) — считают молитву бесполезным занятием, которое не может повлиять на ход мирового порядка. Но утверждать так — значит отрицать свободу в нравственном миропорядке и сводить его к миропорядку физическому. Впрочем, и в физическом миропорядке возможно чудо, т.е. явление, обусловленное возможностью отмены всемогущим Богом установленного Им чина естества.

Отрицание молитвы пантеистами и атеистами — вполне понятно; если не признается бытие личного Бога, то не к кому и обращаться с молитвой.

В молитве следует опасаться двух крайностей. Некоторые люди считают, что следует молиться лишь вообще, не прося о каких-нибудь конкретных нуждах. Молитва, согласно этому мнению, может быть только одна: "да будет воля Твоя". Другие, наоборот, обращают внимание, главным образом, на частные просьбы, как бы указывая каждый

раз Богу, что именно и как следует сделать в их жизни. Христианину следует держаться среднего пути. Он в праве просить у Бога помощи в нужде (и в молитве Господней есть прошение о насущном хлебе), но не должен при этом забывать полагаться, в конце концов, на волю Божию, которая может и не выполнить нашей просьбы, если это будет полезнее человеку для его души.

Образцом для христианина является молитва Спасителя о Чаше в Гефсиманском саду, в которой Он просит избавления от чаши страданий и целиком полагается на волю Бога-Отца, отмечаясь Своей воли: "обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты...". Апостол Павел трижды молил Господа об избавлении его от "пакостника плоти", но ему было отвечено: "довлеет ти благодать Моя" (2Кор.12:7-9). Для молитвы требуется вера, смирение, сознание своего недостойнства и сокрушение сердца по этому поводу. И тогда — "сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит".

Молитва тесно связана с постом. Неспособный к посту и вообще к аскетическим подвигам — не способен и к истинной молитве. Всякую истинную молитву слышит Бог, всякую молитву исполняет, но не всегда так, как нам хотелось бы. Это происходит потому, что Бог не только лучше нас знает, что нам полезно, но и любит нас больше, чем мы сами себя любим. Если молитва была истинной, т.е. совершенной в таком душевном состоянии, которое угодно Богу и Его не оскорбляет, — то после нее наступает полное успокоение и благодарность Богу за все, что будет после такой молитвы послано. "Слава Богу за все" — говорил св. Иоанн Златоуст. Некоторые подвижники благочестия и молитвы утверждали вообще, что признаком истинной, угодной Богу молитвы является: душевный мир, прилив духовных сил и духовное озарение. Впрочем, как это указывают нам эти же подвижники, иногда Господь, ради воспитания в нас терпения и усиления веры, — не сразу подает указанные выше плоды молитвы, а оставляет душу сухой и холодной на некоторое время. Это не должно смущать христианина, если он помнит о том, что все совершается Богом для нашего блага.

Вспомним притчу о неправедном судье и защите им вдовы по ее неотступной просьбе. Эта притча заканчивается словами: "Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защитить их" (Лк.18:7).

ОБЩЕСТВЕННОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Молитва частная, личная индивидуальная, совершаемая "в клети с затворенной дверью" (Мф.6:6) — есть одна из форм молитвы человека. Но человек есть не только индивидуальная личность, но и член человеческого общества. Как таковой, он должен участвовать в жизни и деятельности других людей и всего общества. Подобно участию в семейной, общественной и государственной жизни, христианин должен участвовать и в жизни Церкви, как ее член. Если семейные, общественные или общегосударственные обязанности человека исполнены различными земными потребностями, то обязанности церковные — преисполнены высшими духовными потребностями общения с Богом и служения Ему. По неложному слову Спасителя, если двое или трое собрались во имя Его — то и Он Сам пребывает с ними. Общественная молитва облегчает индивидуальную, ибо сила молитвы в храме усугубляется помощью Св. Духа, пребывающего в нем, благодаря чему слабость и недостаточность молитвы одного восполняется соборною во Св. Духе молитвою всех. По учению Церкви, во время общественной молитвы в храме к молитвам молящихся присоединяются и молитвы ангелов. В общественном богослужении следует не допускать театральности и преобладания эстетических (особенно музыкально-вокальных) впечатлений над впечатлениями чисто духовными. Главная причина превосходства общественного богослужения над частным заключается в том, что во время общественного богослужения совершаются Таинства. Из них же высочайшее всех есть — св. Евхаристия.

ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ ТАИНСТВ

Таинство Евхаристии есть самое высшее средство для выражения любви к Богу и для соединения с Богом. Оно же является лучшим и чистейшим способом познания любви Божией к человеку. "Ядый Мою плоть и пийй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем

...". Влияние этого величайшего таинства распространяется и на душу и на тело принимающего. Поэтому оно есть вернейший залог воскресения преображенного тела для жизни вечной. "Ядый Мою плоть и пийай Мою кровь иматъ живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день" (Ин.6:54). Чем более тщательно мы готовимся к этому великому и страшному таинству и чем с большим страхом, трепетом и благоговением его принимаем, — тем явственнее, чище и глубже мы ощущаем его духовно-нравственные плоды: подлинный душевный мир, усиление любви к Богу и ближним и обогащение духовных сил для подвигов. Евхаристический дар есть духовное семя, осеменяющее человеческую душу и приносящее плоды, в зависимости от душевной почвы и внимания к себе со стороны христианина. При подготовке к этому таинству самым важным условием является покаяние и сокрушение о грехах, благоговейный страх Божий и твердая вера во Христа, как Бога и Спасителя. "Брачные одежды", которых требует Церковь при приобщении св. Таин, понимаются не только в смысле очищения души, но и тела, и даже одежды. Христианин одевает свои лучшие одежды в этот великий для него праздник. Как часто следует причащаться св. Таин? Это зависит от личного нравственного состояния христианина. Чем чище в нравственном отношении и достойнее, вообще, в духовной жизни человек, — тем он способен чаще причащаться, но и при угрозе уныния от бесплодной борьбы с грехами, при непременном условии великого сокрушения о них, христианин может также начать чаще прибегать к св. Таинству, именно, для получения Божественной помощи в деле "невидимой брани". Вообще же, церковному православному христианину необходимо не реже одного раза в год говеть. Церковь же рекомендует прибегать к таинству св. Евхаристии в каждом посту, т.е. не менее четырех раз в году. В священнослужителям же Церковь предполагает такую высоту нравственной жизни, что заповедует им причащаться каждый воскресный и праздничный день.

Св. Евхаристия обладает такой силой духовной, что даже одно присутствие при ее совершении без телесного к ней приобщения, — приносит огромную нравственную пользу. Достойное приобщение св. Таин может, как мы сказали выше, происходить только при условии веры и очищения грехов. Поэтому приобщению св. Таин предшествует таинство Покаяния, хотя по существу это два различных таинства. И вовремя обычных молитв мы приносим прошения о прощении грехов, но прощение грехов после обыкновенной молитвы не может быть таким полным, какое происходит в таинстве Покаяния, когда человека очищает особая благодать Св. Духа в силу искупительной Жертвы Господа нашего Иисуса Христа. Усиленная молитва, индивидуальная и общественная, благочестивое поведение, милостыня, пост, воздержание от гнева, ссор, осуждения и других страстей, предшествующее исповеди и подготовляющее к ней — называется говением. Для истинного говения важно не количество дней, а качество нравственного поведения христианина. Необходимым условием прощения грехов на исповеди является раскаяние с глубокой скорбью о своих грехах, с твердым желанием впредь не грешить, загладить и искупить прежние грехи и обиды, нанесенные ближним, но одного раскаяния и заглаживания своей вины — недостаточно. Простить грехи может только Господь Иисус Христос, искупивший нас от греха и смерти, а потому необходима вера в Господа, надежда на Него и любовь к Нему. Исповедь должна быть устной и индивидуальной. Общая исповедь может совершаться только в исключительных случаях.

Исповедь есть суд и в то же время, назидание и утешение. Плоды искреннего истинного покаяния — суть успокоение совести, очищение души (духовная баня), изменение духовной настроенности, улучшение нравственной жизни при явной помощи благодати.

ПОЧИТАНИЕ ХРАМА И ПРАЗДНИКОВ

Храм, как место особенного присутствия Божия и особой благодати Божией, как дом молитвы — должен быть предметом особого почитания. При прохождении мимо храма следует обнажать голову и творить крестное знамение. Входить в храм следует со страхом Божиим и благоговением. Как строго относился к непочитателям и осквернителям храма Сам Спаситель — видно из евангельского повествования об изгнании торгующих из храма. Почитая храм, христианин должен почитать и все

находящиеся в храме предметы: крест, евангелие, образа (особенно чудотворные иконы), церковную утварь, мощи святых. Следует также заботиться о благосостоянии и благолепии храма. Праздничные дни должно проводить благоговейно, посещая богослужения и оказывая милостыню. Истинный христианин, "живущий в Церкви", а не только "заходящий в нее", понимающий христианский нравственный закон и живущий по этому закону, не может не почитать храма и не может проводить праздники без посещения богослужений. Самое главное — иметь душевное расположение и нравственную потребность в посещении храма и участия в богослужениях. При посещении же храма следует всегда иметь пред своими духовными очами евангельские образы мытаря и фарисея.

ПОСТ

Строгое соблюдение постов имеет огромное значение для нравственной жизни человека. Как было указано выше, человек, неспособный к посту не способен и к истинной молитве. Конечно, пост должен быть не только внешним, но и внутренним делом. Самое главное назначение поста: воздержание во всем, посильные аскетические подвиги, ограничение интересов чисто земных, житейских и увеличение забот о душе и будущей жизни. Посты установлены нашей Матерью-Церковью и в их исполнении сказывается почитание Церкви и послушание ей. Сам Спаситель постился и дал указание о посте в случае с бесноватыми: ("сей род не исходит токмо молитвою и постом"). Посты обыкновенно предваряют праздники и служат благодатным временем для подготовки к ним.

Чрезмерные посты, ведущие к чрезмерному истощению телесного организма, мешающему и духовной жизни, — церковью не одобряются.

КЛЯТВА

Клятва или присяга есть один из видов исповедания веры в Бога, как Всеведущего Судию. При помощи присяги христианину напоминает о Всеведущем Боге, пред лицом которого предлагается свидетельствовать правду. Призывание имени Божия — очищает, укрепляет и делает более чуткой нашу религиозную совесть.

Некоторые сектанты отвергают присягу на основании слов Господа нашего Иисуса Христа в Нагорной проповеди о запрещении клятвы. Но в Нагорной проповеди, Господь изображает идеал Царства Небесного, мыслимого в его совершенстве. Требуя господства любви и доверия, Спаситель, естественно, требует при этом господства правды и уничтожения клятвы, но, так как наряду с Царством Небесным существует еще и царство человеческое или царство гражданской справедливости, и так как между людьми существует грех, ложь и недоверие, то ради уяснения истины христианин не должен отказываться от клятвы в виде присяги, воздавая "кесарево кесареви, а Божие Богу". На суде у первосвященника Господь отнесся с уважением к клятве: Он сначала молчал, но когда первосвященник сказал: "заклинаю Тебя Богом Живым, да речеши нам" — тогда отвечал. И ап. Павел часто призывал "во свидетели" Бога.

Гнусность ложной клятвы и клятвопреступления состоит в том, что ложно клянущийся посмеивается Истине вообще, Истине в самой себе, и тем самым посмеивается Богу (по выражению проф. Олесницкого). Нарушить клятву, данную с полным сознанием и по свободной воле, — значит совершить самое отвратительное вероломство не только по отношению к людям, но и по отношению к своей совести и к Богу.

ОБЕТЫ

Обеты могут быть в широком и тесном специальном смысле. К обетам в широком смысле относятся обеты при крещении, обеты при вступлении в брак, при занятии должности. Благотворность этих обетов заключается в том, что давший их сугубо чувствует себя нравственно-обязанным исполнить данное обещание. К обетам же в тесном смысле относятся данные пред Богом обеты в затруднительных случаях жизни или тяжких обстоятельствах, обещания совершить какое-нибудь действие, направленное к чести Божией и к преуспеянию нашего душевного спасения, сверх обычных наших

действий. Обеты христианские ни в коем случае не могут быть поняты, как плата Богу за оказанное Им благодеяние. Обет должен быть жертвой благодарности Богу за благодеяния, с целью укрепления себя в навыке добродетели. Искрение и свободно данные обеты очищают нашу совесть и стяжают помощь Божию для благих наших намерений. Важнейшим и серьезнейшим обетом является обет монашества и часто соединенного с ним подвижничества (пустынничества, затворничества, столпничества, молчаливничества, юродства, и т.п.). Все это разнообразные пути, на которые вступают избранники Божьи для выражения одного и того же, а именно — безпредельной любви своей к Богу и готовности пожертвовать ради Бога всем земным.

Всякий обет должно давать чрезвычайно осмотрительно, осторожно, вдумчиво, искренне, с несомненным и неуклонным желанием его выполнить, и со смиренной просьбой о помощи в деле его осуществления.

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ХРИСТИАНИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К САМОМУ СЕБЕ

После первой, главной заповеди о любви к Богу, нам дана и вторая, "подобная ей" — о любви к ближним, но при этом сказано, что любить ближнего следует "как самого себя". Отсюда следует заключить, что основываясь на любви к Богу, любовь к ближним должна пройти через истинную любовь к самому себе, чтобы быть живою и деятельною. Кто истинно, правильно и законно уважает и любит себя, тот будет правильно и истинно любить и уважать ближних. Кто чувствует потребность снисхождения и прощения самому себе, тот будет снисходительней к ближним. Он будет исполнять слово Господне: "вся елико аще хотите да творят вам человецы, тако и вы творите им". Поэтому рассмотрим сначала нравственные обязанности христианина по отношению к самому себе.

Обязанности христианина к самому себе подразделяются на общие и частные. К общим обязанностям относится прежде всего обязанность самопознания. Вопрос о самопознании сводится к трем вопросам:

- 1) Что я такое?
- 2) Чем я должен быть?
- 3) Чем я действительно сделался?

Для самопознания необходимо самоиспытание. Самоиспытание есть рассматривание христианином в свете Божественного закона своей внутренней жизни и внешнего поведения, с целью познания слабостей и недостатков своих, с намерением устранить их. Христианин должен испытывать себя каждодневно. Лучшее время для этого — время перед отходом ко сну. Самоиспытанию содействует уединение. Чтобы не впасть в самообольщение при самоиспытании, необходимо прислушиваться к суждению о нас других людей, опытных и расположенных к нам друзей и нерасположенных к нам врагов. Самопознанию препятствуют: гордость, самолюбие, тщеславие, умственная лень и безпечность.

Самопознание ведет к самоуважению, которое основано на высоком положении человека в мире вообще. Премудрый Сирах говорит: "Даждь душе своей честь по достоинству ея". Самоуважение только тогда будет правильным, когда соединится со смирением и пониманием бесконечного превосходства Творца над творениями. Истинное самоуважение несовместимо с самохвалством, с намерением выставять перед людьми свое достоинство и хвалиться им. К самоуважению присоединяются и любовь к себе и разумное стремление к бережному возвышению своей жизни и своего духовного достоинства, как образа и подобия Божия.

ЧАСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ХРИСТИАНИНА ПО ОТНОШЕНИЮ К САМОМУ СЕБЕ. ВОСПИТАНИЕ УМА, ЧУВСТВА И ВОЛИ.

Так как душа важнее тела, то и заботы христианина должны быть направлены больше на душу, т.е. на воспитание ума, чувства и воли. Для образования и дисциплинирования ума служит наука. Христианское отношение к науке положительно до тех пор, пока наука честна, правдива и знает границы своей компетентности. Истинная наука прекрасно понимает значение и ценность веры для знания. Христианство же прекрасно

понимает значение и ценность знания для веры.

Апостол Павел писал Коринфянам: "не дети бывайте умы: но злобою младенствуйте, умы же совершени бывайте" (1Кор.14:20).

Необходимо отметить, что только на почве христианства стало возможным успешное и полное развитие истинного познания и истинной науки.

По словам апостола "Во Христе сокрыты все сокровища премудрости и ведения". Поэтому, для того, кто примет Христа всем сердцем и всем помышлением своим, для того открывается новый мир познания и становится возможным понимание смысла, значения и цели мира, мировой истории и человеческой жизни. Без Христа истинное знание о мире и душе невозможно. Предмет познания и науки: Бог, человек со своей историей и физическая природа. Без знания о Боге — невозможно истинное знание о мире и человеке. Христианину, желающему развить, дисциплинировать и обогатить свой ум при помощи наук, необходимы следующие условия:

- 1) Любовь к истине,
- 2) трудолюбие,
- 3) скромность.

Для воспитания воли необходимо: самоиспытание, бдительность, самообуздание или самодисциплинирование и самоупражнение. Но все это возможно только при условии смирения, ненадеяния на одного себя, памятования слов Спасителя — "Без Мене не можете творити ничесоже" (Ин.15:5) — и постоянной молитвы о помощи. Если и ученым человек не может сделаться сразу, а лишь постепенно, то тем более высоконравственным или святым. Пока человек упражнениями (с Божьей помощью) не изменит своей природы, до тех пор он должен стараться изменять свое внешнее положение и свои обстоятельства, располагая их так, чтобы они служили ему не на соблазн и падение, а для нравственного роста, "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не сиде" (Пс.1:1). Очень важно избегать дурного сообщества и искать хорошего. Сообщество делают нам не только люди, но и книги. Особенное внимание христианин должен обращать на то, чтобы его поступки не совершались под влиянием страстного возбуждения. Лучшим средством для сохранения себя от поспешных страстных реакций является сосредоточение внимания внутри и чтение про себя какой-нибудь хотя бы краткой молитвы.

ВОСПИТАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ЧУВСТВА

Воспитание эстетического чувства или вкуса к прекрасному совершается и при помощи изящных искусств (поэзии, музыки, пения, живописи, архитектуры и др.) и при созерцании красот природы.

Изящное или прекрасное есть вполне соответствующее и гармоническое выражение в чувственной форме какой-либо идеи или мысли. Делая наглядными идеи, прекрасная форма привлекает и располагает нас к ним. Даже не зависимо от содержания, прекрасное благотворно действует на душу своей гармонией, умиротворяя страсти и отвлекая от грубости и пошлости. Сам Господь Иисус Христос относился весьма сочувственно к красоте природы и любил природу. Пока человек, существо по преимуществу духовное, облечен в плоть, — он невольно ищет воплощения духовного в чувственных формах и притом формах совершенных, т.е. прекрасных.

Дохристианское искусство достигло только совершенства внешних форм, тогда как христианское искусство внесло в эти совершенные формы — совершенные идеи.

Истинное христианское искусство должно непременно обладать следующими свойствами: целомудрием или чистотой и истинностью. В противном случае оно не будет возвышать и умиротворять душу, а будет соблазнять и возбуждать страсти. Чтобы искусство было чистым и целомудренным, оно должно находиться под господством нравственной духовной идеи. Иными словами, эстетически — прекрасное должно находиться под контролем нравственно-прекрасного. А так как истинная нравственность не мыслима без религиозной основы, то и эстетика, подобно этике, должна быть теонимной.

ПОПЕЧЕНИЕ ХРИСТИАНИНА О ТЕЛЕ

Забываясь, главным образом, о душе, христианин не должен оставлять попечения и о своем теле. (Франциск Ассизский называл свое тело: "брат мой осел"). Душа на земле может жить только в теле и эта телесная временная жизнь приуготовляет христианина к жизни вечной. Следовательно, он обязан заботиться о жизни и здоровье тела.

Ап. Павел называет тело "храминой" и "сосудом" души. Высокое значение телу придает Церковь, называя его "членом тела Христова", "храмом Св. Духа", и утверждая, что оно некогда воскреснет для вечной жизни с душой и прославится по подобию прославленного тела Христова. Отсюда вытекает высокая обязанность блюсти нравственную чистоту тела. Прежде всего следует хранить тело от всего вредного и сокращающего жизнь. Самоубийство есть великий смертный грех, непростимый, ибо нераскаянный. Иногда, впрочем, самоубийство является следствием длительного процессуального или кратковременного реактивного душевного заболевания, т.е. такого состояния, когда человек, будучи невменяемым, не является ответственным за свои поступки (см. условия вменяемости, указанные выше).

Иногда человек совершает не прямое или ненамеренное медленное самоубийство или сокращение своей жизни, вследствие несоблюдения правил необходимой гигиены или вследствие невоздержания и порочности.

Грешит против обязанностей самосохранения и тот, кто участвует в дуэли. В случае нападения на нашу жизнь мы обязаны защищаться, но при этом основная цель самозащиты заключается в том, чтобы только обезвредить противника.

Христианин должен заботиться и о предотвращении и о лечении болезней, прибегая, в случае надобности, к помощи врача. "Почитай врача" (Сир.38:1).

Но обязанность самосохранения — не неограничена. Так как телесная жизнь не есть самое высшее благо, то в иных случаях необходимо и жизнью жертвовать для достижения высших целей и высших благ.

Богатство и бедность сами по себе не делают человека добрым или злым. Поэтому и святые Христианской Церкви были и богатые и бедные. Однако, как богатство, так и нищета имеют свои соблазны и опасности. Не даром, по словам Спасителя, "трудно богатому войти в Царство Небесное". И крайняя нищета часто трудно переносится со смирением, чистотой, честностью и благочестием. Поэтому и в Притчах Соломона говорится: "Нищеты и богатства не дай мне".

Христианин должен быть бережлив, памятуя пример Спасителя, сказавшего апостолам после насыщения хлебами народа: "соберите избытки укрох, да не погибнет ничтоже" (Ин.6:12).

Законная прибыль при торговле и умножение имущества оправданы в притче о талантах. Но всякое ростовщичество — глубоко безнравственно.

ОТНОШЕНИЕ ХРИСТИАНИНА К СВОЕМУ ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Каждый человек должен избрать себе какую-нибудь профессию, занятие или службу в обществе. Должностью своей каждый из нас не только служит обществу, но и воспитывает свою собственную личность. Если человек не имеет никаких обязанностей или занятий, то он будет себе наносить духовный вред (праздность есть грех).

Выбор должности или профессии зависит частью от интересов, способностей и талантов человека, а частью — от обстоятельств его жизни, в которых христианин должен усматривать пути Божиего Промысла.

Одному дается пять талантов, другому — два, иному — один. Один рождается в богатстве, другой в бедности; один получает малое, а другой обширное образование и т. д.

Но на каком бы, даже самом малом неинтересном поприще ни подвизался человек, — он должен исполнять свою службу верно, честно, с усердием, с сознанием долга, со смирением и терпением, памятуя, что всякому человеку надлежит в поте труда добывать хлеб. Эта заповедь относится не только к землепашцам или ремесленникам, но и к другим профессиям.

Каждый человек должен разумно заботиться о своей чести. Честью называется признание другими людьми или обществом моего личного достоинства. В Св. Писании

честь признается благом. Доброе имя ценится выше золота и серебра.

Честь есть важное условие успеха нашей деятельности в обществе. Кто не пользуется уважением и честью в обществе, тот не может благотворно действовать в нем. Но христианин должен опасаться греха честолюбия и тщеславия, т.е. чтобы не дорожить честью у людей больше, чем честью у Бога и своей совестью. Христианин должен быть готов принести Богу в жертву и свою честь, если это понадобится и вообще терпеливо сносить незаслуженное поправление чести, если этому подвергнется ради Христа, Высокий пример этому дал Сам Спаситель. Утешением нам должны быть слова. Господни: "Блажени изгнаны правды ради" и "блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради" (Мф.5:10-11).

ПЕРЕНОСЕНИЕ СКОРБЕЙ

Сам Спаситель скорбел и говорил, что скорби неизбежны. Святые Отцы Церкви (особенно Иоанн Златоуст) утверждали, что скорби благодатны. Христианство вообще есть религия, гонимой временно, но торжествующей в вечности — Правды Христовой. Константин Леонтьев назвал Христианство оптимистическим пессимизмом. Иными словами — скорби неизбежны, но они временны, благодатны и непременно сменяются радостью. "В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир" (Ин.16:38). "Вы печальны будете, но печаль ваша в радость будет" (Ин.16:20).

Христианин при скорбях непременно должен ясно понять:

- 1) что все посылается от Бога (в том числе и скорби),
- 2) что все посылается нам для блага (и скорби тоже),
- 3) что скорби — временны,
- 4) что человек создан для блаженства, а потому и скорби непременно превратятся в радость, которую уже никто не отнимет от нас. "Блаженны плачущие, ибо они утешатся". Скорее мать забудет свое дитя, чем Господь забудет отереть каждую слезинку. Следовательно, какая бы огромная скорбь ни была у христианина, он не может и не должен отчаиваться. Скорби христианина — всегда просветленные скорби. (Св. Златоуст говорил: "Слава Богу за все, а особенно за скорби").

В последние времена, по словам Спасителя умножатся беззакония и по этой причине во многих охладает любовь. От оскудения же любви — умножатся и скорби. Грех и беззаконие — корень страданий; поэтому-то от увеличения беззакония и греха умножатся и скорби. Отсюда вытекает, что для уничтожения скорбей самая главная борьба должна быть с грехом и беззаконием. Каждый человек может и должен принять участие в этой борьбе, борясь с грехом в самом себе. Но где увеличивается грех, там преизобилует и благодать (помощь Божия). Благодатность скорбей заключается в том, что они часто приводят человека к Богу. Когда нет никакой надежды в плоскости житейской, — тогда невольно очи и сердца поднимаются ввысь. "Чем ночь темней, тем ярче звезды, чем больше скорбь, тем ближе Бог" (Майков).

Горячий, искренний, молитвенный вопль о помощи при нестерпимой скорби — всегда, тотчас и непременно бывает услышан и Господь простирает руку Своей помощи, как утопающему апостолу Петру: скорбь утешается и просветляется.

Скорби посылаются христианину:

- 1) или вследствие греха, для того, чтобы образумить и отвратить от него;
- 2) или для испытания и укрепления: смирения, терпения, надежды и веры (всегда для нашего блага);
- 3) или как высшая награда (мученический венец).

Всякая скорбь имеет глубокий смысл, но он не всегда и не сразу бывает ясен. Если скорби и страдания переносятся со смирением и терпением, то смысл их непременно рано или поздно уясняется.

Чем облегчаются у христианина скорби?

- 1) Сердечной памятью о скорбях и страданиях Самого Спасителя, на кресте за нас распятого. В свете Его страстей — бледнеют все скорби человеческие (если только живо, с верой и любовью ко Христу их вспомнить). От степени веры в Бога и степени любви к Нему — зависит степень облегчения скорби у христианина. Отсутствие же веры, а потому и любви ко Господу — усиливает скорбь (даже до отчаяния). По словам св. Иоанна Златоуста, — самая великая скорбь на земле у христианина бывает от

разлуки с родными, любимыми, близкими людьми. Смерть — есть частный, но наиболее тяжкий вид разлуки. А преподобный Серафим, утешая, утверждал: "Счастье христианина заключается в том, что он не умирает, а только засыпает, и поэтому, смерть для христианина — есть только разлука". И потому, с православно-христианской точки зрения, умершего человека правильнее всего следует называть усопшим.

2) Кроме "памятования о Страстях Господних", скорби у христианина просветляются и облегчаются еще в зависимости от чистоты совести. По этому поводу прекрасно сказано у Пушкина ("Борис Годунов"): "В годину бедствий, что может успокоить? Едина разве совесть...". Почему же чистая совесть может помочь вовремя скорби? Потому что чистая совесть усиливает веру, дает особое "право на дерзновенную просьбу-молитву" и делает человека более чутким к страданиям Спасителя. Скорбь по поводу объективных жизненных причин — надо стараться превратить в скорбь о грехах наших. При скорбях о смерти близких — духовно бывает полезно вспомнить свои грехи перед ними. Сначала от этого скорбь увеличится, но затем вскоре просветится и облегчится.

3) Кроме "памяти о страстях Господних" и "покаяния и очищения совести", скорби облегчаются и просветляются еще и облегчением чужих скорбей, или милостыней. "Восприми чужую скорбь, как свою — и утетишь скорбящего, а утетив скорбящего — утетишься и сам".

Молитвы во время скорбей следует возносить прежде всего к "Надежде ненадежных", ко "Всех скорбящих радости", к Той, которая Сама больше всех людей страдала, к "Споручнице грешных", к "Нечаянной радости" — к Пречистой Матери Божьей, Богородице, Деве Марии. Затем — к Ангелу Хранителю, и, наконец, дерзновенно к Самому Царю Небесному, Утешителю, Св. Духу, который, по словам преп. Серафима — "радостворит все, к чему прикасается".

Малые скорби часто "ходят грядками" (по народному выражению). "Пришла беда растворят ворота" — гласит и русская пословица. В таких случаях следует видеть особую милость Господню: вместо одной большой скорби — посылаются много малых ("миллион разменивается на гривенники") — по удачному народному выражению).

ОБЩИЕ ОБЯЗАННОСТИ ХРИСТИАНИНА К БЛИЖНИМ

Исполняя заповедь Божию: "Возлюби искренняго твоего яко сам себе" — мы должны любить и уважать ближних, приближаясь к тому, чтобы любить их как самого себя, а идеалом любви своей ставить любовь наивысшую: положить душу свою за других.

Уважение и любовь к ближним основывается на общечеловеческом достоинстве человека и на его личных качествах. Общечеловеческое достоинство заключается в том, что каждый человек есть образ и подобие Божие, за которого пролита кровь Спасителя и который призван к единению с Богом в жизни вечной. Личное же достоинство человека определяется его нравственными заслугами. За каждую заслугу мы должны сугубо уважать ближнего, видя в ней не столько его личное дело, сколько явно помогающую ему благодать Божию.

Уважению противоположно неуважение и презрение. Презирать мы не должны никого, даже самого порочного человека. Мы должны лишь отвращаться от него, но опять-таки, должны отвращаться не от личности человека, а от живущего в нем порока. Не следует забывать, что в каждом, даже самом порочном человеке, непременно остается "искра Божья", — что-то доброе. Порочного человека мы должны, любя его как брата, не презирать, а осторожно обличать, с целью исправления. Для правильного отношения к порокам ближнего следует всегда помнить о душе его, предназначенной Богом к жизни вечной. Все виды и действия любви к ближним можно выразить в справедливости и милосердии. Отсюда вытекает необходимость быть к ближним: правдивым, искренним, откровенным, благодарным, утешать их в скорбях и болезнях, помогать им в их нуждах, быть к ним терпеливым, снисходительным (разумно), прощать им их прегрешения пред нами. Кроме этого мы должны всячески стараться примирять людей между собой ("Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся").

Мы должны служить ближним безкорыстным сообщением им своих знаний. Мы должны вразумлять безчинных, утешать малодушных, заступаться за немощных, обиженных и оскорбленных, но все это совершать осторожно, не проявляя "ревности не по разуму".

Одним из самых тяжких грехов против жизни ближнего является убийство. При этом надо иметь в виду, что можно убивать здоровье и даже жизнь ближнего и непрямым путем.

Преступления против имущества ближних называется воровством и грабежом. Но надо не забывать, что грабителем и вором может быть назван и тот, кто непрямым образом совершает эти грехи, например, взимая лишнюю плату, или недоплачивая должное, или не возвращая взятого займообразно.

Грехом против чести ближнего является осуждение ближних и клевета на них.

ОБЯЗАННОСТИ К БЛИЖНИМ, КАК ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА

а) Обязанности в обществе церковном.

Особенные нравственные обязанности налагаются на пастырей. Пастыри обязаны проповедовать Слово Божие и совершать для паствы богослужения. Но этим не исчерпываются их обязанности. Пастырь обязан пасти вверенное ему стадо и вне храма: наставлять неверующих, заблуждающихся и сомневающих, ободрять унывающих и больных, утешать скорбящих, мирить враждующих и т. п. Идеал пастыря — быть "всем для всех". Пасомые в ответ должны быть почтительны и благодарны пастырю, должны любить его и слушаться его разумных указаний. Обязанности же пасомых друг к другу определяются словами ап. Павла: "да делаим благо ко всем, паче же к присным в вере".

Православная Церковь вступает в общение и с умершими вообще и, особенно, со святыми. И православный христианин обязан чтить святых, молиться им; за умерших же вообще молиться об упокоении их душ. Скорбь и слезы об умерших вполне законны, но у христианина эта скорбь (как это было указано выше) должна просветляться упованием на свидание в ином мире. Мы должны скорбеть не как "неимущи упования". Похороны в землю — вполне оправданы ("земля еси и в землю отъидеши"). Сжиганию же трупов (кремации) христианин должен противиться. По отношению к инославным христианам мы должны быть веротерпимы, но при всяком удобном случае обязаны принять участие и в миссионерском деле.

б) Обязанности в области семейной жизни.

Семья есть первая социальная клеточка социального организма человечества. Семья есть школа основ нравственной жизни человека. В семье впервые человек ознакомляется с нравственными обязанностями. Нравственное благосостояние семьи — определяет основу благосостояния общества и государства. Разрушение семьи — начало разрушения: государства. Семья основывается браком. Брак есть Таинство, совершаемое и действующее при условии нелицемерной любви супругов, вступающих в союз, целью которого является духовно-душевно-телесное вспомоществование, и имеющий следствием или плодом своим рождение и воспитание детей.

Истинный брак возможен только при единоженстве (моногамии).

Брак по идее своей должен быть нерасторжимым. В исключительных случаях может быть расторгнут только Церковью. Брак вводит человека в безчисленное множество нравственных задач и обязанностей и представляет собою школу воспитания нравственной личности человека.

Истинное и непорочное безбрачие — есть дар Божий. Особый глубокий смысл безбрачие приобретает при монашестве, когда человек решается на безбрачие ради безраздельного служения Богу. Ап. Павел называет брак "великой тайной"; унижающих его достоинство называет "лжецами" и "духами обольстителями". Но в то же время безбрачие, ради Господа и Царства Небесного, он ставит выше брака.

Нормальный брак должен сочетать мотивы влечения чувства и разума. Одно влечение или один разум — не могут дать правильного основания брака. Брак ненормален, если имеется слишком большая разница в возрасте (напр., если глубокий старик женится на молодой девушке). Почти никогда не может быть гармонии и духовного единства в браке, если между брачующимися существует слишком большая разница по воспитанию (или образованию). Браки различных христианских вероисповеданий допускаются с канонической точки зрения, но чрезвычайно желательно, чтобы неправославные — принимали бы Православие. Запрещаются браки близких родственников.

Нормальный брак возможен только при условии благословения родителей, так как "благословение отча утверждает дамы чад" (Сир. 3:9). Но родители имеют право только

соизволяющее (т.е. согласия или запрещения), но не избирающее: выбор должен быть сделан брачующимися. Вступать в брак по приказанию — безнравственно.

Назначение вступивших в брак состоит в том, чтобы взаимно содействовать нравственному преуспеянию, носить тяготы друг друга, а затем воспитывать детей, если Бог благословит ими.

Предотвращение беременности — есть блуд. Прерывание беременности (аборт) есть детоубийство. Измена супружеской верности есть грех предательства и прелюбодеяния, уничтожающее брак, как Таинство. Прелюбодеи же, по слову Господню, "Царствия Божия не наследят" (1Кор.6:9).

Супруги должны все дружески, полюбовно делить между собою. Они должны быть откровенны в отношении друг к другу. Недостаток откровенности свидетельствует о недостатке любви. Супруги должны заботиться о нравственном совершенствовании друг друга. Но прежде всего каждый из них должен заботиться об устранении собственных своих недостатков.

Муж должен быть главой жены и всей семьи. Еще великий философ древности Аристотель заметил, что семья должна быть монархией, а не республикой. Муж должен оберегать, защищать и щадить жену, как "неможный сосуд", по выражению Ап. Павла. Жена же, особенно будучи матерью, должна быть душой семьи. Муж извне оберегает семью и доставляет средства. Жена внутри благоустраивает дом. Религиозно-нравственное воспитание — по преимуществу дело женщины. Воспитывая любовь младенцев к Церкви — женщина оказывает неоценимую пользу обществу и государству. При воспитании детей должна быть гармония дисциплины и свободы. Рабское (когда преобладает дисциплина) и либеральное (когда преобладает свобода) воспитание — одинаково, с христианской точки зрения, неправильно. В основе всех семейных отношений должна лежать христианская любовь. Обязанности детей к родителям сводятся к почтению, послушанию и благодарности. "Чти отца твоего и мать твою". "Иже злословит отца своего, или мать свою, смертию да умрет". Почтительность обязательна для детей и в том случае, если родители обнаруживают какие-либо слабости или даже пороки. В противном случае непочтительные дети уподобляются Хаму. Родители, в свою очередь, не должны раздражать своих детей.

в) Обязанности христианина в области государственной жизни. Государство и нравственность

Большое количество семей и несемейных людей, объединенных общностью происхождения и языка — называется народом. Народ или народы, объединенные общей политической и юридической организацией — представляют собою государство. Государство есть социальный организм, состоящий преимущественно из социальных клеточек-семей. Во главе государства стоит Государь или иное Правительство. Государство может быть и многонародным.

Если законы и учреждения государства находятся в согласии с принципами христианства, то такое государство называется христианским. Нормальное Государство должно быть основано на праве и справедливости. Без нравственности или морали — не может быть прочного государства. Только нравственный закон может обеспечить повиновение государственным законам "не за страх, а за совесть".

В свою очередь, нормальное государство, силой своего права и законов, дает оплот нравственной жизни народа. Нормальное правовое государство охраняет мораль и религию народа. (Истинная мораль, как мы знаем, может быть только на религиозных основах).

Различные слои населения, классы, сословия или иные социальные группы, в нормальном государстве должны быть в органической связи, служа и помогая друг другу. Св. Писание ясно учит о происхождении государственной власти не снизу (от воли народа), а сверху, от Бога.

О СУЩНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО РУССКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Если каждая человеческая душа по природе своей христианка, то русская душа, по природе своей — православная христианка.

Быть истинно русским, значит быть православным. А быть православным, значит и идею власти разрешать с церковно-православной точки зрения, т.е. истинною властью

считать только власть Богоответственную, а всю социальную проблему — проблемой религиозной.

Православный русский человек никогда не должен забывать прямых и ясных слов Св. Писания: "Бога бойтесь, царя чтите" (1Петр. 2:17).

Верная национально-историческим своим основам, Православная Русская Церковь, никого не насилует, только проповедует, обращаясь к свободной воле каждого православного русского человека, — идею православного русского самодержавия, как наилучший из возможных на несовершенной земле и исторически оправданный для России вид Богоответственной власти с помазанником Божиим — Царем.

Горячо проповедуя эту идею, Православная Церковь никогда не позволит себе, повторяем, никакого насилия над свободной волей русского народа, ибо это было бы противно самому духу и сущности Христовой Правды. Насилие над волей народа употребляют только враги его.

Существовать Православная Церковь может и будет при любой власти, даже при власти самого антихриста, борясь с ним исповедничеством и мученичеством, уходя, по мере надобности, в катакомбы, твердо памятуя обетование Спасителя, что Его Церковь не сможет одолеть все силы ада. Но тосковать о Православном Русском Самодержавии и неустанно проповедовать его Православная Церковь будет до последнего дня мировой истории, ибо подлинное "благоденственное и мирное житие во всяком благочестии и чистоте" — считает возможным осуществить в России, только при этой форме наиболее Богоответственной государственной власти.

Из трех видов государственной власти — монархии, демократии и деспотии — собственно говоря, только первая основана на религиозно-этическом принципе; вторая основана на безрелигиозно-этическом, а третья — на антирелигиозном (сатанинском) принципе.

Для истинно-православного русского человека, правильно понимающего иерархию ценностей и стремящегося все в жизни рассматривать с высшей религиозной точки зрения, никакого сомнения в выборе принципа государственной власти нет. Ни один православный русский человек, знакомый с элементами православной аскетики, не сомневается в том, что никогда нельзя надеяться только на себя и строить жизнь на началах только своей воли. Наоборот, всегда памятуя молитву Господню, необходимо молиться Господу: "Да будет воля Твоя".

То, что истинно для каждого отдельного человека, истинно и для целого народа, особенно в деле установления принципа государственной власти. "Воля народа", столь восторженно воспетая демократией, с религиозной точки зрения никак не может быть принята за первоверховную ценность и за высшую инстанцию в разрешении вопроса об "истинном благе народа". "Воля народа" как высшая инстанция бессмысленна и представляет собою коллективное самовластие, если она не обращена к абсолютным ценностям. "Воля народа", как и воля отдельного человека, должна быть свободна, но свобода эта должна быть ограждена от соблазна "свободы насилия", когда ложно понятый принцип неогражденной, неограниченной свободы превращается в свою противоположность (см. признания Шигалева в "Бесах" Достоевского). Бог предоставил человеку (и человеческому обществу-народу) лишь свободу выбора между добром и злом (между Своей волей и своеволием человека), но не предоставил абсолютной свободы действий по отношению к Себе и Своим законам. Таким образом, Он не допустил возможности уничтожения Божественной Любви, Добра, Красоты, и религиозно понимаемой Свободы. "Воля народа" может выбирать между двумя принципами устройства своей государственной жизни:

- 1) "Да будет воля Твоя, Господи", и
- 2) Да будет воля моя, вне зависимости от воли Господней".

По отношению к государственной власти воля Господня известна: во главе народа должен быть Царь — Помазанник Божий, который в своей деятельности руководится не "волей народа", а волей Бога. При Православном Русском Самодержавии народ избирает Царя, которого Церковь затем помазует на царство. Этому Царю-Помазаннику Божию, народ, желающий жить по Божьему, (т.е. по правде), добровольно, по свободной воле, вверяет всю полноту государственной власти. Царь-Помазанник после этого руководствуется уже не волей народа (демократическим принципом), а волей Божьей и своей совестью, как голосом воли Божьей.

Православный русский Царь-Помазанник вовсе не является неограниченным и безответственным владыкой, подобно восточным деспотам и вождям тоталитарных государств. Нет, он чрезвычайно ответственен перед Богом. Достаточно вспомнить замечательные Молитвы, которые читают Царь и народ при совершении Священного Коронования Миропомазанника Государя, чтобы понять глубочайший религиозно-нравственно-политический смысл Православного Русского Самодержавия.

"Буди сердце мое в руку Твою" — молится сам Государь, — "аще вся устроити к пользе врученных мне людей и к славе Твоей, яко да и в день Суда Твоего непостыдно воздам Тебе слово..." Сердце свое Царь отдает в руки Божьи, а потому и пользу вверенного ему народа он понимает лишь в соединении со славой Господней. За народ свой Царь-Помазанник обещает ответить на Страшном Суде. Народ же в это время устами Первосвященника Православной Церкви, помазующей Царя, молится: "Умудри и настави его непоползновенно проходить великое сие к Тебе служение: даруй ему разум и премудрость". Народ понимает возложенное Богом бремя царской власти, как "великое служение Богу".

Царь и народ, как бы "венчающиеся" в этом многозначительном чине Церковью на своеобразный "брак", с мужским главенством и ответственностью Царя и с женственной жертвенностью, чистотой и страхом народа, — взаимно дают обеты верности и, молясь смиренно о помощи Свыше, соглашаются добровольно перед лицом Божиим "нести тяготы друг друга". После этого "брака" Царь и народ становятся одним государственным телом, взаимоответственным перед Богом. Совершенно ясно, что Церковь, "венчающая" Царя с народом, никак не может быть "отделена" от государства. Ибо Царь-Помазанник Божий, помазующая его на царство Церковь и "обвенчанный" с Царем Народ, — представляют собою нераздельное триединство православно-самодержавно-народного строя Российского государства. Отсюда совершенно понятна становится истина слов священной формулы-догмата о национально-исторической сущности России: "Православие, Самодержавие, Народность". Отсюда совершенно понятным становится и исконный исторический священный лозунг России в ее подвижнической борьбе с врагами внешними и внутренними: "За Веру, Царя и Отечество".

Не бунтом (каким является всякая революция по отношению к Царю-Помазаннику), а молитвой должен отвечать народ за грехи своих Царей. Мудрый солнечный Пушкин, истинный сын России, об этом сказал просто и ясно святыми устами своего Пимена-Летописца:

"Своих Царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют".

Многих, даже приемлющих идею монархии, смущает вопрос о наследственной форме власти. Только с безрелигиозно-этической точки зрения может казаться более справедливым и, главное, страхующим (по человечески), от злоупотреблений принципом избрания главы государства на определенный срок. Но с религиозной точки зрения становится все ясным. Да, при наследственной монархической власти могут быть разные Цари: святые и грешные, и умные и простецы, и сильные и слабые. Но после помазания (которое совершается над каждым новым членом династии отдельно) они все получают особую помощь от Бога, Который может превратить грешного в святого, слабого в сильного, простеца в мудреца. Сама жизнь Царя всецело находится в руках Божиих. Но самое главное, о чем никогда не следует забывать, это провиденциальность ниспослания народу в разные моменты его исторической жизни — разных Царей. Народ, при династическом наследовании Монарха, получает от Бога такого Царя, какого он заслуживает.

ЧАСТНЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ПОДДАННЫХ ГОСУДАРСТВА

Функции государственной власти заключаются в соблюдении порядка внутри Государства и в оберегании государства во вне, со стороны других государств. Первая функция распадается на две: 1) Законодательство в 2) Управление на основании установленных законов. Вторая функция сводится к дипломатической и военной защите

государства от внешних врагов. Идею карательного закона внутри государства (или так называемого уголовного права) можно понимать различно. Одни думают, что главная цель — исправление преступников; другие видят главную цель — в устрашении; а иные полагают, что эта цель заключается в возмездии. Все три соображения могут быть приняты, но с разъяснениями. Законы должны быть справедливыми и строгими. Исполнение законов должно быть честным и общеобязательным (т.е. должно исполняться правило: равенство всех перед законом). Этим будет обеспечено некоторое устрашение (боязнь наказания за преступления), которое полезно для общегосударственной жизни. Излишняя строгость, а, тем более, связанная с несправедливостью, — может привести к резко-отрицательным результатам, глубоко вредным для жизни государства. Социальная профилактика преступлений (создание условий, предотвращающих преступления) и меры к возможному исправлению преступников, (а не только наказанию их) — также необходимы для государства. И, наконец, система справедливых и нелицеприятных возмездий — должна сугубо внимательно проводиться государственной властью. Последнее имеет основание и в Св. Писании. Высшее наказание есть смертная казнь. Она оправдывается следующими местами Св. Писания: "Проливаяй кровь человеку, в ее место его пролиется" (Быт.9:6). "Не без ума меч носит: Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему" (Рим.13:4). "Все приемшии нож, ножом погибнут" (Мф.26:52). "Аще кто оружием убьет, подобает ему оружием убиену быти" (Апок.13:10). "Аще неправдуя им достойно смерти сотвориш что", — говорил Ал. Павел перед судом, — "не отめшуся умерети" (Деян.25:11). Отрицающие законность смертной казни исходят из ложных соображений, что человек, не имеющий власти над жизнью подобных себе, не может казнить, и, что цель наказания — есть исправление. Но в христианском правовом государстве наказывает не человек, а Бог, т.е. начальство от имени Божия, осуществляя возмездие в тех случаях, где исправления ожидать невозможно или поздно.

Война есть величайшее народное бедствие. Но принципиальное отрицание войны — может быть несоизмеримо большим бедствием. Перед угрозой развращения душ — убийство тела может быть оправдано. Проблема войны и ее оправдания с христианской точки зрения упирается в правильное толкование Евангельского положения: "Не противься злему". Толстовская ересь непротивленчества не может быть принята Православной Церковью.

Человек может быть поставлен в такое положение, когда он вынужден совершить один из двух актов, которые оба представляют собою грех и зло. В таком случае он должен совершить наименьшее из зол. Убивать врага, хотя бы и на войне, есть грех. Но предоставить врагу беспрепятственно убивать, насиловать, порабощать и мучить беззащитных и неповинных — есть грех еще более тяжкий. Печальная необходимость заставляет из двух зол выбирать меньшее. (По этому вопросу см.: 1) В. И. Гладков: "Толкование Евангелия", 2-е изд., СПб., 1907 г.; 2) В. С. Соловьев: "Три разговора", изд. Имени Чехова, Нью-Йорк, 1954 г.; 3) Проф. И. А. Ильин: "О сопротивлении злу силой", Берлин, 1925 г.).

В наше время появления сатанинского зла коммунизма — проблема противления злу силой становится всем совершенно ясной. Мир проповедуемый коммунистами, есть величайший соблазн и величайшее зло.

«Не мир, но меч» — должен быть ответом христианина.

Не следует никогда забывать, что воин не только идет убивать, но и умирать за правду. Воин совершает подвиг, будучи готовым "положить душу свою за други своя", т.е. совершить высший подвиг любви христианской.

Христианин обязан быть честным подданным истинного христианского государства. В основу своего отношения к государству он должен класть любовь к Богу и Его Правде, и любовь к своему народу и к его истинному справедливому Правительству. Он не за страх, а за совесть, обязан подчиняться законам и быть готовым защищать всеми силами свое государство. В случае справедливой войны — он должен быть готов стать воином, способным умереть за свой народ и свое государство.

В случае преступлений представителей государственной власти, — христианин должен быть мужественным обличителем неправды.

(Пример: обличение Царя Иоанна Грозного митрополитом Филиппом.)

Проф. И. М. Андреев

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проф. И. М. Андреев. Брак и семья (В православно-русском понимании)

Проблема брака — стара как мир.

Библейское сказание о сотворении мира полно сверхчеловеческой мудрости. Только оно одно может выдержать самую строгую, самую придирчивую критику. Вот почему большинство величайших ученых верит в Бога и в Богооткровенные книги, т.е. в Библию.

Библейские образы, помимо своей глубины и сложности, являются еще и художественными образами, почему они и привлекали и будут привлекать к себе внимание величайших представителей всех искусств: поэзии, музыки, живописи и скульптуры.

Чтобы уяснить себе всю глубину проблемы брака, следует начать рассмотрение этой проблемы с религиозной точки зрения.

Первый брак был брак Адама и Евы в раю. Они были сотворены Богом и брак их был благословлен, как была благословлена и вся земля и все, что на ней совершалось в то время.

Первым, по библейскому сказанию, был сотворен Адам, т.е. мужчина, затем из ребра его была сотворена Ева, ибо Бог сказал: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему».

И сказал человек: «Вот это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женой, ибо взята от мужа».

Дальше в книге Бытия говорится: «И оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей и будут одна плоть».

Апостол Павел прибавлял к этим словам: «Тайна сия велика есть!»

Воистину брак есть великая тайна!

Христианство не только подтвердило ветхозаветную истину о браке как таинстве двуединства (двое будут одна плоть), но дало еще новый глубокий прообраз браку: единение Христа и Церкви.

О взаимоотношениях мужа и жены апостол Павел говорит: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу. Потому что муж есть глава жены, как Христос — глава Церкви... Но как Церковь повинуетеся Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так и мужья должны любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя, а жена да боится своего мужа» (Ефес.5). Конечно, «боится» надо понимать не в обывательском житейском смысле рабского страха, а в религиозном: «бояться» обидеть, «бояться» оскорбить, «бояться» сделать неприятное любимому, «бояться» потерять его любовь и расположение, и, наконец, «бояться» получить справедливое и заслуженное наказание.

Таков должен быть христианский брак.

В христианском браке мужчина должен быть главой, а женщина соответственным ему (восполняющим его) помощником. Мужчина — муж, должен любить свою жену, как Христос Церковь, т.е. должен, любить больше чем себя, должен быть готов отдать свою жизнь за жену.

Жена, в ответ на такую самоотверженную любовь, должна покоряться любимому.

Обывательская мысль с этим согласиться не может. Современные женщины обычно говорят: «ну, уж нет! Чтобы я позволила мужу помыкать мною! Никогда! Наоборот! Я всегда хочу и буду командовать мужем!»

В этих словах глубокое недоразумение, недомыслие, клевета на христианский брак. Зачем помыкать? Ведь в истинном христианском браке любящий муж достоин доверия и самоотвержения!

Если современный «идеал» брака заключается в том, чтобы ни в коем случае муж не был главой, — тогда и ищут себе такого мужа, который главой быть не может.

Вместо брака — двуединства, в котором мужское начало любви является первенствующим, получается иной брак, в котором обе стороны равноправно

несамоотверженны, любят только самих себя, свою самость (отсюда слова: «самец» и «самка»).

Христианская Церковь, среди своих семи таинств, имеет и таинство брака. Церковь благословляет брачующихся, напоминая им об идеале брака.

Таинство Брака есть телесно-духовное единение, двуединство мужчины и женщины.

Венцы над головами брачующихся — символы, прежде всего символы мученичества, ибо благословенный брак несет с собой непременно много страданий. Прежде всего страдания начинаются во исполнение завета: «несите тяготы друг друга!»

Насколько человечество далеко ушло от основных религиозных райских принципов жизни, построенной на всеобщей взаимной любви, видно из того огромного труда, который требуется для осуществления этой любви только среди двух существ: мужа и жены.

Кроме тягот, которые приносят друг другу в браке муж и жена, они получают еще другие тяготы, когда появляются дети.

Скорби в браке неизбежны, и брак есть всегда особого рода мученический подвиг!

Думают ли об этом вступающие в брак? Всегда ли серьезно относятся к этому таинству? — Почти никогда!

Но венцы над головами брачующихся — не только символ мученичества. Они в то же время и символ помощи свыше, символ победы, награды, торжества и славы!

В таинстве брака Церковь не только венчает на мученичество, но и увенчивает обещанием помощи свыше и обещанием торжества добра. *Per aspera ad astra!*

Прекрасно время, когда любящие друг друга — мужчина и женщина — жених и невеста. Но насколько прекраснее, в христианском браке, то время, когда они становятся мужем и женой!

В любви между женихом и невестой еще нет полноты любви.

У Надсона есть стихотворение: «Только утро любви хорошо!»

С глубокой тонкой грустью в этом стихотворении подмечено то, что так часто бывает в реальной жизни. Этот искус выдерживают не многие.

Для кого «только утро любви хорошо», тот не знает истинной любви. Для того, конечно, всегда невеста лучше жены и жених лучше мужа.

В одной из современных песен поется: «Как невесту Родину мы любим!» Этим хотят высказать самую большую, самую лучшую любовь. Эта песня не случайна. Современность почти не знает любви к жене, которая лучше любви к невесте!

Насколько глубже крик мучительной любви к России у Блока: «О Русь моя! Жена моя!...» Здесь «жена» — символизирует самую огромную, самую глубокую любовь, какая возможна в жизни.

В истинном христианском браке любовь никогда не идет на убыль. Наоборот, с годами она растет, ширится, углубляется, одухотворяется. Такую любовь, «широкую как море, вместить не могут жизни берега», и она здесь еще, на временной земле, начинает превращаться в любовь вечную и становится воистину «сильнее смерти!»

Так должно быть! Таков должен быть христианский брак.

Но как же бывает в жизни реальной?

Лев Толстой говорил, что самые глубочайшие трагедии жизни — это трагедия спальни. Действительно, трагедия брака — очень часто разыгрывается в спальне.

Отсутствие гармонии в телесных отношениях, при наличии единения духовного — бывает иногда глубоко трагично.

Несоответствие половых темпераментов часто приводит к самоубийству (см. Дюркгейм — «Самоубийство»). Тютчев считал близнецами самоубийство и любовь.

Интимные моменты брака — очень редко изображаются в высокохудожественной поэзии (другое дело — в бульварных романах). Для этого требуется углубленное эстетическое преодоление естественных этических препятствий.

Таким преодолением является знаменитое стихотворение Пушкина — «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением», в котором Пушкин изобразил гармонию телесных брачных отношений, при наличии различных половых темпераментов.

Об этом стихотворении такой целомудренный человек, как С. Т. Аксаков, воскликнул, «побледнев от восторга»: «Как он об этом рассказал!»

Необычайно мужественный темперамент Пушкина и столь же необычайно женственный темперамент его жены Н. Н. Гончаровой — дали гармонию телесных

отношений. Телесно, в браке Пушкин был счастлив. Но духовного единства совершенно не было. И брак кончился трагично: дуэлью и смертью Пушкина.

В стихотворении Юрия Верховского «И это все?» — замечательно тонко и художественно изображено состояние дисгармонии телесных и духовных взаимоотношений. Но тут же дается едва уловимый намек на возможность будущей гармонизации отношений на основе взаимной чуткости:

«И это все? — сказала ты,
Склонив померкшие черты,
В ответ на то, что вихрем счастья
Казалось в буре сладострастья!
И это — все? Туман покрыл
Сиянье радостное крыл.
Я медлил, пред тобой склоненный —
Угасший вдруг и опаленный.

Дисгармонии могут быть и гораздо глубже и трагичнее (См. «Жизнь» Мопассана, «Эуген Несчастный» Эрнста Толлера, «Идиот» Достоевского и друг.).

В русской философской литературе имеется на тему об этих дисгармониях большой труд В. В. Розанова — «Люди лунного света».

Когда в браке появляется ребенок или дети — тогда брак превращается в семью, в которой начинает осуществляться уже не двуединство, а триединство и многоединство людей.

Брак есть воссоединение двух полов, т.е. половин до единого целого. Но пол — не простая однородная половина. Мужчина и женщина разные элементы, и брак есть не просто двуединство, а нечто новое (подобно; водород и кислород — вода). В браке брачующиеся получают нечто совершенно новое, чего не могут никогда получить будучи отдельно. Символом этого нового является дитя, которое есть реальное осуществление и двуединства (ибо в нем одном — и отец и мать) и новизны (его собственная новая личность).

В каждом ребенке — кроме того имеется веяние святости — («их есть Царство Небесное»). Ребенок как бы возрождает бывшую и утерянную святость родителей.

Идеальное тело человека — прекрасно.

Тело женщины — преимущественно прекрасно («прекрасный пол»), но самая совершенная, самая прекрасная красота — красота младенческая, которую идеально-глубоко понимал и изображал Рафаэль.

Один из замечательных художников слова — И. А. Гончаров — так писал о младенцах Рафаэля: «Ни у кого нигде светлее, прозрачнее, так сказать, и чище не отражалась и красота младенческая, как в картинах Рафаэля... Его младенцы всегда как будто облиты лучами солнца — так мягки, нежны, младенчески пухлы и теплы их формы под его кистью, что как будто нет у них контуров. Красота его младенцев всеобщая, всемирная красота, не имеющая национальностей. Она во взгляде непорочности и неведения, чуждом всякой порчи и тени, она в улыбке, она в слезах — она, наконец, в этой младенческой грации движений, которой не в силах нарушить ребенок, как он ни кривляясь!.. И все младенцы нежного возраста — более или менее Рафаэлевские младенцы».

Особенную заслугу Рафаэля И. А. Гончаров видит в совершенной передаче в живописи — «грации и непорочности вечной детской красоты!»

Самое красивое явление в жизни — это образ матери с младенцем на руках.

Бездетный брак — всегда ущербный.

Женщина (сотворенная из «ребра») — тоже всегда своего рода ребенок. Ап. Павел называет женщин — «немошным сосудом». Этого никогда не должен забывать мужчина — муж!

Современная обывательская психология этого совершенно не понимает, а современные «эмансипированные» женщины считают подобный взгляд для женщин даже «оскорбительным».

«Что Бог соединил, того человек да не разлучает» — учит Церковь.

Развод, как принцип — религиозно запрещается. Православная Церковь разрешает развод очень редко и только по благословению епископа.

С биологической точки зрения — развод есть тоже трагедия, трагедия биологическая.

Чрезвычайно интересен биологический факт, когда у белой женщины от белого мужа родился черный ребенок, потому что прежде эта женщина имела другого, черного мужа! Какое огромное значение, следовательно, даже биологически, имеет первый муж!

Когда в браке появляются дети — муж и жена изменяются (и очень глубоко) — превращаясь в отца и мать. Это пробный камень истинного брака.

Любовь жениха и невесты углубляется и одухотворяется в любви мужа и жены и достигает своей вершины в любви отца и матери. В христианском браке дети связывают духовными узами родителей между собой очень крепко. Христианский брак превращается в христианскую семью. Мужественный мужчина — отец, становится еще более «мужественным» и не боится заниматься «бабьим» делом — нянча детей, если это понадобится. Женственная женщина — мать становится еще более женственной. Женщина-мать — в христианском браке становится лучшей женой (и отец — лучшим мужем).

Ведь муж не только муж, но и отец, т.е. тот, без которого нет и не могло быть материнства. Детям нужна не только мать, но и отец, которого мать никогда заменить не может. И настоящая мать это чувствует, знает, понимает и становится лучшей женой, тем больше, чем она больше мать, т.е. чем она больше любит детей.

Но не только из-за любви к детям мать становится лучшей женой. Имеется еще одно условие. Дело в том, что в материнстве женщина может потерять самое себя, раствориться в детях до основания, потерять ощущение своего «я». Но общение с мужем — спасает ее от этого. В самой самоотверженной любви к мужу женщина никогда не растворится до конца, если есть дети. Наоборот, она глубже почувствует свою женскую индивидуальность.

С религиозной точки зрения противозачаточные средства и аборт — совершенно недопустимы. Аборт — есть детоубийство, а противозачаточные средства — есть блуд. «Бог дает ребенка — даст и на ребенка» — говорит мудрая, религиозная русская пословица.

Возмездием за аборт (т.е. за детоубийство) очень часто бывает смерть рожденного и любимого ребенка.

Если мать сохранила свою жизнь ценою жизни ребенка — ее нормальная христианская совесть не может быть спокойна, ибо она все-таки убийца. Но никто не назовет убийцей ребенка, родившегося ценою жизни матери.

О мучениях христианской совести после совершения аборта прекрасно написала современная русская поэтесса Мария Шкапская.

Вот два ее стихотворения на эту тему:

Да, говорят, что это нужно было...

И был для хищных гарпий

страшный корм,

И тело медленно теряло силы,

и укачал, смиряя, хлороформ.

И кровь моя текла не утихая,

не радостно, не так как в прошлый раз,

И после наш смущенный глаз не радовала
колыбель пустая.

Вновь, по язычески, за жизнь своих детей
приносим человеческие жертвы,

А Ты, о Господи, Ты не встаешь

из мертвых на этот хруст

младенческих костей!

Не снись мне так часто, крохотка,

Мать свою не суди.

Ведь твое молочко не тронутым

Осталось в моей груди.

Ведь в жизни — давно узнала я —

Мало свободных мест,
Твое же местечко малое
В сердце моем как крест.
Что ж ты рученькой маленькой
Ночью трогаешь грудь?
Видно виновной матери
Не уснуть?

Аборт в современной жизни имеет огромное распространение. Где же нормальная женская совесть? Отчего она на таком глубоком ущербе? Оттого, что забыты основы христианского брака. Первый ребенок обыкновенно бывает биологически неполноценный. Мать это чувствует, и тревожится и заботится о первом ребенке (особенно, если он единственный) — часто до болезненности. Иногда даже развивается особый, так называемый «невроз материнства».

При этом неврозе матери — ребенок обычно тоже становится невропатом.

Гораздо нормальнее, если в семье несколько детей. Семья — первая социальная клеточка социального организма, именуемого человечеством.

Социальная проблема, с одной стороны, есть проблема религиозная, а с другой — проблема семьи. В конце концов, вся социальная проблема есть проблема религиозной семьи.

В семье — (если она большая — еще лучше) — могут развиваться всевозможные социальные эмоции. Немецкий психолог и педагог Шарлотта Бюлер высказала очень интересную мысль о том, что жизнь взрослого человека есть лишь более углубленная и более расширенная детская жизнь. В этом много правды!

В нормальном христианском браке отец является духовным главой семьи, ее опорой, ее защитой. Жена и дети чувствуют себя спокойно, когда отец дома, рядом с ними. В трудные минуты жизни отец дает окончательное, продуманное, выстраданное решение и принимает на себя всю полноту ответственности. Он защищает в нужные минуты и юридически, и морально, и, если надо, физически. Он показывает личный пример мужества. Он успокаивает в тревоге. Он один остается твердым, когда все в отчаянии (напр., при огромном горе). Он — моральная сила. Он строгий, и мудрый, и высший суд в семье. И он же самоотверженно любящий, готовый отдать свою жизнь за жену и детей, если это понадобится.

Жена — всегда рядом с мужем, всегда друг, самый близкий, единственный в своем роде, «помощник», «соответствующий», т.е. дополняющий мужа. Жена знает иные стороны жизни, которые недоступны мужу. Он умеет по новому посмотреть и оценить события. Жена всегда знает, понимает, видит насквозь своего мужа, умеет его успокоить в «минуты душевной невзгоды»; понимает подсознательные мотивы действий мужа лучше, чем он сам. Поэтому, в тяжелые личные минуты жизни, мужу легче бывает с женой; он набирается сил около жены; мужская угловатость и резкость сглаживается и смягчается ее лаской, ее словом, одним ее присутствием.

Жена смягчает законный и парализует незаконный гнев отца на детей. Жена дает на «семейном совете» свой, особый, «сердечный» совет.

Иногда жена-мать имеет совершенно особенные, исключительные переживания, на которые способны только женщины. Ср. сборник «Полевые псалмы»: Плач Адама по Авеле и Евы по Каине.

Отношения мужа к жене (т.е. отца к матери) — воспринимаются детьми как мембраной. Дети спокойны, когда отец и мать дружны, и очень тревожны, когда они ссорятся.

В христианском браке дети любят и уважают родителей, всегда чувствуют духовную связь с ними, дорожат этой связью. «Духовная пуповинка» тем дольше связывает детей с родителями, чем более брак и семья приближаются к идеальному. И наоборот, чем меньше брак и семья становятся христианскими — тем скорее и глубже дети отходят от родителей, замыкаются в себе, имеют «свою жизнь», «свои интересы», «свои секреты и тайны».

Первый дневник, который подросток не хочет или не может показать отцу или матери — первая ступень к распаду семьи.

В идеальном христианском браке муж и жена должны ежевечерне исповедоваться друг перед другом и быть совестью друг друга. Дети тоже должны перед сном

исповедоваться перед отцом или матерью.

Такая исповедь — самый лучший моральный цемент для семьи. В христианском браке и семье совершенно не должно быть лжи. В этом отношении семья является «домашней церковью».

Самый большой грех и самое большее преступление в семье — это измена, нарушение супружеской верности. Измена в браке — Иудин грех — ведет к смерти брака и к распаду семьи.

Слова «муж» и «любовник», «жена» и «любовница», в русском языке звучат весьма различно.

Тема «измены» очень часто изображается в художественной литературе. Чрезвычайно ярко и своеобразно она звучит в стихотворении Блока, где изображена глубокая горечь у обманутого мужа, и в стихотворении М. Шкапской — где изображено отчаяние и этический солипсизм (т.е. нравственное одиночество) — у оставленной жены. Вот эти два стихотворения.

А. Блок.

Зимний ветер играет терновником,
Задувает в окне свечу.
Ты ушла на свиданье с любовником.
Я один. Я прощу. Я молчу.
Ты не знаешь, кому ты молишься —
Он играет и шутит с тобой.
О терновник холодный уколешься,
Возвращаясь ночью домой.
Но давно прислушавшись к счастью,
У окна я тебя подожду.
Ты ему отдаешься со страстью.
Все равно. Я тайну блюду.
Все, что в сердце твоём туманится,
Станет ясно в моей тишине.
И когда он с тобой расстанется,
Ты признаешься только мне.

М. Шкапская:

Я верю, Господи, но помоги неверью.
В свой дом вошла и не узнала стен.
В свой дом вошла и не узнала двери.
И вот — не встать с колен.
И дети к сердцу моему кричали,
Но сердце отступило прочь.
И в яростной моей печали
Сам Бог не мог помочь. —
Мой муж меня оставил в эту ночь!

Леонид Андреев в прекрасном рассказе «Цветок под ногой» удивительно тонко и трогательно изобразил переживания того, о ком обыкновенно забывают при измене — ребенка пяти лет, Юрочки, который нечаянно подсмотрел измену своей матери и был раздавлен, как «цветок под ногой».

Измена супружеской верности в семье, где есть дети — величайшая и религиозная, и моральная, и социальная, и биологическая трагедия.

Если такое несчастье случится в христианском браке, — верная половина (муж или жена) должна остаться верной.

Данте утверждал, что «истинная любовь не может не быть взаимной». И верность в ответ на измену — иногда творит чудеса и возвращает через некоторое время заблудшегося.

Насколько реально Церковь считает брак тайной двуединства, видно из учения о том,

что «неверующий муж освящается верующей женой, и неверующая жена освящается верующим мужем» (1Кор.7:14).

Неизреченную, дивную, благоуханную красоту неизменной любви, любви, которая на измену отвечает неизменной верностью — показал нам в высокохудожественных образах Владимир Соловьев:

У царицы моей есть высокий дворец,
О семи он столбах золотых,
У царицы моей семигранный венец,
В нем без счету камней дорогих.
И в зеленом саду у царицы моей
Роз и лилий краса расцвела,
И в прозрачной волне серебристый ручей
Ловит отблеск кудрей и чела.
Но не слышит царица, что шепчет ручей,
На цветы и не взглянет она:
Ей туманит печаль свет лазурных очей
И мечта ее скорби полна.
Она видит: далеко, в полночном краю,
Средь морозных туманов и выюг,
Злою силой тьмы в одиночном бою
Гибнет ею покинутый друг.
И бросает она свой алмазный венец,
Оставляет чертог золотой
И к неверному другу, — нежданный пришлец, —
Благодатной стучится рукой.
И над мрачной зимой молодая весна —
Вся сияя — и склонилась над ним, —
И покрыла его, тихой ласки полна,
Лучезарным покровом своим.
И низринуты темные силы во прах.
Чистым пламенем весь он горит,
И с любовью вечной в лазурных очах
Тихо другу она говорит:
«Знаю, воля твоя волн морских неверней,
Ты мне верность клялся сохранить, —
Клятве ты изменил, но изменой своей
Мог ли сердце мое изменить?»

В христианском браке воздействие на детей, если они уклоняются от здоровых, добрых и истинных принципов семейной жизни, — может быть только одно: отлучение их на некоторое время от благодатной теплоты родительской любви.

По словам св. Ефрема Сирина, так Бог иногда оставляет на некоторое время людей («как мать оставляет свое дитя»), чтобы лишившись благодатной теплоты родительской любви — они, тоскуя по потерянному, потянулись бы с большей силой обратно «в объятия отчия».

В более старшем возрасте возможно допускать только наказания, которые логически вытекали бы из совершенного поступка. При этом и теоретически необходимо научать подростков понимать глубокую мудрость простых религиозных русских пословиц, как напр., «не руби сук, на котором сидишь», «не рой яму другому, сам в нее попадешь»; «не плюй в колодец, пригодится воды напиться»; «что посеешь, то и пожнешь»; «как аукнется, так и откликнется»; «сама себя раба бьет, что нечисто жнет»; «кто сеет ветер — пожинает бурю» и т. п. и, наконец, евангельское правило: поступай так, как хочешь, чтобы поступили с тобой.

История брака ясно нам показывает, что его формы колеблются, меняются, приспособляются у разных народов в разные времена к запросам самой жизни, которая всегда ставила и будет ставить два диаметрально противоположных требования:

1) или — религиозные основы, религиозное осмысление брака и семьи;

2) или — полное освобождение брака и семьи от «ига» религии.

Больше всего для этого «освобождения» сделано за последние сорок лет в СССР. См. напр., определение брака в «Большой Медицинской Советской Энциклопедии»:

«Брак есть более или менее продолжительная связь мужчины и женщины на основе полового сожителства, создающая для них определенные права и обязанности (по распределению труда, по владению и пользованию имуществом, по воспитанию детей) — и получающая общественно-государственную санкцию». Вот и все? Просто и ясно. Никаких проблем!

Прежде всего, отрицается брак как таинство. «Никаких венцов!» Происходит «женская эмансипация», духовные прерогативы мужа и отца (т.е. то, что требуется и религией и биологией!) — упраздняются, христианский брак оклеветан и осмеян. Развод становится привычным. Аборт подлежит ведению только врачей.

Семья, которая в христианском браке является органическим целым — превращается в механическую сумму членов семьи.

Такая «семья» не может создать здоровой социальной ткани! Социальный организм: общество, государство, человечество начинает разрушаться и превращаться в хаос.

Наша несчастная Родина Россия — превращается в СССР. Великие заветы самой целомудренной в мире великой русской литературы — перестают волновать юное поколение современности. Им непонятны и даже смешны — Пушкинская Татьяна с ее ответом Онегину: «Я другому отдана, и буду век ему верна», Тургеневская Лиза — отказавшаяся соединиться с женатым человеком, Толстовская Наташа — руду своей стремительной страстности сублимировавшая в идеальную жену и идеальную мать, Катерина из «Грозы» Островского, которая самоубийством, в состоянии реактивного психоза, заплатила за свое увлечение, и многие другие.

Современный брак представляет собой почти всегда трагедию: или трагедию пошлости или трагедию бессмысленных страданий.

О, как нужны церковные «венцы» для современных браков!

Ибо скорби, без которых не бывает браков, получают и глубокий смысл и оправдание — только в религиозном аспекте. С христианской точки зрения эти скорби бывают двух родов. Одни посылаются Богом под знаком тех мученических и в то же время победоносных венцов во исполнение завета «нести тяготы друг друга», а другие — вытекают, как следствие нарушения законов Божиих. Первые в христианском браке, усовершенствуют людей, содействуют духовному росту, ведут через терния к звездам, и за эти скорби рано или поздно люди горячо благодарят Бога.

Что касается вторых — то для преодоления их надо только сознать свои грехи, раскаяться в них и постараться их больше не повторять, и тогда Господь, «целующий намерения» — превратит эти скорби в новые духовные, огромный радости, ибо «не мерою» дает Бог радостные блага Своего Св. Духа тем, кто любит Его и стремится исполнять Его заповеди: заповеди Любви и Истины.

Возрождение русской христианской семьи — наша основная современная задача. Возродится такая семья — возродится и Россия.

О православно-христианском нравственном воспитании детей дошкольного возраста

"Без Мене не можете творити ничесоже" (Ин.15:5).

Прежде всего мы считаем необходимым прямо и определенно заявить, что по нашему глубокому и непоколебимому убеждению только канонически истинная Православная Церковь, обладающая полнотой Благодати Св. Духа, со своими св. Таинствами, св. Догматами, святоотеческой литературой, с развернутым учением о христианской нравственности в Нравственном Богословии, — может дать незыблемый фундамент для построения целостной и действенной педагогической системы нравственного воспитания детей.

В иерархии ценностей высшее, первоверховное, место занимает несомненно религия. Совершеннейшая религия — Христианство. Христианство немыслимо без Церкви. Единая истинная святая соборная и апостольская Церковь есть Церковь Православная. Божественный Основатель Христианства — Богочеловек Христос — никогда не мог ни ошибаться, ни говорить неправды. Каждое Его Слово — Истина, совершенная,

абсолютная, Откровенная Истина. Блюсти и охранять эту Истину от извращения и неправильного толкования поручено Истинной Церкви. Тысячелетний соборный религиозный опыт святых, сформулированный в согласном учении Святых Отцов и Учителей Церкви, является высшим и непререкаемым авторитетом. Согласное мнение Православной Церкви основанное на согласном тысячелетнем соборном разуме святых, — не может быть ошибочным.

Системы этики (т.е. учения о нравственности) могут быть трех родов: 1) так называемая автономная этика (напр., самозаконная этика Канта), 2) гетерономная этика (т.е. основанная на каких-нибудь других науках, напр., на биологии, социологии и т. п.), и, наконец, 3) теономная этика, т.е. основанная на религии. Только последняя система может быть серьезно обоснована. Христианская же этика, т.е. этика, построенная на совершеннейшей религии Христа, — может быть обоснована неопровержимо. Вот такое церковно-православное христианское нравственное учение и положено в основание всех наших дальнейших рассуждений и указаний.

Православно-христианское учение о религиозно-нравственном воспитании детей представляет собою идеальную целостную святоотеческую педагогическую систему, которая практически в жизни, до конца, конечно, не осуществима. Но идеал и должен быть недостижимым. Только тогда он и будет неизменным идеалом, постоянно показывающим степень отклонения при практическом стремлении к его осуществлению.

В настоящей статье мы сознательно избегали своеумия и излагали мысли, почерпнутые из святоотеческой литературы и высоких духовных авторитетных наставников XIX и XX века, каковыми являются: Оптинский старцы, епископы Феофан Затворник и Игнатий Брянчанинов, приснопамятный батюшка о. Иоанн Кронштадтский, а также и знаменитые русские богословы, профессора нравственного богословия, миссионеры и проповедники, как например — проф. Казанской Академии В. И. Несмелов, проф. СПб. Академии протопресвитер о. И. Л. Янышев, проф. Московской Академии М. М. Тареев, проф. СПб. Академии А. А. Бронзов, проф. протоиерей И. И. Базаров и другие. Наша работа, таким образом, может быть уподоблена добросовестной пчеле, собиравшей мед в прекрасных садах Русского Нравственного Богословия. Мы позволили себе лишь систематизировать полученный материал и придать ему целостный и целенаправленный характер, опираясь при этом на строго научно установленные данные детской психологии, педагогической психологии, экспериментальной педагогики и детской психиатрии.

Почему мы ограничились вопросом о нравственном воспитании детей только дошкольного возраста? Потому что считаем именно этот период жизни человека — самым важным, основополагающим в деле воспитания. Педагогическая психология нас учит, что в первые 3 года своей жизни ребенок получает треть всех понятий жизни взрослого человека. А известная австрийская ученая, большая специалистка по педагогической психологии, Шарлотта Бюлер, в своем исследовании «Человеческая жизнь как психологическая проблема» (1933 г.), утверждает, что в первые семь лет своей жизни человек устанавливает канву всей своей жизни. Иными словами, взрослый человек в течение всей своей жизни лишь расширяет и углубляет то, что сложилось у него в душе за период первых семи лет. В этом утверждении много правды. Основные черты личности и характера человека, как и основы его мироощущения, складываются, действительно, в период его доотроческой жизни (приблизительно к семилетнему возрасту).

Самое первое, самое главное, что необходимо понять и принять каждому воспитателю, это — основное положение христианской педагогики: истинная нравственность невозможна без религиозной основы. Больше того, истинная нравственность невозможна без помощи Церкви. Без помощи св. Таинств церковных невозможно дать прочное истинное нравственное воспитание ребенку: без помощи Церкви невозможна и истинно-нравственная жизнь взрослого человека.

Собственно говоря, фундамент религиозно-нравственного воспитания ребенка закладывается еще до его рождения. Но как редко думают вступающие в брак молодые люди об огромной личной ответственности за жизнь будущего новорожденного дитяти. Брак есть великое Таинство Церкви. Непосредственно перед этим Таинством Церковь требует, чтобы были осуществлены обоими брачующимися еще два Таинства: Покаяния и

Причащения. При этом требуется, чтобы в прошлом оба брачующихся имели и Таинства Крещения и Миропомазания. Благодать всех этих Таинств (Крещения, Миропомазания, Покаяния, Причащения и Брака), питающая души и тела родителей, не может не коснуться души и тела зачинаемого и долженствующего родиться будущего младенца. Но, ведь, благодатные Таинства существуют только в лоне Благодатной, т.е. истинной, канонически правильной Церкви. А если хотя один из родителей не принадлежит к таковой, то это не может не отразиться ущербно и на детях. Думают ли об этом брачующиеся? Благословение родителей брачующихся на их брак также необходимо и для будущего ребенка. Степень чистоты душ и тел, вступивших в брак, имеет огромное значение (наследственность) и непременно отразится на будущем потомстве. Особенное значение для основы религиозного нравственного воспитания будущего дитяти имеет душевное и телесное состояние женщины во время вынашивания плода до рождения и во время кормления грудью новорожденного. Ведь до рождения вынашиваемый составляет одно целое, один организм с вынашивающей. А при кормлении грудью ребенок получает материнское молоко, продукт ее живого душевно-телесного организма. Душа таинственно связана со всем телом. И в молоке матери — часть ее не только тела, но и души. В последнее время подавляющее большинство новорожденных детей вскармливаются на искусственном питании, а не на молоке матери. Это также не может не сказаться ущербно на младенце.

Вспомним, что само слово воспитание включает в себе смысл питания. Питание необходимо и для тела и для души. Нет ничего более губительного для начала религиозно-нравственного воспитания, как очень распространенное мнение — предрассудок, будто новорожденный младенец нуждается только в уходе за его телом.

Христианство утверждает, что назначение человека не ограничивается одной земной жизнью, но простирается в вечность. Поэтому и воспитание ребенка должно идти сообразно с этим двояким назначением человека. Учение Христа есть единственный путь, который ведет человека по земле на небо. («Я есмь путь и истина и жизнь» — Ев. Иоанна, 14, 6). Духовная жизнь новорожденного младенца развивается сначала без собственного его содействия, из чего можно заключить, что человек подчинен закону развития. Но эта необходимость не препятствует ему быть существом свободным; напротив, это доказывает нам только, что человек, по намерению своего Творца, есть существо необходимо свободное, ибо первоначальное духовное развитие ребенка есть не что иное, как развитие способности быть свободным. Нельзя же предположить, что Творец, поставив известную цель для своего творения (свободное стремление к вечному Благу), не даровал бы ему и средств к достижению этой цели. И действительно, наблюдая естественное развитие человека с момента его рождения, мы не можем не заметить, что все в нем приспособлено к достижению выше указанной последней цели его бытия. Самая способность к развитию сознания есть уже приуготовление к этой цели. Явно нравственный характер самих пробуждающихся его инстинктов представляет собою несомненный знак его превосходства над всеми и над всем на земле. Самый телесный его организм так создан, что в нем нельзя не видеть священного земного храма, в котором предназначено обитать Св. Духу.

«Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас. Аще кто Божий храм растлит, растлит сего Бог: храм бо Божий свят есть, иже есте вы» (1Кор.3:16-17). Как страшно звучат эти слова Апостола Павла. Отсюда понятно и наказание «соблазнившим единого от малых сих» — потопление в море с жерновом на шее.

Начинаясь от неясных чувственных ощущений сознание ребенка, неприметно превращается в разум, позволяющий ему в дальнейшей жизни медленно и постепенно возвышаться до чувства высокого прекрасного, до созерцания безконечного и святого. Пробуждающийся разум ребенка первоначально чист, непосредствен, синкретичен, целен, несмущенно радостен и подобен распускающемуся бутону прекрасного цветка. Совесть его ангельски чиста и младенчески неопытна; самосознание же еще неясное.

Родившийся человек входит в мир. В грешный мир. И вот начинается убийственное воздействие этого мира на юную душу еще невинного, но во грехе зачатого младенца. Все лучшее, все святое и чистое, с чем рождается ребенок, начинает разрушаться при столкновении его с миром. Причина того — первородный грех. Вот отчего только так называемое естественное развитие человека, при всех вложенных в него от Бога средствах, не достигает своего назначения. Сам человек не в состоянии не только

достигнуть назначенной ему от Бога цели, но даже найти начало пути, ведущего к этой цели. Без помощи Самого Спасителя и Искупителя Христа невозможно спасение души. Руководство к этому спасению поручено Церкви Христовой. Истинное нравственное воспитание ребенка (т.е. питание его души и тела) возможно только в лоне этой Церкви. Воспитание предшествует образованию. Если образование может начаться только с развитием естественных способностей человека, то воспитание начинается с самого появления его на свет. Воспитание создает фундамент, на котором создаются все последующие способности человека. Образование ребенка без предварительного воспитания его, — есть попытка построения дома на песке. Воспитание ребенка есть тот краеугольный камень, на котором мы можем начать созидать храм его жизни. Воспитывать надо то, что может послужить человеку руководством в пути через земную жизнь к жизни вечной, небесной.

Сердце человека является источником его чувств и деятельности. Если Сам Спаситель сказал, что «от сердца исходят помышления злая» (Мф.15:19), то очевидно, что без воспитания сердца человек обойтись не может. Сердце есть корень всей нравственной жизни человека. Поэтому дать доброе направление сердцу есть первая и главнейшая задача воспитания. Совершенно неприметно, в душе младенца, сначала целостной и синкретичной, начинается процесс дифференциации психических способностей: начинается деятельность ума, чувства и воли. Пробуждающийся ум, вследствие греховной природы человека, начинает стремиться с одной стороны эмансипироваться, а с другой — тиранически влиять на волю. Синкретическая гармония ума, сердца и воли начинает разрушаться. Грешный мир начинает внедряться в душу младенца. Тогда, продолжая воспитывать сердце, необходимо начать воздействовать и на ум, т.е. на познавательные способности ребенка.

Божественное учение Христа имеет то чудесное свойство, что оно чрезвычайно рано начинает быть доступным для умов младенческих, будучи в то же время и неисчерпаемым для умов глубочайших мыслителей. Если неодушевленная природа: солнечный свет, воздух, влага и земля животворят жизнь растения, то почему Дух Слова Божия не может животворить душу младенца? Христианство, по мнению свв. Отцов Церкви, даже более приложимо к детскому возрасту, чем к возрасту взрослых. Это объясняется тем, что все в Христианстве чрезвычайно близко природе человека, а в детях эта природа чище и неповрежденнее, чем в людях взрослых. Поэтому-то и говорил Христос: «аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное» (Мф.18:3).

Христианское воспитание начинает особенно проникать в душу новорожденного младенца еще при св. Таинстве Крещения и Миропомазания, когда восприемники дают Богу за крестника клятвенный обет верности началам христианской жизни: вере, надежде и любви. Первые моменты жизни окрещенного младенца напоены благодатными действиями Св. Духа, запечатленного таинственными печатями св. мира. И уже через короткое время невидимая полученная благодать начинает сказываться в новом одушевленном храме. Пробуждающееся сознание ребенка, просвещенное благодатью «даров Духа Святого», становится способным возрастая и совершенствоваться в вышеуказанных основных христианских началах жизни: вере, надежде и любви. Невинный новорожденный окрещенный ребенок беззаботно наслаждается полученным от Бога бытием. Он безмятежно живет настоящим, не ведая еще природы времени с его прошедшим и будущим. Некоторые святые Отцы Церкви сравнивали такое состояние с состоянием вечного покоя, без печали о прошедшем, без вздыхания о будущем. Другие духовные писатели уподобляли такое состояние чистейшей вере и полному доверию, каковые возможны только для чистого невинного младенчества с его неспособностью ни к какому сомнению. Но вот опыт общения с окружающим миром научает младенца отличать предметы неодушевленные от одушевленных лиц, его с любовью окружающих. И тогда в младенческой душе возникает новый росток Божественного семени: младенец сам начинает учиться любить. Первым предметом его любви, конечно, являются с особой любовью его окружающие родные близкие люди. Проходит первый год его жизни — и начинается новый период его развития. Он уже на ногах, он уже умеет выразить свои первые чувства доверия и любви. Он еще продолжает быть счастливым своим настоящим, но это уже не колыбельное счастье. Тогда, для него не существовало еще ни прошедшего ни

будущего. Теперь он их уже начинает различать. Особенно важно, что он начинает понимать и научается ожидать будущее. В связи с этим в его сознании, кроме способности к вере и любви, возникает новая способность — надежды.

Второй год его жизни должен проходить под знаком медленного углубления и укрепления способностей восприятия основных начал христианской жизни, указанных выше. На третьем году жизни часто особенно резко выявляется недоверие, соединенное со страхом, по отношению к чужим, незнакомым и новым людям. Спокойным чувствует себя ребенок лишь тесно прижавшись к родителям или к родным близким людям, которых он любит и которым всецело доверяет всю свою душу. К 3 годам появляется у ребенка и сознание своей личности, и он впервые, сознательно, говорит о себе — «я», (а не «он» с указанием на себя). Впрочем, называя себя «я», он еще некоторое время сопровождает это и жестом указания на себя.

В это время особенно важно обратить особенное внимание на воспитание послушания. Святые отцы подчеркивают, что послушание надо «приобрести», «завоевать» истинной разумной любовью. Истинная любовь не может не быть взаимной. Когда ребенок, в ответ на нежную ласку матери, впервые благодарно-радостно-ответно прижимается щекой к щеке или к груди матери, — это означает, что положено основание к воспитанию послушания, что последнее начинает «завоевываться» и «приобретаться». Без послушания невозможно воспитание. Послушание справедливо называется «началом воспитания».

Самое трудное заключается в том, что послушание должно быть свободным, а не принудительным, должно основываться на любви, а не на страхе перед насилием. И в этом нежном возрасте необходим страх, но особого рода: страх Божий, страх потерять любовь любимого, страх огорчить любящего. Любящая мать, сумевшая стать любимой, должна уметь в нужный момент оставлять свое дитя, чтобы оно, лишенное на некоторое время материнской ласки, сильнее к ней потянулось. Без помощи святых Таинств Церкви «приобрести» послушание невозможно. Ребенка должно чаще причащать, а матери надо чаще самой исповедоваться и приобщаться. Если у ребенка нормально будут развиваться вышеуказанные основные начала веры, любви и надежды, тогда и только тогда, на их основе может зародиться и начало истинного послушания. Иметь в своих руках, без насилия, волю младенца — это главное дело в воспитании. Но воспользоваться этим для нравственного воспитания надо умело. Нельзя навязывать ребенку нравственные правила, пока он еще не в состоянии их понять.

Как вообще развивается воля в человеке? Для движения воли нужны побуждения. Следовательно, для управления волей ребенка необходимо овладеть его побуждениями или породить их в нем. Самые естественные и самые сильные побуждения деятельности человека вытекают из тех же, вышеуказанных трех начал христианской жизни: веры, любви и надежды. Для того, чтобы начать воспитывать волю ребёнка, родители или воспитатели прежде всего должны понять, что это невозможно осуществить без полноты искреннего любящего сердца, с полным и ясным собственным убеждением в истинности своего намерения. Без полной сердечной доверенности к нашим наставлениям со стороны детей невозможно рассчитывать на успех. Одновременно с наставлениями мы непременно должны показывать личный живой пример, который может действовать не только на волю (по закону подражания), но и на развитие нравственного сознания. Если же вы начнете набивать голову ребенка одними правилами, не оживляя их примером; то вы будете бесплодно насиловать и его ум и его сердце из которых первый еще не в состоянии понять формы без содержания, а последнее не может участвовать в том, что его не трогает.

Личный пример имеет решающее значение в деле воспитания. Как возможно, чтобы ребенок принял от вас какое-нибудь наставление за руководство его деятельностью, если он видит в вашей собственной жизни явное тому противоречие? Вполне и совершенно управлять волею ребенка может лишь тот, кто подает ему собою постоянный живой пример деятельного добра. Несомненно, что при воспитании воли ребенка придется прибегать как к поощрительным наградам, так и к стимулирующим наказаниям. Но здесь особенно важно помнить, что эти средства, должны применяться с сугубой осторожностью и осмотрительностью, ибо, как чрезмерные наказания, так и чрезмерные награды могут принести большой и непоправимый вред юной душе. Общего рецепта здесь не может быть дано, ибо нигде индивидуальность

воспитываемого не играет такой большой роли, как при назначении того или иного рода и степени поощрения или угрозы. Как часто ошибки в этом направлении являются источником больших страданий на протяжении всей жизни воспитываемого. Злоупотребление наградами, как и беспорядочность и жестокость наказания, в одинаковой степени легко могут навсегда подавить в душе ребенка начала доверия и любви к неразумным родителям или воспитателям. Баловство и потакание всем прихотям и капризам ребенка укореняет непослушание, своеволие, эгоизм, лень, лицемерие, неблагодарность, неуважение, а затем и презрение к воспитывающим и раздражительность, гнев, злобу и ненависть ко всем посторонним, которые посмеют попытаться противодействовать ничем необузданному своеволию и самодурству ребенка. Такие дети впоследствии часто теряют веру, приходят в уныние и отчаяние при постигающих их несчастьях, а иногда начинают даже и кощунственно роптать на Бога. Приснопамятный батюшка о. Иоанн Кронштадтский о детских капризах говорил так: «Каприз — зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу».

Истинный христианин должен со смирением лобзать карающую его Руку Господню. А потому и христианское воспитание ребенка должно добиваться того, чтобы дети принимали наказания из рук родителей или воспитателей с чувством своей вины, с сознанием справедливости обрушивающегося на них гнева и налагаемых наказаний и, — (и это самое главное) — со страхом потерять любовь любимых и любящих близких. Этот благодетельный страх имеет огромное религиозно-нравственное значение: на его основе позже развивается истинный «страх Божий», с боязнью греха и боязнью потери благодати Св. Духа, стяжание которого, по словам преподобного Серафима, является целью жизни христианина.

Самым главным и самым верным мерилom того, какие средства поощрения и наказания надо по преимуществу применять в отношении того или иного ребенка, — является понимание индивидуальной структуры складывающегося нравственного сознания воспитуемого. Для ребенка, у которого особенно сильно развивается чувство веры, — достаточно бывает одних угроз, тогда как непосредственное наказание может быть бесполезным, ибо при достаточно глубоко и сильно развитой вере, — угрозы есть уже наказание. При особом развитии у ребенка основ христианской добродетели надежды (истекающей из достаточно развитой веры), — умеренные награды и наказания могут быть чрезвычайно эффективны. Там же, где у ребенка ясно, глубоко и сильно развито чувство любви, выражающейся в непосредственном сострадании, внимательной чуткости к настроению близких и в нежных благодарных ласках к ним, — там не нужно прибегать ни к наказанию, ни к частым поощрениям и наградам, ибо любовь является сама себе наградой. В таких случаях воспитывающим следует только чаще высказывать свою искреннюю деятельную любовь ко всем окружающим ребенка близким и посторонним людям.

Там, где наказание сопровождается хотя бы намеком на месть раздраженного сердца, или носит оттенок злобы со стороны даже вполне справедливого в своих требованиях воспитателя, — там не могут не подрываться начала детской веры в искренность и любовь наказующих. Даже в самых юных младенческих сердцах имеется особое чутье, позволяющее отличать насилие по праву сильного от принуждения по долгу любви. Первое — ожесточает, а второе — смиряет бунтующие элементы развивающейся души. Из такого смирения впоследствии вырастет искреннее сердечное послушание.

Когда ребенок начинает становиться на ноги, тогда начинается первое проявление его самостоятельности. Почувствовав свои новые силы и способности, он стремится сделать свой первый шаг от нас. Как важно, чтобы первый шаг не привел к падению. Тогда ребенок долго не решится начать ходить сам. Кто лучше родной матери сможет помочь ему в это время? Кто иной сможет лучше научить его сочетать первые самостоятельные шаги с верой и надеждой на помощь любви извне? Поставив свое дитя на небольшом расстоянии, мать манит его к себе в распростертые объятия, и дитя, влекомое силой любви и доверия — делает свой первый шаг. Какая умирительная картина веры поспешествуемой любовью! «Кто с детства привыкнет так безотчетно-любовно спешить на голос матери, тот и в зрелых годах скорее отзовется на зов Отца Небесного», — справедливо замечает один из духовных наставников прошлого века (протоиерей о. И. Базаров).

На втором году ребенок начинает ходить и говорить. Если первые его шаги означали попытки к самостоятельности телесной, то первые сознательные слова — являются стремлением к самостоятельности нравственной. С этого момента начинается для ребенка новый, чрезвычайно важный период его жизни; он должен учиться говорить у окружающих. Дар слова — чудесный и таинственный дар от Бога. Метод развития этого дара — заложенный Богом в душе ребенка закон подражания.

Спешите же, родители и воспитатели, окружающие начавшего говорить ребенка, наполнять его душу чистыми, осмысленными словами. Если во второй половине первого года своей жизни ребенок по преимуществу знакомился с пространством, временем, красками, формами, звуками, движениями, поражающими его внешние чувства, то теперь все это начинает проникать во внутрь его души.

«Нет мысли без слова и нет слова без мысли» (Макс Мюллер). Начиная говорить, ребенок начинает и мыслить. У него появляется новая, уже чисто духовная потребность: облекать в словесную форму все свои душевные переживания и понимать душой услышанные слова. Потрясающая новизна этого нового опыта возбуждает в ребенке потребность дать отчет развивающемуся сознанию во всем окружающем. С овладением небольшим запасом слов-понятий у ребенка начинается период пытливых вопросов: «что это? зачем это?» Следует ли отвечать ему на все вопросы? Но у него нет еще возможности вместить в свою душу все даже простые ответы. У него не хватает еще внимания на то, чтобы сосредоточиться на ответах. А вопросов становится все более и более. Не отвечать на вопросы нельзя. Подавлять вопросы вредно. Как же поступать воспитателю? Прежде всего ему надо понять, что в этот период у ребенка развиваются только формы познания, которые, пока они еще не образовались, не могут вместить в себе соответственного содержания. Забрасывая нас своими вопросами, он ждет удовлетворения своей любознательности не столько по содержанию, сколько по форме. Объяснений, разъяснений, толкований, доказательств, — он не понимает и не нуждается в них. Любя, он доверяет каждому слову воспитателя. Каждый ответ он заранее готов принять как догмат. Поэтому, на каждый вопрос воспитатель должен давать ответ догматическим тоном т.е. тоном непременно уверительным, хотя бы сущность ответа была неопределенна, уклончива или даже представляла собой прямой отказ на вопрос. Только не обманывайте ребенка и не рассуждайте с ним. Потребность в рассуждениях придет значительно позже, когда ребенок станет способным рассуждать и через рассуждение — понимать, т.е. когда он начнет, хотя и элементарно, но определенно дискурсивно мыслить. Интуиция у ребенка предваряет дискурсию. Преждевременные рассуждения, в период его интуитивно-догматического мышления, разовьют в нем наклонность к резонерству и подорвут веру в правдивое слово любимого им лица. Ложь же и обман — отравят юную душу ядом сомнения и потушат в ней искру чувства вечной правды.

Главная забота воспитателя в этом периоде должна заключаться в том, чтобы дети верили его слову, которое никогда не должно быть гнилым в устах воспитателя-христианина. Если, вообще, «за каждое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Мф.12:36), то особенно тяжкая ответственность за такие слова падет на воспитателя. В идеале — каждое слово наше, как относящееся непосредственно к ребенку, так и сказанное в его присутствии, должно становиться для него священным законом. Но это возможно только при том условии, если это слово будет священо и для нас самих.

Чрезвычайно важное проявление развития ребенка представляет собою игра. До трех лет дети редко научаются играть вместе с другими детьми; обычно в этом периоде они играют рядом, т.е. каждый сам по себе. После трех лет в игре сосредотачивается почти вся жизнь ребенка, как внутренняя, так и внешняя. Играя наедине с самим собою, ребенок упражняет свою мысль и воображение; играя с другими детьми, он выявляет свои чувства и волю и, опять же, воображение. Но излишнее развитие воображения — чревато очень тяжелыми последствиями. Не забудем, что первый грех человека зародился в воображении. Поэтому, опытные духовные наставники рекомендуют приковывать детей в их играх почаще к действительности. Очень важно, чтобы голос любви родителей или воспитателей был не сентиментален, а глубоко искренне лиричен и в то же время серьезен и тверд, но чтобы слово угрозы было растворено кротостью и спокойствием. Только таким образом можно достигнуть того, что дитя будет бояться

оскорбить вас своим непослушанием и любить вас с благоговейным сыновним страхом. Своеволие прирождено детям, но подлежит неременному обузданию в самом своем корне. Переломить его можно и должно только тем же способом: сочетанием любви и твердости. Истинная разумная любовь родителей или воспитателей ни в коем случае не должна позволить себе уступки перед своеволием неразумия. Здесь показаны самые энергичные меры, так как вопрос идет о переломе заблуждающейся воли и сохранении святого начала веры в любовь отца, матери или воспитателя. Часто бывает достаточно одного подобного опыта твердости и непреклонного требования повиновения любящему родителю или воспитателю, чтобы с корнем вырвать из неопытной души ребенка зародыш страшного греха. Счастливы те родители или воспитатели, по зову которых ребенок отрывается от самой интересной игры, чтобы исполнить их приказание. Достигнуть этого в высшей степени трудно, но и в высшей степени необходимо.

В играх ребенка со сверстниками зарождаются начала общественной жизни. Здесь неизбежны столкновения страстей и характеров; здесь вырабатывается характер и у самого ребенка. Во время игры меньше всего принесут пользы многочисленные замечания и указания по поводу отдельных поступков; нельзя слишком стеснять свободы и непринужденности поведения играющих детей; нельзя забывать о различной реакции детей на замечания наедине и замечания при других; нельзя удерживать каждый ошибочный шаг общения ребенка с другими детьми. Но внимательно следя за происходящим, следует в определенные моменты апеллировать к общим началам поведения, одобряя или порицая не тот или иной поступок кого-нибудь из играющих, а те нравственные мотивы, которыми обусловлены поступки. Не обижая и не оскорбляя отдельные личности, следует порицать или одобрять типы поведения. Пусть каждый отдельный ребенок сам себя, внутренне, отнесет к тому или иному из указанных типов. Это ему будет полезнее в нравственном отношении. Чтобы найти правильный тон руководства детьми в совместных играх, надо уметь любить не только своих детей, но и всех детей вообще, памятуя об особой любви к детям Самого Спасителя.

Полезно всем воспитывающим детей ясно понимать основные различия воспитания и образования. Воспитание относится к образованию, как сердце относится ко всем остальным способностям души. Хотя задачи воспитания и образования тесно переплетены, но тем не менее, воспитание всегда будет важнее в деле приуготовления к жизни вечной, на небе, тогда как образование нужно по преимуществу в деле приспособления к жизни временной, на земле. Если вы научите ребенка искренне уважать старших и быть искренне любезным и сдержанным с каждым из них, — тогда и внешнее выражение этих чувств будет в нем и истинно прекрасными манерами. Но нет ничего пагубнее для развивающегося сердца ребенка, как встреча воочию с двуличием человека. Замечательный пример такого опыта, пережитого обманутым ребенком, можно найти в прекрасном рассказе Чехова — «Житейская мелочь».

Если родители или воспитатели в этом периоде развития ребенка чувствуют себя бессильными в борьбе против указанных трудностей нравственного воспитания, то они должны немедленно обращаться за помощью к Церкви. Одна-две беседы священника наедине с ребенком (что является как бы преддверием первой исповеди) — может принести очень много пользы. Но, увы, часто и сами родители нуждаются в помощи и советах священника, который должен их призвать и научить исполнению разумного родительского долга, основанного на «страхе Божиим», который и есть «начало всякой премудрости» (Притчи Соломона, 1, 7). В такие кризисные моменты нравственного воспитания родители или воспитатели обязаны начать раскрывать ребенку и будущую судьбу, ожидающую его, как в ближайшее время на земле, так и окончательно — за пределами земной жизни. Начало надежды, положенное Самим Богом, как семя, в душу ребенка, в это время может и должно уже начать приносить свой плод. Вспомним какое глубокое впечатление произвело на великого Гоголя раскрытие его судьбы, как христианина, произведенное его матерью, когда он был еще малым ребенком. «Однажды Вы мне, ребенку, так хорошо, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность, это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

С развитием у ребенка понятий и речи начинается период его учения. Если его телесное развитие зависело от правильного, своевременного и достаточного питания, то и умственное развитие требует такого же правильного, своевременного и достаточного обучения. Памятью о двойном назначении человека — через временную жизнь на земле к вечной жизни на небе, необходимо и обучение ребенка с самого начала подчинить принципу этого двойного назначения. Следовательно, учение должно начаться с того «единого на потребу», которое, по словам Самого Спасителя, есть «избрание благой части» и которое, если будет прочно укоренено в душе, уже никогда не отнимется от нее. Но когда и как следует начинать христианское обучение младенца? «Всякая душа по природе своей христианка» (Тертуллиан). Таинства же Крещения, Миропомазания и Причащения уже забросили в младенческую душу семена веры, надежды и любви. Христианство все, от начала до конца, преисполнено благодатных непостижимых и действенных Таин. Все в душе христианского младенца уже готово к развитию. Пока сам ребенок еще беспомощен к саморазвитию, до тех пор долг содействия этому развитию падает на родителей и воспитателей. Горе тому, кто не выполнит возложенного на него Богом долга. По вере восприимчивиков и родителей нисходит на крещаемого благодать возрождения; по благочестию и вере их получает еще несмысленный младенец и особые дары благоволения Божиего: духовную влагу, духовное тепло и духовный свет для содействия произрастанию семян трех величайших основных добродетелей веры, надежды и любви. Иными словами, зачаток учения младенца есть осенение Благодатию, низводимой на него по вере нашей. Отсюда ясно, что первым уроком веры для младенца является благоговейное крестное знамение, которым благочестивая мать или воспитательница осеняет его в постели на ночь и по пробуждении. Если сила крестного знамения, как мы знаем, имеет свое действие над неодушевленной природой, то тем более оно действенно над живою душою младенца. Крестное знамение и молитва матери над колыбелью являются для него своего рода Богослужением, а вместе с тем и первым наставлением в вере. Если нельзя поймать то мгновение, с которого начинается религиозное развитие и обучение дитяти, то не полезнее ли его начинать как можно раньше? Не переводит ли Ангел Хранитель благоговейных молитв матери на язык младенческих понятий? Замечательный опыт в этом отношении был проделан с детьми-идиотами. Известная всей России «тетя Катя» (Грачева), посвятившая воспитанию глубоко слабоумных детей всю свою жизнь, свидетельствовала о том, что идиоты, неспособные к элементарным актам самообслуживания и членораздельной речи, — обнаруживали «искру Божью», явные проблески человеческого сознания, когда им, с сострадательным человеколюбием и искренней верой, говорили о Боге. Чтобы язык веры, надежды и любви христианской, язык боговедения, богопочитания, благоговения и благочестия сделался родным языком для души младенца, следует говорить с ним этим языком с самой колыбели. Если первый лепет младенца, его первый «разговор» с матерью будет освящен именем Христа на устах матери, если первые движения его рученок будут употреблены на крестное знамение, и, если первая сознательная заученная речь будет хотя бы самой краткой молитвой, — тогда прочный каменный фундамент христианского религиозного обучения будет, несомненно, заложен.

С развитием понятий у младенца (что происходит одновременно с развитием речи) — перед нами раскрываются широкие перспективы для разнообразнейших наставлений ему о вере.

Многие родители чрезвычайно боятся, чтобы у ребенка не появились мысли о смерти. Но это глубокая ошибка. Ребенок, начавший говорить, очень рано способен получить понятие о смерти и это понятие необходимо дать ему возможно раньше. Но конечно это важное понятие должно быть строго христианским. А таковым оно может быть только в связи с понятиями бессмертия души и воскресения тел. А когда мы заговорим с малым ребенком о смерти и только упомянем о бессмертии души и воскресении тел, — как радостно он хватается за эту мысль; с каким волнением, часто даже и взрослым непонятным, он смотрит на будущую жизнь на небе и начинает рассуждать о будущей участи своей и других. Надежда на блаженное состояние после смерти и воскресения ему более доступна, чем взрослым, благодаря чистоте и непосредственности его детской веры и любви. Именно после этих возвышенных переживаний и начинается усиленный рост детской пытливости по отношению к религиозным вопросам, столь

характерной у нормальных детей в преддверии отрочества. В это время настоятельно необходимыми для ребенка становятся наставления из уст пастыря-священника. Родители заменить такового не могут. Тут требуется сугубо возвышенный авторитет. Никто, кроме служителя Церкви, имеющего духовный сан, не может стать таким авторитетом. Священника привыкло дитя видеть с младенчества в храме Божиим, овеванным святостью Богослужения. Сам внешний облик священника, с его особым одеянием, воспринимается часто ребенком, как одушевленная икона. С каким невольным благоговейным страхом и трепетным уважением начинает слушать дитя своего нового, духовного, власть имеющего от Бога учить, наставника. Глубокозначительно звучит в детском сознании новое понятие и новое слово — духовный отец. Как важно, чтобы ребенок с первых слов священника понял, что теперь с ним заговорили о самом главном в жизни, о тех предметах, которые будут влиять не только на всю его жизнь на земле, но и на вечную жизнь на небе.

Когда же именно следует ребенку начинать учиться Закону Божию у священника? Точного срока определить нельзя. Многое зависит от степени индивидуального развития. Но как общее правило, такое учение должно начинаться на пороге младенчества и отрочества, непосредственно предшествуя первой исповеди.

Первая исповедь является главнейшим событием жизни младенца-отрока, после Крещения, Миропомазания и первого Причастия. Первая исповедь с одной стороны есть экзамен всему его духовному религиозно-нравственному развитию за период младенчества, а с другой — вратами для нового отроческого периода, когда, обычно, семейное воспитание получает соперника в лице воспитания школьного.

Первая исповедь ребенка является экзаменом и для родителей (или воспитателей), подготовлявших юную душу для восприятия нового св. Таинства, именуемого «вторым Крещением».

Все семейное, дошкольное, религиозно-нравственное воспитание и образование представляют собою борьбу за чистоту души дитяти, родившегося и долженствующего жить в грешном, растлевающем все чистое и непорочное, мире. Победный исход этой борьбы возможен лишь для благочестивой православной христианской семьи, с помощью св. Таинств канонически правильной, а потому и, несомненно, благодатной Православной Церкви. Для того, чтобы эта семья не отчаивалась при виде силы греха и зла в окружающем ее мире и при сознании немоги в деле охраны души младенца в течение семи лет, — и поставлен перед ней благодетельный спасительный маяк: Таинство Покаяния первой исповеди, долженствующее исправить все ошибки и восполнить все пробелы немощного человеческого воспитания. Первая исповедь, — «второе Крещение», — Крещение первыми покаянными отроческими слезами, должна срастворяться такими же покаянными слезами родителей. Счастливы те родители, которые, несмотря на массу жизненных препятствий, смогут сами исповедоваться и причаститься св. Таинств одновременно с первой исповедью и первым сознательным Причащением своего дитяти. (Восприемники при крещении младенца также должны предварительно поговорить. А исполняет ли кто-нибудь это в настоящее время? Мне пришлось видеть такую «крестную мать», которая не могла прочесть наизусть Символа Веры.

Для юного сердца отрока первая исповедь должна служить указанием, что теперь для него настает время самостоятельного верования с личной ответственностью перед Богом. Являясь теперь на Суд Церкви со своими еще отроческими грехами, отрок-христианин в первый раз дает сам за себя отчет Богу.

Первая исповедь часто навсегда решает судьбу всех последующих падений, покаяний, восстановлений и обновлений душевных на жизненном пути, на котором «нест человек иже не согрешит».

Православно-христианское религиозно-нравственное воспитание не имеет права упустить из виду первой исповеди, иначе оно лишит себя самого действенного средства к достижению своей цели. Ибо христианское воспитание есть начало «Пути ко спасению», который невозможен без помощи св. Таинств Церкви.

Таинство св. Причащения, важнейшее и таинственнейшее из всех святых Таинств, питало младенца и раньше, от Крещальной купели до первой исповеди по вере его родителей и воспитателей. Нынче же отрок впервые подходит к св. Чаше сознательно, после Таинства Покаяния. Подготовка отрока к достойному принятию первого

сознательного Причастия Тела и Крови Христовой — это заключительный, кульминационный пункт православного христианского воспитания.

Чтобы быть достойным Причащения Тела и Крови Христовой, надо знать и понимать многозначительные слова Апостола: «ядый и пияй недостойне суд себе яст и пьет». Это непременно должен знать и понимать отрок, впервые приступающей к сознательному Причастию. Для полной подготовки к первому Причастию необходимо раскрыть перед сознанием причащающегося картину жизни человека от начала его сотворения и грехопадения до искупительных Страстей Христовых. Необходимо, чтобы причащающийся отрок глубоко прочувствовал силу любви Господней ко всем людям. Пусть он выучит и сознательно прочитает (по мере его умственных сил) Символ Веры и молитву перед Причащением. Пусть он со всей живостью детского воображения и соображения представит себе все страдания Христовы, как дело, совершенное не для всех только вообще, но и за него и для него, еще юного грешника. Потрясши душу отрока, следует затем и успокоить и обрадовать его святой радостью Воскресения Христова, радостью прощения всех искренне-кающихся и радостью обетования: «ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз к нем» (Ев. Иоанна 6, 56).

Проф. И. М. Андреев.

ПЛАЧЬТЕ!... Посвящается памяти Ф. М. Достоевского.

Однажды, в одной из Нью-Йоркских газет появилась небольшая заметка под названием "Детоубийца". В этой заметке сообщалось, что в маленьком отеле Нью-Йорка, на 84 улице Вест, произошло страшное событие, ужаснейшее преступление: мать избила до смерти своего 2-х летнего внебрачного сына. Сообщались и скудные, краткие подробности, усугубляющие до невероятности ужас проявленной жестокости: плача и стонов истязаемого ребенка не мог выдержать любовник этой женщины, человек "с богатым уголовным прошлым"; он вышел из комнаты и попросил лифтера позвать полицию. Когда явилась полиция — ребенок был уже мертв, но мать продолжала наносить побои и мертвому. Вид мальчика был настолько ужасен, что даже привыкшие ко всяким преступлениям полицейские "не в силах были глядеть на маленький трупик", который представлял собою "сплошную рану", как сообщалось в заметке. Во время допроса, мать-убийца, молодая 29-летняя женщина, не проявила никаких признаков раскаяния.

Никто в мире не писал с такой силой и яркостью о детских невинных страданиях, как Достоевский. Его за это называли "жестоким талантом" (Михайловский), а критик Айхенвальд — назвал "мучителем и мучеником", "Иоанном Грозным русской литературы", "великим каторжником, бряцающим цепями", а творческий путь Достоевского квалифицировал как "исступленное шествие", "изумляющее мир". Так вот — только сила пера Достоевского и его прозорливое к страшным глубинам человеческой души художественное воображение — могли бы заставить весь мир увидеть, понять и пережить то, что случилось в Нью-Йорке. Но если у нас нет силы гения "страстного к страданиям" писателя, то может быть нам удастся воспользоваться его художественным, психологическим, реалистическим методом, чтобы представить себе реально и ясно совершенное преступление и понять его смысл. Попробуем бледными и несовершенными словами восстановить и протокольно изобразить реальные процессуальные подробности того, что случилось. Это, ведь, не кошмар, а гораздо хуже: это действительно было. И трупик невинно замученного истязаниями и побоями ребенка лежал в Нью-Йоркском морге, а в архиве этого морга имеется и протокол судебно-медицинского вскрытия этого трупа.

От простых сильных побоев умереть трудно. Надо повредить или разрушить функции главнейших жизненных органов, чтобы живое тело стало трупом. Даже искалеченное до неузнаваемости тело, попавшее под машину, может еще часами продолжать оказывать признаки жизни. Но к приходу вызванной полицией ребенок уже был мертв. Протокол судебно-медицинского осмотра и вскрытия представлял собою длинное сухое перечисление наружных и внутренних повреждений. Тут и исковерканный переломанный носик, и выбитые молочные зубки, и темные сине-багровые пузыри вместо век, и проломленный лобик, так что "трудно отличить лицо от затылка", тоже проломленного, с большим количеством запекшейся крови. Кровоизлияния и в легких и

в почках. Разорванный мочевой пузырь Переломаны почти все тонкие ребрышки. Переломленный в нескольких местах позвоночник. Желудок наполнен проглоченной кровью. И в дыхательном горле тоже кровь (которую он, очевидно, захлебывался во время судорожных всхлипываний). И многое другое зарегистрировано в протоколе... И этот сухой перечень тягчайших повреждений на трупике — вопиет и рассказывает о том, как получились эти повреждения... Когда ребенка начали за что-то бить, он конечно, заплакал; когда его стали бить сильнее за то, что он плачет, — он начал кричать, а когда усилили побои за то, что он кричит и стали кричать на него, чтобы он замолчал, грозя его убить, если он не замолчит, — то, хотя дитя и не понимало, что значит "убить", но могло понять, что надо замолчать, чтобы прекратились побои ... И тогда, с ужасом глядя на свою "маму", стараясь удержать свой крик, он начал произвольно судорожно всхлипывать, и от этих усилий личико его искажалось гримасой... И тогда "мама" в, остервенении стала кричать, чтобы он прекратил "корчить рожу", и чтобы он не смел "пикнуть" (да, да, именно так и было, ибо бывало так и с другими детьми, которых били сначала за плач, потом за крик, потом за стон и за искаженное лицо). Била своего мальчика "мама" не только кулаками (ими невозможно превратить все тело "в сплошную рану", и переломить позвоночник и разрушить внутренние органы), но и чем попало, может быть бутылкой из под молока, а может быть и молотком, и вообще всем, что попадалось под руки. А может быть и за ножки схватила ребенка (он, ведь, был только двухлетка) и била головой о стол, о кровать, об умывальник или о плиту... А может быть и топтала ногами. И всячески истязала его даже тогда, когда "он испустил свой младенческий дух"...

"Ах, не надо!"... "Не говорите так", "невозможно это слышать" ... Разве не воскликнут так многие читатели? Но если невозможно "слышать" о том, что было, то, что переживал сам умученный ребенок? Люди стали глухи к страданиям. Они или не слышать или не хотят слышать о том, что не в кошмаре, а совершается реально... "По причине умножения беззакония у многих охладает любовь" — сказано в Священном Писании о последних временах мировой истории. Так теперь и происходит. Но если даже уголовный преступник так пожалел невинно истязаемого младенца, что вызвал полицию и тем самым обнаружил себя и был арестован, то неужели мы, христиане, бездонно глубокой жалостью не пожалеем его? А для того чтобы так пожалеть, надо хотя бы нравственно сопережить те страдания, которые перенесло невинное дитя. Такая жалость усилит гаснущую и в нас сострадательную любовь, в которой нуждаются столь многие нас окружающие.

Православные русские люди! Жалостливые русские люди! Не бойтесь ясно представить себе страшное явление этого детоубийства, — ведь это знамение с неба!

В нас так слаба вера и любовь к Спасителю и так мало сознательного и проникновенного понимания Его искупительных за наши грехи страданий, что только на Страстной неделе Великого Поста, особенно в Великую Страстную пятницу, подходя к св. Плащанице, немногие, на короткое время, ужасаются тем священным трепетным ужасом, без которого невозможно понять неисчерпаемый глубинный смысл Голгофы.

Вспомним, как вопрос о невинных детских страданиях ставил Иван Карамазов. До сих пор приходится встречаться со многими людьми, называющими себя христианами, которые готовы подписаться под его словами. А, ведь, Иван Карамазов обвинял за детские невинные страдания Самого Господа Бога. И многие и теперь — и даже в этом конкретном случае детоубийства — готовы возроптать на Бога и воскликнуть: Где же Бог? Как Он мог допустить такие страдания невинного ребенка!.. Какое глубокое заблуждение ума и сердца — так мыслить и так говорить! Как можно роптать на Бога создавшего человека со свободной волей для вечного блаженства, а после непростимого по существу грехопадения (следствием чего и явилось зло со всеми страданиями и смертью) — искупившего этого грешного человека Своими безвинными страданиями, Своею святою Кровью. Ведь не какого-то абстрактного Бога вы упрекаете, а Бога-Христа, распятого за наши грехи и спасающего нас от вечной смерти своими этими безвинными муками... Попробуйте принести свой укор и свои обвинения к Святой Плащанице, в Страстную Великую пятницу и вы почувствуете и поймете свою роковую ошибку... Перед гробом Христовым — у вас умолкнут уста, и язык прилипнет к гортани. И у Достоевского так: чистый Алеша, в оправдание невинных детских страданий, напоминает Ивану о Христе... Нет, не Бога, а себя должно укорять каждому за всякое

зло, которое мы видим. Все за одного и один за всех виноваты — вот сущность социальной этики христианства. И перед лицом вот этого, замученного на 84 улице в Нью-Йорке младенчика — мы все виноваты. Ибо — грешны, т.е. творим зло и вносим это свое зло в мировую "сокровищницу зла"... А оно, это зло, накапливается в огромную мировую энергию зла (в которую и мы внесли свою лепту) и ищет, для своего воплощения, сосуды безблагодатных тел, и, когда находит — воплощается в них и они совершают великие злодеяния. Мы все — братья и сестры. Все человечество — одна огромная семья. И замученный младенец — наш брат, и его ужасная убийца-"мама" — наша сестра. В ее злодеянии есть капля зла каждого из нас... Некрасов писал о падших женщинах:

"Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да спросим:
"Как дошла ты до жизни такой?"

И вот эта 29-летняя "мать"-убийца — от кого-то родилась и как-то и кем-то была вскормлена, и образована, и воспитана, и с детства до дня своего страшного преступления жила среди нас, людей, ее окружавших, ее сестер и братьев... Все ли сделали для нее эти братья и сестры, что могли и должны были сделать, чтобы не допустить ее, тоже бывшую когда-то невинным младенцем — до теперешнего преступления?.. Подумай каждый о себе... Что ты делал в тот вечер, когда совершилось это невероятное, но истинное злодеяние? А, ведь, может быть твой грех, твой разврат, твоя злоба — оказалась последней капелькой, переполнившей сосуд зла, наполненный до краев в душе этой детоубийцы? ... Так мы должны рассуждать, если мы — христиане. Плачьте, братья и сестры! Не стыдитесь этих слез! Заставьте и окружающих вас плакать от ужаса, от боли, от сочувствия к невинному младенчику-страстотерпцу и от сознания и своей вины — как в страданиях Самого Спасителя, так и в страданиях каждого невинно страждущего младенца, мученическая кровь которого сливается со святой Кровью Спасителя, омывающей все грехи истинно кающихся грешников...

Плачьте! И пусть эти слезы будут купелью, в которой окрестит Господь наверно некрещеного младенца-мученика, миропомазанного вместо елее — своей младенческой невинной кровью. Плачьте! Пусть будут ваши слезы и источником иной энергии, энергии добра, противоборствующей энергии зла, и силой своей спасающей хотя бы одного еще ребенка от невинных мук, и хотя бы одну еще преступную мать от непростимого греха. Пусть эти слезы разбудят и многих равнодушных, проходящих мимо других таких же будущих несчастных преступных матерей, когда они еще только начинают ходить и лепетать свои первые слова. Не стыдитесь плакать слезами скорби, сострадания и покаяния.

Проф. И. М. Андреев

Отлучение Льва Толстого от Православной Церкви

Всякий акт отлучения от Православной Церкви — всегда есть акт Божественного гнева Любви. Цель всякого церковного отлучения — содействие спасению погибающей человеческой души. Когда ничто не действует для вразумления заблудшего — может помочь страх. «И к одним будьте милостивы, с рассмотрением, а других страхом спасайте» (Иуд.1:22-23). Так поступает Святая Христова Церковь. Так и Сам Господь, который есть Любовь, будучи безконечно терпеливым и безгранично милостивым, после всех средств для спасения души, посылает грешнику, как последнее средство для обращения, — скорби, болезни и страдания.

Великий писатель земли русской, Лев Толстой, получивший от Бога огромный, титанический талант художественного творчества, позволивший ему написать великую историческую эпопею «Война и мир» и психологическую эпопею (по удачному выражению Иванова-Разумника) «Анна Каренина», в конце 70-х годов прошлого века начал свою противцерковную деятельность и написал свою знаменитую «Исповедь», а затем не менее знаменитую «Критику догматического богословия».

«Сообщенное мне с детства вероучение» — писал он в «Исповеди», исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я с 15-ти лет стал читать философские сочинения, то мое отречение от вероучения очень рано стало

сознательным. Я с 16-ти лет перестал становиться на молитву и перестал по собственному побуждению ходить в церковь и говеть...» «Я был крещен и воспитан в Православной Христианской вере. Меня учили ей с детства и во все время моего отрочества и юности... Но когда в 18 лет я вышел со второго курса Университета, я не верил уже ни во что из того, чему меня учили. Судя по некоторым воспоминаниям, я никогда не верил серьезно, а имел только доверие к тому, что исповедовали передо мной большие, но доверие это было очень шатко».

Это чрезвычайно важное признание. Детская вера — есть фундаментальный камень всей последующей религиозной жизни человека. Не даром и Христос Спаситель говорил: «не препятствуйте детям приходить ко Мне», и, «если не будете как дети, то не войдете в Царство Небесное», а про того, «кто соблазнит единого от малых сих, верующих в Меня», сказал, что «тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Мф.18:6).

И вот эту главную основу истинной христианской веры — детскую веру — Толстой, по его собственным словам, навсегда потерял уже к 16-му году своей жизни. С полной потерей детской веры человек теряет основы всякой религиозной веры и превращается в нигилиста. И вот сам Толстой признается в этом, в своем сочинении «В чем моя вера». Он пишет: «Я прожил на свете 55 лет, и, за исключением 14 или 15 детских лет, 35 лет я прожил нигилистом, в смысле отсутствия всякой веры». Дойдя до полного духовного опустошения и будучи накануне самоубийства, Толстой пробовала формально стать православным: ходить в церковь, креститься, поститься, исполнять все обряды и таинства Православной Церкви. Но долго такой самообман продолжаться, конечно, не мог. Механическое исполнение внешних обрядовых форм Православия, без участия сердца, без веры во Христа-Спасителя и в Его Святую Церковь — было в конце концов кощунством. Если еще можно было только внешне формально исполнять обряды, то к Таинствам, а тем более к святейшему и величайшему в мире св. Таинству Евхаристии — так подходить нравственно невозможно. Ибо недостойных св. Таинства жгут.

«Никогда не забуду» — вспоминает Толстой в «Исповеди» испытанного мною в тот день, когда я причащался в первый раз после многих лет... Когда я подошел к царским дверям и священник заставил меня повторять то, что верю, что то, что я буду глотать, есть истинное тело и кровь, меня резнуло по сердцу, это мало, что фальшивая нота, — это жестокое требование кого-то такого, который, очевидно, никогда и не знал, что такое вера...»

Несчастный Толстой! Он был глух духовно к словам Самого Спасителя: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день», и «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и Пить крови Его, то не будете иметь в себе жизни».

Потеряв веру в личного Бога, Толстой, как это всегда бывает в таких случаях, стал искать себе идолов. Таким идиолом, которого он боготворил, стал знаменитый французский философ-«просветитель», один из творцов «Великой Французской Революции», враг Христианской веры и Церкви, — Руссо. В 1905 году, будучи уже 77-летним стариком, Толстой писал: «В моей жизни было два великих и благотворных влияния: Руссо и Евангелие...» Не случайно Руссо поставлен на первое место. Влияние личности и идей Руссо было, несомненно, самым огромным, решающим влиянием на всю жизнь Толстого.

«Руссо был моим учителем с 15 лет» — признавался Толстой. «Я более чем восхищался им, я боготворил его. В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо нательного креста. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам... Совсем недавно (в 1905 г.) мне случилось перечитать некоторые из его произведений и я испытал то же самое чувство возвышения и удивления, которое я испытал читая его в первой молодости».

Личность Толстого невозможно понять без главного ключа к ней: Толстой несомненно был одержимым. Начальный страшный момент этой одержимости можно отнести к той записи в «Дневнике», которую Толстой сделал еще молодым 27-летним офицером, 5 марта 1855 года, сидя под Севастополем, в лагере на Беельбеке, после кутежа и проигрыша в карты тысячи рублей: «... разговор о божестве и вере навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным

посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле». Этой гордой идее Толстой и посвятил всю вторую половину своей жизни (от конца 70-х годов до смерти в 1910 году).

Сестра известного русского философа профессора Л. М. Лопатина, передавая свой разговор с родной сестрой Толстого монахиней матушкой Марией, сообщает очень характерные слова этой монахини о своем любимом брате: «Ведь Левочка какой человек-то был? Совершенно замечательный! И как интересно писал! А вот теперь, как засел за свои толкования Евангелия, сил никаких нет! Верно, всегда был в нем бес...» И Лопатина от себя прибавляет: «Я в этом никогда не сомневалась» (Сообщение И. Бунина в его книге — «Освобождение Толстого», Париж, 1937 г., стр. 125).

Грубые и циничные кощунственные выпады Толстого против Православной Церкви, начавшиеся с конца 70-х годов, все нарастали, и наконец, приняли такие невозможные формы, что вызвали у верующих православных людей ропот на излишнюю терпимость Церкви к хулителю ее и великому еретику Льву Толстому. В 1899 году, 13 марта, в журнале «Нива» начал печататься последний роман Толстого «Воскресенье». 25 декабря того же года роман был закончен.

Приведем несколько цитат из этого романа (главы 39 и 40 первой части), которые переполнили чашу терпения Православной Церкви и заставили Ее поставить вопрос об отлучении Толстого от Церкви.

Слишком мучительно и оскорбительно для православного чувства и слуха звучат нижеприведенные цитаты, но их приходится в небольшом количестве привести для того, чтобы показать всему христианскому и особенно православному христианскому миру, за что был Толстой отлучен от Православной Церкви.

Вот как начинается 39 глава романа «Воскресенье» (мы опускаем приводимую далее обширную цитату — таким кощунством исполнено это глумливое изображение таинства Евхаристии).

Далее идет такое же кощунственное описание чтения Акафиста Спасителю...

В 40-й главе Толстой пишет по поводу только что им так кощунственно описанного Богослужения: «Никому из присутствующих не приходило в голову того, что все, что совершалось здесь, было величайшим кощунством (? И. А.) и насмешкой (? И. А.) над тем самым Христом, именем которого все это делается. Никому в голову не приходило того, что золоченый крест с эмалевыми медальончиками на концах, который вынес священник и давал целовать людям, был не что иное, как изображение той виселицы, на которой был казнен Христос именно за то, что Он запретил то самое, что теперь Его Именем (конечно, тоже с малой буквы) совершалось здесь ...»

Воистину, никому в голову не приходило то, что пришло в голову Толстого.

Терпение Церкви истощилось.

20-22 февраля 1901 года состоялось специальное Определение Святейшего Синода. «Святейший Синод, в своем попечении о чадах Православной Церкви, об охранении их от губительного соблазна и о спасении заблуждающихся, имев суждение о графе Льве Толстом и его противохристианском и противоцерковном лжеучении, признал благовременным, в предупреждение нарушения мира церковного, обнародовать, через напечатание в «Церковных Ведомостях», нижеследующее свое Послание:

Божией милостью

Святейший Всероссийский Синод верным чадам Православной Кафолической Греко-Российской Церкви, о Господе радоваться.

Молим вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, ему же вы научитесь, и уклонитесь от них (Рим.16:17).

Изначала Церковь Христова терпела хулы и нападения от многочисленных еретиков и лжеучителей, которые стремились ниспровергнуть ее и поколебать в существенных ее основаниях, утверждающихся на вере во Христа, Сына Бога Живого. Но все силы ада, по обетованию Господню, не могли одолеть Церкви Святой, которая пребудет неодоленной во веки. И в наши дни, Божиим попущением, явился новый лжеучитель, граф Лев Толстой. Известный миру писатель, русский по рождению, православный по крещению и воспитанию своему, граф Толстой, в прельщении гордого ума своего,

дерзко восстал на Господа и на Христа Его и на святое Его достояние, явно перед всеми отрекся от воскормившей и воспитавшей его Матери, Церкви Православной, и посвятил свою литературную деятельность и данный ему от Бога талант на распространение в народе учений, противных Христу и Церкви, и на истребление в умах и сердцах людей веры отеческой, веры православной, которая утвердила Вселенную, которою жили и спасались наши предки и которою доселе держалась и крепла Русь святая. В своих сочинениях и письмах, в множестве рассеиваемых им и его учениками по всему свету, в особенности же в пределах дорогого отечества нашего, он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской; отвергает личного живого Бога, во Святой Троице славимого, Создателя и Промыслителя Вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа — Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира, пострадавшего нас ради человек и нашего ради спасения и воскресшего из мертвых, отрицает божественное зачатие по человечеству Христа Господа и девство до рождения и по рождении Пречистой Богородицы, Приснодевы Марии, не признает загробной жизни и мздовоздаяния, отвергает все таинства Церкви и благодатное в них действие Святого Духа и, ругаясь над самыми священными предметами веры православного народа, не содрогнувшись подвергнуть глумлению величайшее из таинств, святую Евхаристию. Все сие проповедует граф Толстой непрерывно, словом и писанием, к соблазну и ужасу всего православного мира, и тем неприкровоенно, но явно пред всеми, сознательно и намеренно отверг себя сам от всякого общения с Церковью Православной. Бывшие же к его вразумлению попытки не увенчались успехом. Посему Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею. Ныне о сем свидетельствуем перед всею Церковью к утверждению правосостоящих и к вразумлению заблуждающихся, особливо же к новому вразумлению самого графа Толстого. Многие из ближних его, хранящих веру, со скорбью помышляют о том, что он, на конце дней своих, остается без веры в Бога и Господа Спасителя нашего, отвергшись от благословений и молитв Церкви и от всякого общения с нею.

Посему, свидетельствуя об отпадении его от Церкви, вместе и молимся, да подаст ему Господь покаяние в разум истины (2Тим.2:25). Молимся, милосердный Господи, не хотяй смерти грешных, услыши и помилуй, и обрати его ко святой Твоей Церкви. Аминь.

Подлинное подписали:

Смиренный Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский.

Смиренный Феофан, митрополит Киевский и Галицкий.

Смиренный Владимир, митрополит Московский и Коломенский.

Смиренный Иероним архиепископ Холмский и Варшавский.

Смиренный Иаков, епископ Кишиневский и Хотинский.

Смиренный Маркел, епископ.

Смиренный Борис, епископ

Жена Толстого графиня София Андреевна Толстая, хотя и была православной, но, очевидно, тогда еще не была достаточно знакома ни с основными догматами Церкви, ни со святыми Канонами Церковными, ни с Историей Православной Церкви, ни со святоотеческой литературой, ни с христианским нравоучением, и, вообще не жила в Церкви (по замечательному выражению Хомякова), а только заходила в нее, больше же находилась лишь около церковных стен. Только этим и можно объяснить ее внезапную реакцию на Постановление Синода, побудившую ее написать немедленно после, опубликования отлучения резкое непродуктивное и некорректное письмо ко Главе Русской Православной Церкви, Первоприсутствующему в Синоде Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому — Антонию.

24 марта 1901 года, в Петербурге, в № 17 «Церковных Ведомостей», издававшихся при Святейшем Правительствующем Синоде, в неофициальной части, было опубликовано письмо графини С. А. Толстой к Митрополиту Антонию и ответ Митрополита.

Приводим эти письма.

«Ваше Высокопреосвященство! Прочитав вчера в газетах жестокое распоряжение Синода об отлучении от Церкви мужа моего, графа Льва Николаевича Толстого, и увидя

в числе подписей пастырей Церкви и Вашу подпись, я не могла остаться к этому вполне равнодушна. Горестному негодованию моему нет пределов. И не с точки зрения того, что от этой бумаги погибает духовно мой муж: это не дело людей, а дело Божие. Жизнь души человеческой с религиозной точки зрения никому, кроме Бога, не ведома и, к счастью, не подвластна. Но с точки зрения той Церкви, к которой я принадлежу и от которой никогда не отступлю, которая создана Христом для благословения именем Божиим всех значительнейших моментов человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских... которая громко должна провозглашать закон любви, всепрощения, любовь к врагам, к ненавидящим нас, молиться за всех — с этой точки зрения для меня непостижимо распоряжение Синода. Оно вызовет не сочувствие (разве только «Московских Ведомостей»), а негодование в людях и большую любовь и сочувствие Льву Николаевичу. Уже мы получаем такие изъявления — и им не будет конца — от всего мира. Не могу не упомянуть еще о горе, испытанном мною от той бессмыслицы, о которой я слышала раньше, а именно: о секретном распоряжении Синода священникам не отпевать в церкви Льва Николаевича в случае его смерти. Кого же хотят наказывать? — умершего, не чувствующего уже ничего человека, или окружающих его, верующих и близких ему людей? Если это угроза, то кому и чему? Неужели для того, чтобы отпевать моего мужа и молиться за него в церкви, я не найду — или такого порядочного священника, который не побоится людей перед настоящим Богом любви, или непорядочного, которого я подкуплю для этой цели большими деньгами? Но мне этого и не нужно. Для меня Церковь есть понятие отвлеченное, и служителями ее я признаю только тех, кто истинно понимает значение Церкви. Если же признать Церковью людей, дерзающих своею злобой нарушить высший закон — любовь Христа, то давно бы все мы, истинно верующие и посещающие церковь, ушли бы от нее. И виновны в грешных отступлениях от Церкви не заблудившиеся, ищущие истину люди, а те, которые гордо признали себя во главе ее, и вместо любви, смирения и всепрощения, стали духовными палачами тех, кого вернее простит Бог за их смиренную, полную отречения от земных благ, любви и помощи людям жизнь, хотя и вне Церкви, чем носящих бриллиантовые митры и звезды, но карающих и отлучающих от Церкви, пастырей ее. Опровергнуть мои слова лицемерными доводами легко. Но глубокое понимание истины и настоящих намерений людей — никого не обманет.

26 февраля 1901 г.

Графиня София Толстая

Письмо это широко известно. Его привела и Александра Львовна Толстая, дочь Толстого, в своем 2-х томном труде «Отец», Издательство имени Чехова, Нью-Йорк. 1953 г. А мудрый, спокойный, корректный, глубокомысленный и душевно-тактичный ответ митрополита Антония (Вадковского) — обычно нигде не приводится. Не привела его и Александра Львовна. Это лежит на ее совести. Надо выслушать и другую сторону, т.е. суждение Православной Церкви устами Ее Первосвященника. Поэтому — приводим ответ митрополита Антония.

«Милостивая Государыня графиня Софья Андреевна!

Не то жестоко, что сделал Синод объявив об отпадении от Церкви Вашего мужа, а жестоко то, что он сам с собой сделал, отрекшись от веры в Иисуса Христа, Сына Бога Живого, Искупителя и Спасителя нашего. На это-то отречение и следовало давно излиться Вашему горестному негодованию. И не от клочка, конечно, печатной бумаги гибнет муж Ваш, а от того, что отвратился от Источника жизни вечной. Для христианина немислима жизнь без Христа, по словам Которого «верующий в Него имеет жизнь вечную и переходит от смерти в жизнь, а неверующий не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нем» (Ин.3:15-16,36; 5:24), и потому об отрекающемся от Христа одно только и можно сказать, что он перешел от жизни в смерть. В этом и состоит гибель Вашего мужа, но и в этой гибели повинен он сам один, а не кто-либо другой. Из верующих во Христа состоит Церковь, к которой Вы себя считаете принадлежащей, и для верующих, для членов своих Церковь эта благословляет именем Божиим все значительные моменты человеческой жизни: рождений, браков, смертей, горестей и радостей людских, но никогда не делает она этого и не может делать для неверующих, для язычников, для хулящих имя Божье, для отрекшихся от нее и не

желающих получать от нее ни молитв, ни благословений, и вообще для всех тех, которые не суть члены ее. И потому, с точки зрения этой Церкви, распоряжение Синода вполне постижимо, понятно и ясно, как Божий день. И закон любви и всепрощения этим ничуть не нарушается. Любовь Божия безконечна, но и она прощает не всех и не за все. Хула на Духа Святого не прощается ни в сей, ни в будущей жизни (Мф.12:32). Господь всегда ищет Своею любовью, но человек иногда не хочет идти навстречу этой любви и бежит от лица Божия, а потому и погибает. Христос молился на кресте за врагов Своих, но и Он в Своей первосвященнической молитве изрек горькое для любви Его слово, что погиб сын погибельный (Ин.17:12). О Вашем муже, пока жив он, нельзя еще сказать, что он погиб, но совершенная правда сказана о нем, что он от Церкви отпал и не состоит ее членом, пока не покается и не воссоединится с нею. В своем послании, говоря об этом, Синод засвидетельствовал лишь существующий факт, и потому негодовать на него могут только те, которые не понимают, что творят. Вы получаете выражения сочувствия от всего мира. Не удивляюсь сему, но думаю, что утешаться тут Вам нечем. Есть слава человеческая, и есть слава Божия. «Слава человеческая как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее отпал; но слово Господне пребывает во век» (1Петр.1:24-25). Когда в прошлом году газеты разнесли весть о болезни графа, то для священнослужителей во всей силе встал вопрос: следует ли его, отпавшего от веры и Церкви, удостоивать христианского погребения и молитв? Последовали обращения к Синоду, и он в руководство священнослужителям секретно дал и мог дать только один ответ: не следует, если умрет, не восстановив своего общения с Церковью. Никому тут никакой угрозы нет, и иного ответа быть не могло. И я не думаю, чтобы нашелся какой-нибудь, даже непорядочный, священник, который бы решился совершить над графом христианское погребение, а если бы и совершил, такое погребение над неверующим было бы преступной профанацией священного обряда. Да и зачем творить насилие над мужем Вашим? Ведь, без сомнения, он сам не желает совершения над ним христианского погребения? Раз Вы, живой человек, хотите считать себя членом Церкви, и она действительно есть союз живых, разумных существ во имя Бога Живого, то уж падает само собой Ваше заявление, что Церковь для Вас есть понятие отвлеченное. И напрасно Вы упрекаете служителей Церкви в злобе и нарушении высшего закона любви, Христом заповеданной. В синодальном акте нарушения этого закона нет. Это, напротив, есть акт любви, акт призыва мужа Вашего к возврату в Церковь и верующих к молитве о нем. Пастырей Церкви поставляет Господь, а не сами они гордо, как Вы говорите, признали себя во главе ее. Носят они бриллиантовые митры и звезды, но это в их служении совсем не существенное. Оставались они пастырями, одеваясь и в рубище, гонимые и преследуемые, останутся таковыми и всегда, хотя бы и в рубище пришлось им опять одеться, как бы их ни хулили и какими бы презрительными словами ни обзывали.

В заключение прошу прощения, что не сразу Вам ответил. Я ожидал пока пройдет первый острый порыв Вашего огорчения. Благослови Вас Господь и храни, и графа — мужа Вашего — помилуй!

Антоний, митрополит С.-Петербургский».

Александра Львовна Толстая, в своем 2-х томном труде «Отец» (Издательство имени Чехова, Нью-Йорк, 1953 г.) как мною было указано выше, не привела этого письма митрополита Антония, а ограничилась лишь двумя строчками: «Ответ митрополита Антония не удовлетворил Софью Андреевну, Толстой же просто не стал читать его».

Сначала Толстой не хотел отвечать на вышеуказанное постановление Синода, но потом, 4 апреля 1901 г., все-таки ответил. «Ответ Синоду» широко известен и приводить его полностью нет никакой надобности. Поэтому приведем только те места, где Толстой, несмотря на свое возмущение, сам обличает себя и признает главные пункты обвинения, за которые Православная Церковь должна была его отлучить.

«То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной» — пишет Толстой в своем «Ответе» — «это совершенно справедливо».

«То, что я отвергаю непонятную Троицу, не имеющую никакого смысла в наше время басню о падении первого человека, кощунственную (? И. А.) историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий, то это совершенно справедливо».

«Сказано также, что я отвергаю все таинства. Это совершенно справедливо».

«Верю я в то, что воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться, — считаю величайшим кощунством».

«И я действительно отрекся от Церкви, перестал исполнять ее обряды и написал в завещании своим близким, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мне церковных служителей, и мертвое мое тело убрали бы поскорей, без всяких над ним заклинаний и молитв, как убирают всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мешала живым».

В 1902 г. (через год после отлучения) Толстой написал кощунственную легенду — «Разрушение и восстановление ада». Вот что написала по поводу этой легенды жена Толстого, Софья Андреевна, в своем «Дневнике»:

«Это сочинение пропитано истинно дьявольским духом отрицания, злобы, глумления надо всем на свете, начиная с Церкви... А дети — Саша, еще неразумная, и Маша, мне чуждая — вторили адским смехом злорадствующему смеху их отца, когда он кончил читать свою чертовскую легенду, а мне хотелось рыдать...»

В том же 1902 году Толстой написал свое знаменитое «Обращение к духовенству», полное такого циничного кощунства, что даже в Советской России оно напечатано только однажды и то, только в 90-томном Полном собрании сочинений, (именно в 34 томе), которое доступно лишь для специалистов, ученых филологов. Заграницей и «Легенда о восстановлении ада» и «Обращение к духовенству» были напечатаны в пресловутом берлинском издании Генриха Каспари. На это «Обращение» откликнулся приснопамятный батюшка о. Иоанн Кронштадтский. Смирнейший и чистейший любвеобильный иерей Божий никогда и ни о ком не писал с таким необычайным гневом, как о Толстом.

Вот слова о. Иоанна Кронштадтского из его «Дневника».

«Толстой думает, говорит и пишет на почве безбожия и полного отрицания всего того святого, что носит в себе печать богооткровенности; гордость, самомнение, самообожание, презрение к Самому Богу и Церкви, — вот его первооснова; другого основания у него нет. Пред нами софист, и несведущий в истинах веры, не испытавший на себе спасительности веры Христовой легко может он отвлечь от истинной веры и ввести в пагубное неверие.. Под живым впечатлением отлучения от Церкви он решился забросать ее, сколько можно, грязью, и все священное писание Ветхого и Нового Завета, все богослужение, все таинства и особенно духовенство всех Церквей. Толстой, исказив смысл Евангелия, исказил смысл Ветхого Завета и искаженные события передает в насмешливом тоне, подрывая в читающих всякое уважение к святому писанию; над всем, что дорого для христианина, на что он привык смотреть с детства с глубоким благоговением и любовью, как на Слово Божье, он дерзко насмехается.

«Толстой переносит свои поругания на духовенство, на Церковь, на св. Писание Ветхого и Нового Завета и на Самого Господа, и говорит: «была ли такая вредная книга в мире, наделавшая столько зла, как книга Ветхого и Нового Завета». Это прямо относится к толстовским сочинениям, не было вреднее их; Ренаны, Бюхнеры, Шопенгауеры, Вольтеры, — ничто в сравнении с нашим безбожным россиянином Толстым. Написанное Толстым в «Обращении» — с точки зрения христианской — одно безумие». (См. книгу «Отец Иоанн Кронштадтский и граф Лев Толстой» (Джорданвилль, 1960 г.).

4 января 1908 г. в Ясную Поляну приехал священник Троицкий. После его отъезда, в столовой, во время обеда, Толстой стал рассказывать об его посещении. По его словам священник сказал ему, что церковные обряды — это скорлупа на яйце. Если прежде времени сколупнуть скорлупу, то цыпленок не выведется.

«Я сказал ему», продолжал Толстой, «что скорлупа — это тело, цыпленок — это дух, а ваше учение — это дерьмо на скорлупе. Он очень обиделся. Я еще резче сказал...»

20 января 1909 г. Толстого посетил тульский епископ Парфений. В своем «Дневнике», после посещения архиерея, Толстой, между прочим, написал: «...Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я «покаялся» перед смертью. И потому заявляю, кажется, повторяю, что возвратиться к Церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и

причащении — ложь... Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу так же без так называемого богослужения, а зарыть тело в землю, чтобы оно не воняло». (Бирюков. Цитирую по книге Архим. Иоанна (ныне Епископа Иоанна Шаховского) — «Толстой и Церковь», Берлин, 1939 г.)

А. Н. Назаров, в своей книге на английском языке «Толстой, этот непостоянный гений» (Нью-Йорк, 1929 г.) приводит характерную фразу Толстого: «Чудеса? Воскресение из мертвых? Ах, не понимаете вы разве, что все это выдумка современников и, особенно, этой... Магдалины?» («Мы затрудняемся воспроизвести кощунственные слова Толстого» — прибавляет проф. И. М. Концевич, по чрезвычайно ценной книге которого мы цитируем указанную фразу. См. И. М. Концевич — «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого», Мюнхен, 1960 г.).

Мать-Церковь Православная со слезами гнева любви отлучила великого богохульника Толстого в 1901 г. за кощунственные 39 и 40 главы «Воскресенья», а так же и за другие его циничные кощунства Церковь не могла не отлучить того, кто себя сам, отлучил от своей Матери-Церкви и хамски поглумился над Ней. Конкурировать в этих кощунственных глумлениях с Толстым может только Ленин. И, тем не менее, когда Толстой смертельно заболел и умирающий лежал на станции Астапово, Мать-Церковь, в лице своего первоиерарха, митрополита Антония (Вадковского), и святых Оптинских старцев, Сама пришла к одру умирающего великого еретика и с великой скорбью ждала одного только слова «каюсь», чтобы простить все и принять его в свое любвеобильное лоно. Митрополит Антоний прислал в Астапово телеграмму (№ 170 из Петербурга, 4 ноября 1910 г. 11.40 утра): «С самого первого момента Вашего разрыва с Церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы Господь возвратил Вас к Церкви. Б. м. Он скоро позовет Вас на Суд Свой, и я Вас больного теперь умоляю, примиритесь с Церковью и православным русским народом. Благослови и храни Вас Господь. Митрополит Антоний».

Эта телеграмма, по распоряжению Александры Львовны, Толстому не была передана. На запрос Оптинского старца о. Иосифа о возможности приезда, по распоряжению Александры Львовны было отвечено: «Семья просит не приезжать. Видеть невозможно». Приехавшие из Оптиной старец Варсонофий и иеромонах Пантелеймон (врач) — к Толстому допущены не были.

7 ноября, 7.10 утра игумен старец Варсонофий телеграфировал епископу Вениамину Калужскому: «Гр. Толстой скончался сегодня 7 ноября в 6 час. утра... Умер без покаяния. Меня не пригласили».

В другой телеграмме игумен Варсонофий сообщал: «Согласно воле графа, тело его будет перевезено завтра в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов в саду».

Когда старца Варсонофия окружили корреспонденты и просили: «Ваше интервью, батюшка?» — старец ответил им: «Вот мое интервью, так и напишите: «Хотя он и Лев, но не мог разорвать кольца той цепи, которою сковал его сатана».

Мало кому известно, что первым актом так называемой «Живой Церкви» в Советской России, под председательством архиепископа Евдокима, — было присоединение Толстого к «Церкви».

Между прочим, в квартире начальника станции Астапово, И. И. Озолина, где умирал Толстой, не было икон, так как Озолин был лютеранин.

Только одна Софья Андреевна, жена Толстого, крестила его и страдала от невозможности служения панихид.

О тяжелых переживаниях сестры Толстого, матушки Марии, монахини Шамординского монастыря, пишет в своих воспоминаниях сын Толстого Илья Львович.

«Очень, тяжёлое испытание перенесла тетя Маша, когда старец Иосиф, у которого она была на послушании, запретил ей молиться об умершем брате, отлученном от Церкви... Неизвестно, чем бы кончился у нее этот душевный конфликт, если бы ее духовник, старец Иосиф, очевидно понявший ее нравственную пытку, не разрешил ей молиться о брате, но не иначе, как келейно, в одиночестве, для того, чтобы не вводить в соблазн других».

Вопрос о молитвах за еретиков, за отлученных, за самоубийц, — вопрос трудный, особенно когда его поднимают близкие родные. Оптинский старец Леонид (умерший в 1841 году) дал такое наставление своему ученику, обратившемуся к нему за утешением по случаю смерти его отца, последовавшей от самоубийства: «Молись преблагому

Создателю, исполняя долг любви и обязанности сыновней».

— Но каким образом молиться за таковых? — спросил послушник.

— По духу добродетельных и мудрых так: «Взыщи, Господи, погибшую душу отца моего, и, аще возможно есть, помилуй! Неизследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы. Но да будет святая воля Твоя».

Очевидно такой же, или подобной ей, молитвой, конечно только келейной, и разрешил молиться сестре Толстого, о «погибшей душе» ее брата, старец оптинский иеромонах Иосиф.